

Юлия Ивлиева

Замуж за царя

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

В Тринадцатом царстве идет нешуточная борьба за руку царя Дмитрия и царство. Оказавшись пятнадцатой претенденткой, Дарья, креативный директор из Москвы, совсем не рада этому факту. А чему радоваться? В соперницах все сказочные красавицы: Шахерезада, Несмеяна, Василиса Прекрасная, Золушка, Белоснежка. Дарья и познакомиться с конкурентками не успевает, как они сходят с дистанции одна за другой. Кто-то травит красавиц крепкой и уверенной рукой. За что хвататься? Искать преступника? Стараться понравиться царю? Искать путь домой? А тут еще любовь нахлынула, так некстати. И совсем не к царю.

- [Юлия Ивлиева](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
-

Юлия Ивлиева
Замуж за царя

Глава 1

Почему звонок с утра – это всегда ощущение кошмара? Вздрагиваешь, сердце бухается куда-то в живот, и по спине бегут мурашки. Даже если ты легла рано, почти трезвой и впереди выходной, звонок будильника – это зов на каторгу. Верный способ возненавидеть любую мелодию – поставить ее на будильник. Телефонный звонок среди ночи – это еще хуже, чем начало кошмара. Воображение сразу рисует землетрясения, цунами и нападение бандитов одновременно.

Первая мысль, которая возникла у меня: «Может, рассосется?» Но телефон настойчиво выводил трели, какая-то сволочь на том конце требовала моего внимания.

– Алло...

Это не сволочь, это Маринка. Бывшая сокурсница и нынешняя подруга по совместительству. Барышня не работала ни дня в своей жизни, с утра может торопиться только в салон красоты. Понятия дня и ночи у нее субъективные, а о таком изобретении человечества, как будильник, она и вовсе не подозревает. Маринка легко звонит в любое время суток. Впрочем, беспокоит она (правда, это по ее мнению) исключительно по вопросам неотложным, где цена либо жизнь, либо смерть, не иначе.

– Этот козел приперся под утро, весь в помаде, а я, по его мнению, параноик и истеричка. Так обращаться со мной после всего, что я для него сделала! На это может быть способен только абсолютный гад, – верещал бодрый голос.

Я бодрости не разделяла, информацию не всасывала, а внутренний голос предлагал пополнить ряды абсолютных гадов и положить трубку.

– Он думает – все ему будет сходить с рук. Не дождется! Мое терпение не безгранично! Я уже вызвала такси, сейчас приеду к тебе. Ты мне нужна, как воздух. У меня с собой вино, целая куча роллов и суши. Пока. Жди... – В трубке раздались короткие гудки.

– Жду, – выдохнула я. Будто у меня был выбор!

Внутренний голос обалдел и заткнулся. Ночь закончилась печально. С трудом разодрав глаза, я в оцепенении уставилась на часы. Интересно, роллы в четыре утра – это поздний ужин или ранний завтрак?

Делать нечего, приезд Маринки неизбежен. Придется вставать. До ее появления я даже успею умыться и выпить кофе.

Позвольте представиться: меня зовут Дарья Калинина, тружусь на поприще пиара и рекламы в маленьком, но гордом агентстве «PaRt». Тружусь долго, старательно и усердно, видимо поэтому месяц назад меня назначили креативным директором. Работа ответственная, интересная и очень активная, причем настолько, что запас событийности и деятельности, предназначенный мне судьбой на всю жизнь, сосредоточился на этой самой работе, то есть больше его ни на что не хватает. Те редкие персоны сильного пола, которые решились предпринять попытку построить со мной серьезные отношения, исчезали из жизни со скоростью, достойной ракеты, потеряв надежду вклиниться между очередными рекламными проектами. Впрочем, претензий я не предъявляю. Да и какие могут быть претензии с моей стороны, если отъезд очередного бойфренда я обнаруживаю, как правило, дня через три после сакрального события. Надеюсь, все мы остались друзьями. До выяснения отношений мы так и не доходили, и за не забранными впопыхах вещами они не возвращались, поэтому узнать это наверняка не представлялось возможности. Последний, например, забыл кота. Так что расставание было ознаменовано лужей в коридоре и жутким голодным воплем. Пока меня не съели на ужин, я сбагрила разъяренное животное к соседке. Два ее малолетних спиногрыза бесперебойно его тискают, закармливают колбасой и обещают вырастить тигра. Кот выглядит вполне довольным жизнью и толстеет на глазах.

Подруги давно потеряли надежду выдать меня замуж или хотя бы стабилизировать мою личную жизнь и добродушно подшучивают, что для сосредоточения моего внимания на чем-то, кроме работы, меня надо вывезти на другую планету. Кроме карьеры в моей жизни есть место квартире, оставленной бабушкой и не требующей моего особого внимания, машине, доставляющей в основном комфорт и положительные эмоции – ненавижу общественный транспорт во всех его проявлениях, и паре подруг, не посягающих на мою личную

свободу. Одна из них как раз сейчас везет ко мне японскую еду и свои сложные любовные отношения в придачу.

Маринка у нас особа исключительно романтичная и любвеобильная, с детства озадачена понятиями о женской чести и порядочности, поэтому все отношения с особями мужского пола строит исключительно в браке. Но так как соответствовать ее представлениям об идеальном «принце на белом коне» практически невозможно, браки сменяют друг друга с пугающей регулярностью. Сейчас Маринка пребывает в седьмом из них, а счастья в личной жизни по-прежнему нет.

Послушав ее щебетание четыре часа кряду, поглотив немалое количество суши и выдув ведро кофе, сделала вывод, что и этот брак с очередным ненаглядным Вадимом, заключение которого мы пышно отмечали полгода назад, подходит к концу. Выслушав десяток сомнительных, на мой взгляд, и железных, на взгляд Марины, аргументов в пользу завершения тупиковых отношений, я сдалась под натиском подруги и согласилась поддержать ее в бракоразводном процессе. Тем более что мне отводилась роль символического утешителя.

Зачем ей сопровождающие в столь родном и регулярно посещаемом заведении, как ЗАГС, совершенно непонятно. Едва мы переступили порог Дворца бракосочетаний, Маринка оказалась в кругу любопытствующих сотрудников. Она так часто выходит замуж, разводится и так щедра на подарки, что давно стала тут не просто любимым клиентом, но и дорогим другом. Буквально каждый работник ЗАГСа был рад ее видеть, готов внимать и сочувствовать. А я? Мне пришлось спасаться бегством, дабы не затоптали. Я слиняла в соседний зальчик. Здесь было тихо и спокойно. Взгромоздившись на подоконник, быстро погрузилась в сон, которого меня так беспардонно лишили ночью.

Сон – моя ахиллесова пята. Лишенная этого бесценного дара Морфея, я становлюсь абсолютно недееспособной, неменяемой, никакой. Поэтому давно научилась восполнять его нехватку при наличии любой точки опоры. То есть заснуть могу в любом положении.

Вот и сейчас, видимо, я довольно крепко заснула, потому что очнулась от громкого и уже раздраженного Маринкиного голоса:

– Даш, ну ты где?

– Иду! – Я вспорхнула с насиженного места. В старинных и академических зданиях всегда высокие и тяжелые двери. Потребовалось немало усилий, чтобы эту дверь как-то отодвинуть. Натужный скрип – и ослепительно-яркий свет.

Глава 2

Комната, где я оказалась, меньше всего напоминала Дворец бракосочетаний. Небольшая, залитая солнцем светелка, беленая печка с прислоненным к ней ухватом, занавески в горошек, цветы на подоконнике в глиняных горшках, дубовый стол, на лавке толстый черный кот. Кот старательно вылизывал собственную шкурку, прикрыв от удовольствия глаза. Видимо, гостей он не ожидал, потому что, увидев меня, застыл в полном недоумении, так и не спрятав розовый язык.

Я тоже несколько удивилась. Надо же зайти не в ту дверь! Но до отвисшей челюсти дело не дошло. Чтобы далее не смущать кота, я решила поспешно удалиться. Дверь за спиной на удивление легко поддалась и с тихим скрипом распахнулась. Дальнейшие события плохо поддаются логическим объяснениям. Больно стукнувшись о косяк лбом, дверь почему-то сделалась маленькой, я уткнулась носом в пыльные полки с банками и коробками. Сверху посыпались корзинки, метелка, еще какой-то хлам. Дверь привела в самую настоящую кладовку. От такой неожиданности я отшатнулась назад и ударилась, теперь уже затылком. Потирая обе шишки разными руками, обернулась к коту.

– Не поняла.

Кот с моральной поддержкой и объяснениями тоже не спешил, зато послышался скрип ступеней и чей-то голос:

– Кики, это ты? Проходи, спускаюсь я.

Наконец-то появится кто-то вменяемый, по крайней мере, владеющий человеческой речью, кто сможет объяснить, как попасть обратно в приемную ЗАГСа. В конце концов, я не сделала ничего противозаконного, перепутала двери случайно и не хотела никого беспокоить. Кстати, очень странное имя для кота, больше подходит для кошки. Впрочем, я знавала хозяйку, которая называла собаку Кошкой, а кошку Мышкой, и ничего. Психушка ее миновала.

Пока шаги медленно и скрипуче приближались, я оглядела диковинный интерьер. Неужели это декорации к свадебным церемониям? Что за удовольствие выходить замуж в такой вот

сказочной избушке? Но, значит, пользуется спросом, если отгрохали. Надо будет Маринке посоветовать в следующий брак вступать в образе царевны-лягушки. Хорошо, что я обладаю железными нервами и устойчивой психикой, поскольку не каждый останется в твердом рассудке, узрев такое в городском Дворце бракосочетаний.

Появилась дряхлая сгорбленная старушка в меховом жилете, лаптях и синем платке, завязанном на голове вверх концами. Хитрые черные глазки уставились на меня, не мигая, огромный крючковатый нос принюхался, а подозрительно поджатые губы не скрыли двух острых клыков – один золотой, другой желтый, костяной. Ткнув в меня узловатым пальцем с не знавшим маникюра ногтем, бабка спросила:

– Ты кто?

Как в тумане, пришло понимание, что это не грим. Старушка не казалась правдоподобной, она и была самой настоящей. Вот тут, собственно, я и усомнилась в своем психическом здоровье, заподозрила у себя галлюцинации, когнитивный диссонанс и, как результат, подмену реальности. Я нервно хихикнула, а скорее хрюкнула, и тихо сползла на пол.

Сознание вернулось на пару с отвратительным запахом и ощущением мокрого лица. Веки с трудом поднялись, перед глазами была все та же бабка с клыками, заботливо укладывающая мне на лоб мокрую тряпку.

– Оклемалась, болезная, – проскрипела она. – Нервные девицы пошли нынче, чуть чего, сразу в обморок. Звать-то тебя как?

– Мм... да... я...

– Тебя, тебя.

– Д-даша, – наконец звуки сложились в слово.

– Дарья, стало быть. – Бабка довольно кивнула. – Хорошо. А я Яга, Баба-яга. Вот и познакомились. Если голова болит, так ты полежи. Вон шишки какие набила. А я пойду самовар поставлю, Кикимора зайти обещала.

Галлюцинации, решила я. Потрогала лоб, затем затылок. Столкновение с косяком было явно не в мою пользу. На руках осталась болотно-зеленая жидкость, это она так отвратительно пахла.

– Что это? – поинтересовалась я, убирая жуткую тряпку с лица и предполагая, что ответ мне не понравится.

– Настойка из мухомора, трын-травы и мышиного помета, да это для пользы дела, ты не сомневайся. Это ничего, что вонючая, зато действенная. Приложи, приложи, рог твой и рассосется. – Яга настойчиво водрузила мокрую тряпку обратно на лоб.

Настойка трын-травы сейчас не помешала бы мне в чистом виде и внутрь. Мои знания об этой травке ограничивались известной песенкой, но, думаю, настойка из нее должна действовать успокаивающе.

Яга, убедившись, что все в порядке, с кряхтением спустилась вниз. Я осталась одна и, все еще не веря в происходящее, рассмотрела помещение. Казалось, что сейчас выпрыгнет смазливая ведущая с микрофоном и скажет: «Вас снимает скрытая камера!» Нет, такое разыграть невозможно. Просторная комната, большую часть занимает внушительная, грубо обструганная мебель, но отполированная и красиво расписанная: кровать, комод, шкаф, сундук. Старинное зеркало в резной раме пускает солнечных зайчиков по веселеньким плетеным половичкам. Я пошла разглядывать себя в зеркале. Отражение не изменилось, только глаза ошалевшие, как у того кота на лавке, и зеленая настойка из мухомора размазана по всей физиономии. Достала носовой платок из кармана брюк и, посплюнявив, стала оттирать лицо. Шишка действительно рассосалась – вот тебе и косметология. Чудеса!

В распахнутое окно влетел по-летнему теплый ветерок, а там, где я жила, с утра была только весна. Помнится, еще гадала, не замерзну ли в кашемировом костюме без куртки. За окном обнаружился плотно засаженный огород с симпатичным пугалом в соломенной шляпе. На плечо охраннику грядок примостилась ворона, задумчиво разглядывающая, на какой бы овощ покуситься. Вдруг пугало резко дернуло рукой, виртуозно поймало птицу за лапы и, мотнув ее перед собой несколько раз на манер лассо, с силой швырнуло за спину. Без единого взмаха крыльев птица со свистом скрылась за горизонтом. Я жалобно заскулила и шагнула назад, плотно задернув перед собой шторы.

– Так не бывает!

Это я головой ударилась. Сильно. Галлюцинации. Мираж. Когда я снова решилась выглянуть в окно, пугало мирно покачивалось на палке.

Я глубоко вдохнула и, почти поверив, что мне померещилось, высунулась из окна посильнее, стараясь разглядеть окрестности. Налево за домом наполовину скрылось строение, похожее на сарай, справа виднелся край массивных ворот, окованных листовым железом. Довольно высокий забор открывал соседскую крышу с голубым коньком. Зато вдалеке простирались живописные зеленые холмы, заканчивающиеся синим лесом. Красота! Так легко давно не дышалось. Здесь воздух какой-то особенный. Вот и подошли к главному вопросу. Где – здесь?

Внизу Яга суетилась с самоваром, расставляла чашки, раскладывала пироги. Старушка явно ждала гостей. На мое появление отреагировала спокойно, только кивком за стол пригласила, будто к ней каждый день из кладовки выходили посторонние девушки в брючных костюмах.

– Где я и как сюда попала? – Я наивно думала, что ответ на этот вопрос даст возможность вернуться обратно.

– В доме у меня. Как попала? А я почему знаю? Тимофей говорит, из кладовки вышла, – беззаботно пожалала плечами Яга.

Кот нехотя оторвался от миски со сметаной и ухмыльнулся.

Ага, значит, кота Тимофеем зовут.

– Ты сама-то откуда будешь? – поинтересовалась Яга. – Что не местная, это понятно, наши девки в мужских портках не ходят.

– Это не мужские портки, это брюки, у нас женщины в этом ходят и, надо заметить, прекрасно себя чувствуют. Из Москвы я. – Происходящее начинало раздражать. Я пошарила по карманам, но мобильный телефон лежал в маленьком рюкзаке, что был у меня с собой вместо сумки, а рюкзак, видимо, остался на подоконнике ЗАГСа.

– Москва? – задумалась бабка. – Нет, не знаю такого.

– Киев? Новгород? – перечислила я древнейшие города.

– Нет, никогда не слышала, – отрезала Яга.

Пришлось смириться с бабкиным неведением.

И как же мне выбраться отсюда, я не знаю, откуда? Вопрос колотился в голове, словно молоток в пустом ведре.

– Попробуем рассуждать логически. – Я закусил губу, размышляя и особо не рассчитывая на поддержку. – Если я зашла там, а вышла здесь, значит, надо сделать наоборот. Зайти тут, может, выйду там?

– Это ты в чулан ко мне собралась? – поинтересовалась Яга, подняв глаза от самовара. – Ну пойдй сходи.

Чувствуя себя идиоткой и ни на что не надеясь, я подошла к уже знакомой двери, осторожно ее открыла – в проеме появился знакомый чулан. Полки с барахлом, корзинки, метелки. Закрывает дверь. Так, надо закрыть глаза. Отключить эту реальность. Я выдохнула и дернула ручку, открыла глаза – все тот же чулан. Не сработало. Обиженно всхлипнув, я предприняла еще несколько отчаянных и бесполезных попыток. Резко перепрыгивала через порог. Задерживалась в проеме, шагала задом наперед.

Яга и кот Тимофей с любопытством наблюдали за моим хождением в чулан и обратно. В глазах кота ясно читалось предложение сдать неугомонную барышню в известное заведение, специализирующееся на душевнобольных. Стараясь не обращать на них внимания, я сосредоточилась и снова кинулась в бой. Когда от хождения туда-сюда в одну и ту же дверь закружилась голова, шишка на лбу приняла угрожающие размеры (все-таки пару раз я не увернулась от косяка), надежда вернуться домой улетучилась безвозвратно. На подкашивающихся ногах я добрела до стола и села на скамейку.

Яга, ухмыльнувшись, подала тряпку, смоченную в настойке мухомора, кот, надменно хмыкнув, вернулся к сметане.

За столом сидела гостья.

– Кикимора я, – представилась довольно молодая на вид женщина с приветливым открытым лицом в зеленых веснушках. Зеленые водянистые глаза лучились любопытством, а зеленые кудряшки сжимались, словно пружинки, при каждом кивке. – Можно Кики.

– Дарья.

– Да ты не убивайся так, деточка, – увещевала новая знакомая с лучезарной улыбкой. – У нас тут хорошо, царство-государство спокойное, люди добрые.

– Царство-государство? Ага! Тридевятое? – предположила я.

– Отчего это Тридевятое? Почему такая несправедливость? Чуть что, так Тридевятое, – завозмущалась Яга. – И за что ему такая слава, этому Тридевятому? Оно и махонькое, и дворец плохонький, чудес раз-два и обчелся, и царь у них старый и плешивый. Только и грозит всем войной из-за печки, а толку – пшик. Трисемнадцатое у нас царство-

государство, просторное, красивое, и поля есть, и луга есть, и озера, и реки, – тараторила бабка, наливая чай.

– А болота какие! – восторгалась Кикимора. – Глаз не отвести, залезешь – не вылезти.

– Стольный град – Светлый. Царь у нас – Дмитрий, – продолжала рекламировать место проживания Яга. – Знатный молодец.

– Хоть в гроб, хоть под венец, – слетел с моих губ почти рекламный слоган.

– Вот сейчас невесту себе подыскивает, – продолжила Яга, проверяя, рассосалась ли шишка у меня на лбу. – Так что ты вовремя.

– Предлагаете в массовых свадебных гуляньях участие принять? – Боль переливалась от затылка ко лбу.

– Не только, – вкрадчиво и туманно произнесла Яга и отвела взгляд в сторону. – Ты бы о себе, что ль, рассказала!

Подозрения сразу закрались в голову, и внутренний голос призвал меня к осторожности, но разум еще не включился в происходящее, и я без задней мысли поведала Яге и Кикиморе краткую историю своей жизни. А потом еще повторила эпопею своего попадания сюда. Слушали меня очень внимательно и, что забавно, ничему не удивлялись. Яга деловито уточнила, нет ли у меня в родственниках Кощея, бояр, чертей и прочей нечисти. Получив отрицательный ответ и заверение, что ничего подобного я в глаза не видела и вообще в колдовство не верю, изрекла:

– Замечательно!

– Не в бровь, а в глаз, – кивнула Кикимора. И добавила подозрительное: – А ты Ягуша, мастерства не теряешь.

Тетки заботливо подвинули мне с двух сторон тарелку с конфетами и блюдо с пирожками. По их влюбленным масляным взглядам ясно читалось, что они замыслили нечто недоброе. Но ни за что не признаются что.

– Дороги домой тебе, ягодка, нет. Про жизнь свою прошлую – забудь! – начала Баба-яга, аккуратно сложив корявые ручки на белой скатерти. – Горюй не горюй, а енто факт!

Я неопределенно кивнула. Не согласиться было сложно.

– Надобно определиться, чего ты тута делать станешь?

– Сложный вопрос, – уклончиво ответила я. – Согласна.

– Царь у нас жениться надумал, – встряла Кикимора и сразу пошла в атаку. – Так вот, иди за него замуж.

Пока я еще не подобрала отпавшую от такого предложения челюсть, Яга быстро разъяснила ситуацию::

– У нас бобылкой жить тяжело. Работать придется или прачкой, или кухаркой, а ты образованная, чего добру пропадать. Пойдешь в царицы, поддержку мы обеспечим.

Так как с моей стороны реакции все еще не последовало, бабка добавила:

– Хода другого у тебя нет! Не то съем, – и для пущего устрашения клацнула зубами. Потом безразлично заметила: – Соглашайся, али выгоню, ты здесь чужая, сгинешь.

Когда подружки шутили, что замуж меня выдать можно только под дулом пистолета, вариант съедения как-то не рассматривался. Но, глядя на бабкины не знавшие зубной пасты челюсти, поняла, что вариант с огнестрельным оружием гуманнее. В том, что клыкам этой пенсионерки не чуждо человеческое мясо, сомнений не возникало. Пришлось приложить усилие, чтобы закрыть рот и отложить не донесенный до него пирожок.

Кикимора как ни в чем не бывало жевала пирог с капустой, прихлебывала чай и ничего противоестественного в происходящем не находила. То есть с этой стороны поддержки не дождусь, на кота я даже оглядываться не стала. Мое молчание тут же было расценено как согласие, но я все-таки предприняла неуверенную попытку отказаться:

– То есть про «наильно мил не будешь» в вашем царстве не слышали?

– Я тебя за царя замуж выдаю, – оскалилась Яга. – Не за кузнеца. Корона всем мила!

– Резонно. В общем, принцип тот же, что и у нас.

– Да ты не переживай, – вмешалась Кикимора. – Царь у нас хороший, красивый, молодой. Девки за ним так и бегают, невест понаехало со всех сторон – прорва!

– То есть я не единственная?

– Нет, конечно, – всплеснула руками Баба-яга. И они с Кикиморой хором сообщили:

– Пятнадцатая.

– В первой двадцатке, можно сказать. А что, четырнадцать – мало? Я для ровного счета нужна?

– Да ты не считай, что много! Народу прорва, а жениться не на ком. Ни одной подходящей царицы, – возмутилась Кикимора.

– Это верно, – подтвердила Яга. – Жениться там не на ком. Аленушка, к примеру, с виду девка ничего так, симпатичная. Ага! С братцем приехала, а братец у нее, как известно, – козленочек. Это двадцать лет назад он козленочком был, а сейчас вырос, нормальный серый козел стал. Да не один он, стадо в двенадцать голов. Аленушка сама толком не знает, кто из этих зверюг ее братец. Вот женись на ней – она вмиг дворец в хлев превратит.

– Или Шахерезада. – Кикимора закатила глаза. – Восточная красавица. Говорят, ихний падишах по ней сильно с ума сходил. Чего в ней нашел, непонятно. Лицо косынкой закрыто, не видел никто, вдруг крокодил какой скрывается? А одета как? Срам! Пузо голое, портки прозрачные, все наружу – бесстыдница. Мой Леший углядел это безобразие, дар речи потерял, глаза выпучил, покраснел весь, я его неделю отваром из ряски отпаивала. Да-да!

«Если бы Леший вышел на улицы Москвы летом, никакая ряска его бы не спасла», – подумала я.

А Кикимора продолжила:

– Белоснежка приехала. Хороша – нечего сказать. Бела, черноволоса. Так тоже не одна. С ней гномы. В письме семь штук заявлено было, а приехало три десятка. А сколько понаедет после свадьбы – одному черту известно. И всем пропитание, содержание и развлечение предоставь. У нашего царя хоромы немаленькие, но где же на всех гномиков комнат понабрать? И эта их страсть к драгоценным камням... Говорят, уже две стенки во дворце расковыряли. Такая царица нам ни к чему. – Кикимора глубоко вздохнула. – Пойду я, Лешему настойку принимать пора. Он без меня беспомощный, как маленький, сидит целый день, на рыбок смотрит.

Яга активно собрала пирожки в корзинку и вручила подруге.

– Провожать не пойду, дорогу знаешь.

– Да уж не заблужусь, двести лет сюда хожу, – махнула рукой Кикимора, скрываясь за дверью.

– Это ж сколько ей лет? – удивилась я, когда дверь за зеленоволосой теткой закрылась. – Выглядит она... ну на двадцать

пять... так сколько ей?

– Да кто ж считать-то будет? У нас до стольки-то не каждый умеет, – пожалала плечами бабка. – Может, триста, может, и больше. А выглядит она как хочет. Водянистая натура, неустойчивая, чего с нее взять – то молодая, то старая, – и, подумав, добавила: – Так, нам делом заняться надо.

– Со стола прибрать, посуду помыть? – предположила я.

– Это я сама, чего мне, старой, делать-то? А с тобой мы переодеваться пойдем, прихорашивать тебя будем.

– Вы всерьез считаете, что царь меня в жены выберет? – Даже если опустить странность предприятия, в его успех я не верила.

– Считаю я плохо, пишу тоже так себе, а вот царица из тебя будет знатная, – причмокнула старушка, поднимаясь наверх.

– Вы в невестах, вон, как в мусоре копаетесь. Под микроскопом рассматриваете. А про меня же ничего не знаете, – не унималась я. – Может, у меня странности какие есть или болею чем?

– Ты на себя не клевети, – пригрозила пальцем Яга. – А то накличешь. А странности мы твои изведем. Сейчас в нормальную одежду переоденем, и сама заглядишься. Тощая ты больно, ну да это мы откормим. Время есть маленько.

Спор зашел в тупик.

Бабка открыла сундук, достала вышитую рубаху и красный сарафан. Прикинула на меня, нахмурилась и достала другой сарафан, синий. Велела переодеваться. Тоже мне, стилист-самоучка. Яга тем временем покопалась на самом дне сундука, с кряхтением извлекла красивый резной ларец. Едва она распахнула крышку, полыхнуло, словно солнце из оков вырвалось. Радуга заиграла на стенах яркими огнями. Я не очень разбираюсь в ювелирке, но никаких сомнений – большая шкатулка хранила драгоценные камни. Настоящие сапфиры, бриллианты, рубины.

Яга поворошила богатство и вытащила горсть золотых цветов, обсыпанных крупными синими сапфирами и бриллиантовой росой. Работа изысканная, утонченная, безумно красивая.

– Вот это в уши, это на шею, а это браслетка.

Как зачарованная, я все послушно на себя надела.

– Да, украшения царские, нечего сказать. Я таких никогда не видела.

– Таких никто не видел, – усмехнулась Яга. – Они удачу приносят и беду, если понадобится, отведут. У самой Хозяйки Медной горы и то попроще будут, – гордо подтвердила Яга. – Тоже в царицы наши собралась. Каменьями вся обвешалась, еле ходит. Пуда три на ней, поди. А что толку? Никакой живой камень ей не поможет. В ее горах мужики долго не живут, она уж семь раз замужем была, а опять собирается. Сколько мастеров переморила, а все мало. Не пара она нашему царю.

Ха! Маринка поступает гуманнее – развелась, и морить никого не надо.

Яга, довольно причмокнула языком:

– Хороша, ладненькая такая, – и беспардонно шлепнула меня по попе. Я взвизгнула, но на мое возмущение Яга и ухом не повела.

– Только волосы коротковаты, в косу плести нечего. – Я почувствовала, как меня больно дернули за волосы, и заорала, но звук пропал, как только увидела свое отражение в зеркале. Модная прическа, сделанная в одном из пафосных салонов Москвы, в один миг отросла на добрых тридцать сантиметров, и Яга ловко заплела волосы в косу. Вот тебе и наращивание волос. Определенно к такому мастеру по стилю стояла бы очередь. Как ни странно, но собственное отражение в зеркале мне понравилось. Сарафан мягко облегал фигуру, делая все тонкое еще тоньше, а все выпуклое еще пышнее. Васильково-синий цвет удачно оттенил серые глаза, и они стали глубокими и ясными. Камни красиво поблескивали сквозь выбившиеся из косы каштановые прядки, придавая задорный вид. Хотелось улыбаться своему отражению и вертеться перед зеркалом. Яга копалась на дне сундука. Наконец выудила маленькие синие туфельки. Простые балетки. Со своими кроссовками расставаться не хотелось. Удобные «Скетчерсы», красивые, вполне вписывались в образ, особенно по нашим представлениям.

– Вот, пока надень, а твои к сапожнику снесу, он их каменьями украсит. На смотрины как раз успеет.

– На какие смотрины?

– А ты думаешь, на тебе царь не глядя женится? – хихикнула Яга. – Глядеть будет, приглядываться. Да ты не робей, отдам я тебя замуж.

Вот этого я и боялась.

– А еще кого царю сватают? – Не то чтобы меня интересовали конкурентки, но, как говорится, кто владеет информацией...

– Золушка приехала, – поморщилась Яга. – Замарашка в царицы метит. Этой Золушке только бы прибираться. Как приехала, в первый же день весь дворец вымыла, столько грязи нашла, что соседку мою Наталью, она во дворце служит по хозяйственной части, чуть не уволили за недоработку. Ходит в грязном платье с тряпкой и метелкой, ей не в царские жены, а в уборщицы надо. Женись на ней, так она уборкой замучит, дворец до дыр затрет, слуг придирами изведет. А потом, у нее в родственниках фея. Кто ее знает, чего у той на уме, а уж про мачеху и говорить нечего. Этой свое королевство маловато, так она и на наше зарится.

– Понятно, – поддержала я рассказ.

– Пара боярских дочек, дочь отца Лазаря, – перечисляла Баба-яга. – Да сама увидишь.

– Столько невест приехало, каждая со своими сопровождающими, и где они все живут? – Сразу видно, в государстве разворачивалось грандиозное мероприятие. – И сколько смотрины длиться будут? Когда царь решение примет? – Для себя же я подразумевала: «Сколько у меня времени, чтобы разобраться, что здесь к чему, и свалить домой?»

– Ой, живут кто где. Большинство, конечно, во дворце. Работы там прибавилось. Наталья командует, совсем с ног сбилась, дочку забросила, – причитала Яга, складывая мой кашемировый брючный костюм в сундук. – Завтра большой праздник царь для невест устраивает, понятно, приглядеться хочет. Шуты заграничные приехали с гастролями. Фокусы всякие вытворяют. А через неделю невесты соперничать между собой будут, показывать себя. Вот тогда-то Дмитрий супругу и выберет.

– А если я царю все же не понравлюсь? И не стану его женой?

– Останешься у меня жить, по хозяйству помогать будешь, оно немаленькое. Один домовой сбежал, а второй не справляется. На заработки пристрою. – Яга подумала и добавила: – А может, щи с тобой сварю, на кой ляд ты мне нужна! Хотя от тебя изжога, наверное, будет.

Да, старушка с гастрономическими капризами. Перспектива попасть в щи меня не заинтересовала. Неоднозначный, конечно, предстоял выбор – между супом и браком.

– Жить тут будешь, – Яга обвела комнату рукой, – внизу, за печкой, дверь низенькая есть, туда ни ногой, там порог заколдованный. Ежели переступишь, вмышь обратишься. Чего с мышами делать, Тимофей знает. Там я живу. Во дворце, и если кто спрашивать будет, тебя моей внучатой племянницей представим. В молодости я такая же красавица была.

Сейчас так сразу и не скажешь, что у Яги могла быть молодость, и уж тем более красота. Но вслух подобные сомнения высказывать невежливо. Старуха продолжила:

– Хотя, наверное, спрашивать уж не будет никто. Кикимора и так весть по городу разнесла. Охочая до сплетен она. Все слышит, все знает, все расскажет лучше глашатаев. Они только царское слово вещают. Приказы да праздники оглашают. А Кикимора, она разносторонние сведения распространяет. О, и то верно говорю. – Яга взглянула в окно и, умильно хлопая глазами, сложила руки на груди. – До чего народ к чужой жизни любопытный! Это они еще посовестились, детей подослали. А то у нашего люда ума хватит, они всей толпой придут!

Я выглянула в окно. На заборе и вправду сидели три пацана, и еще двое просунули головы в щели, образовавшиеся от отведенных в сторону досок.

– Иди, спустись к народу, царица должна привыкать к толпе. – Бабка подтолкнула меня к лестнице.

Господи, что я делаю и как я в это вляпалась?

Глава 3

Перед домом простирался довольно широкий двор, огороженный высоким забором с накрепко запертыми воротами, и только изгородь, отделяющая соседский огород, была низкой. Весь двор покрывала мягкая зеленая трава – ни одного вытоптанного кусочка земли, несколько тщательно ухоженных клумб, аккуратная поленница, ажурная кованая скамейка – все говорило о том, что и без сбежавшего домового Яга отлично справляется с хозяйством. На улице народа оказалось гораздо больше. Через сплошной забор Яги разглядеть хоть что-нибудь возможности не было, поэтому люди заходили к соседям, что-то выпрашивали у девочки, сидевшей на поленнице, не сводя глаз со двора Яги. Соседская девчонка, до этого внимательно читавшая книжку, теперь то и дело поднимала голову и кричала каждому посетителю, что мать во дворце, сегодня может и не прийти. Гости, не огорчаясь, уходили, не забыв на обратном пути поглазеть в мою сторону. Как корова в витрине! Сидеть на скамейке не хотелось, поэтому я тоже решила испытать терпение девочки с книжкой.

– Привет! Как тебя зовут? Меня – Даша. – Я облокотилась на забор, предусмотрительно низкий между двумя огородами. Видимо, Яга тоже была не прочь поболтать с соседкой.

– Знаю, ты пятнадцатая невеста царя. Я – Аксинья. – Девочка с любопытством разглядывала меня черными умными глазенками. – Я про царских невест все знаю.

Для города, в котором из информаторов одна Кикимора, очень хорошо осведомленный народ.

– Моя мама во дворце работает, – продолжила девочка. – Она невестам удобства обеспечивает и за порядком присматривает. Ее почти никогда нет дома, – печально подвела итог Аксинья.

– Понятно. Ты скучаешь?

– Я привыкла, – резко ответила малышка.

– А что ты читаешь?

Девочка глубоко, по-взрослому, вздохнула.

– Я не читаю, я только учусь. Всего несколько букв знаю, а в школу меня не берут. Говорят – рожать учить не надо, а остальное

бабам ни к чему.

– Хочешь научу? – предложила я, раздосадованная мужским шовинизмом. К тому же Аксинья мне понравилась. Смышленная девчонка со смешными, торчащими в разные стороны косичками.

– А ты умеешь? – недоверчиво прищурилась собеседница, но уже пошла навстречу, захватив с собой книжку.

Получив утвердительный ответ, Аксинья невозмутимо отодвинула доску в заборе, пролезла к Яге во двор и уселась на скамейку. Я села рядом, взяла книжку. Да, не азбука, но хотя бы детская, буквы большие. Оказалось, девочка знает только три буквы, так что начать пришлось с алфавита. Аксинья быстро запоминала и вскоре уже прилично складывала буквы в слога.

– А считать ты умеешь? – На меня напал преподавательский азарт.

– До десяти! А ты дальше знаешь? – Мне попалась сомневающаяся ученица.

– Смотри...

Я разложила прутьики на скамейке. Девочка все схватывала на лету. Удивительное желание учиться, редко встречающееся у детей.

– Ты очень способная, – похвалила я. – Зря тебя в школу не берут.

– Маленькая, говорят, – пожала плечами Аксинья. – А еще мама рассказывает, Прокоп Фомич девочек не любит. Только он и мальчиков не любит, но про девочек говорит, что их учить бесполезно. Девкам замуж выходить, детей рожать да пироги печь. Учить их – только время переводить. – Зажав нос, передразнила учителя девочка.

Я не выдержала и засмеялась:

– А ты не согласна?

– Нет, конечно. Я замуж вообще не пойду. От мальчишек одни беды. Мама обещала мне настоящего учителя нанять. Звездочета нашего. Я хорошо-хорошо учиться буду, и он меня в помощники возьмет. Я ученой стану.

Потрясающе! Кажется, в Тринадцатом государстве зарождается феминистское движение, а царь и не в курсе.

– У нас дома много книжек. Мне мама всегда покупает. Я их все читаю.

– Я тебе помогу, – пообещала я, впечатленная детской целеустремленностью.

– Это ты, что ли, пятнадцатая царева невеста? – вмешался зычный мужской голос.

Из широко распахнутой калитки в воротах уверенно шагнул парень. В распахнутой на груди рубашке, небрежно подвязанный поясом, шитым золотыми нитками. Резко очерченные черты лица и лохматая шапка блестящих на солнце кудрей, коричневых, с рыжеватым отливом.

Я замерла, парализованная наглым синим взглядом и насмешливой улыбкой. Парень беззастенчиво встал перед нами, упер руки в боки и оглядел меня с ног до головы, будто голую. Я аж задохнулась от его наглости.

– Ничего так, симпатичная. А звать, говорят, Дашкой?

– Говорят, в Москве кур доят, а пошли и не нашли. Сам-то кто будешь? – в тон ему ответила я.

Откуда только повылезали шутки-прибаутки? Я надеялась, что он не заметил моей растерянности. А он смотрел на меня с любопытством и в упор. Так на меня еще никто не глядел ни по ту сторону двери в чулан, ни по эту. От его взгляда по телу разбежались мурашки, вспыхнули щеки, вспотели ладошки. Внизу живота потеплело, дыхание сбилось. Я продолжала заливаться краской и молчать. Он тоже молчал и ухмылялся. К счастью, вмешалась Аксинья:

– Это Митька, стрелецкий посыльный. Нахал и шалопай, он Бабеяге дальним родственником приходится, вот и захаживает сюда по делу и без дела. Мамка говорит, его драть в детстве надо было чаще, от него бы проку было больше.

– За рекомендации спасибо. – Парень заржал и ничуть не смутился. – Только смотри, чтобы тебя саму мамка не выдрала, у тебя опять коза сбежала.

Аксинья ахнула, подлетела к забору, оглядела свой огород, убедившись в пропаже, запричитала:

– Она не сбежала, это Васька, стервец, ее отпустил, чтоб ему пусто было! Не могла она сама убежать, я ее на две веревки привязывала. Прибить его следовало сразу после рождения!

У меня пропал дар речи. У маленькой девочки почти ангельской внешности, тянувшейся к знаниям, и такая отборная брань! А Митька хохотал, аж на скамейку плюхнулся и толкнул меня локтем в бок. Не

сильно, но меня словно молнияшибанула. Акси́нья выбежала со двора, видимо, за козой, даже книжку забыла.

– Точно, Васька, – не унимался парень. – Это он ухаживает за ней так. Внимание проявляет.

– Интересное проявление симпатии.

– Ага. Только он козу не отпустил, а увел, – радовался Митя. – Обратно потом приведет, за поцелуй. Это я его научил.

– Нашел, чему мальчишку научить, еще и гордишься этим?

У Митьки был такой самодовольный вид, будто он Америку открыл.

– А чего бы не гордиться? – не понял парень. – Разговор только про щечку был, не про другое. А вот я бы...

Он придвинулся поближе ко мне и приобнял за талию. Собрав все свое самообладание, я смерила его ледяным взглядом, надеясь, что сердце не выскочит и не замечется по двору.

– У меня коза не пропала!

– Ну и глазюки, ледяные, уколотся можно, – недовольно брякнул Митя, но руки убрал.

– А что я невеста царская, тебя не смущает? – Интересные у них тут нравы.

– А что? У нас в Тринадцатом все любовно. Да и какая ты ему невеста, ты же его не видела!

– Это верно, сначала поглядеть надо. А то Яга уже решила, что я царицей стану.

– Может, и станешь, Яга зря болтать не будет. – Митя пожал плечами. – Ты не смотри, что старая, она еще о-го-го. На ушко наговорит, травкой напоит, и ни своих, ни чужих не найдешь.

– Что она «о-го-го», это я уже поняла. – Можно было бы добавить, что и почувствовала на себе. – И травки тоже оценила. – И спросила для поддержания светской беседы: мне почему-то не хотелось уходить и не хотелось, чтобы уходил Митя:

– Я всегда думала, что Баба-яга должна жить в избушке на курьих ножках. А тут вон какой терем.

– Ну и что, что терем. Избушка на курьих ножках тоже имеется. Да еще какая, с характером, с такой не каждая управится. Только она в вояж отправилась прошлым летом. Людей посмотреть, себя показать.

– В вояж?

Парень говорил про путешествующую избушку так буднично, как про курицу, перебежавшую дорогу.

– Ага, путешествует, – подтвердил Митя, в его глазах плясали золотые чертики.

Наши глаза встретились. Повисло молчание. Я, как ни старалась, не могла отвести взор, и сказать больше было нечего. Ситуация становилась абсурдной. Я не выдержала и засмеялась. Митька тоже. На хохот вышла Яга.

– Гляжу, уже познакомились? Да у вас тут веселье?

– Здорово, бабуль. Как жизнь? – радостно откликнулся парень.

– Хорошо, милый. – Яга улыбалась, сразу видно, родственничку рада, соскучилась, должно быть. – Ты Емелю не видал? Этот брехун мне с утра еще чистотела привезти обещал, а уж солнце садится.

– А к какому утру, не сказал? Может, через неделю? – пошутил Митька.

Яга засмеялась.

– И то верно! Емелю только за смертью посылать.

– Да я тоже его жду, мне тут воевода задание дал, так я бы на его печке враз смотался.

– Он давеча жаловался, что печка его своенравничать стала, – обеспокоенно поделилась Яга. – Я ему поленцев заговоренных приготовила...

Я не вмешивалась в разговор, пользуясь опустившимися сумерками, тайком разглядывала нового знакомого. Высокий, широкоплечий, стройный, одним словом, впечатляющий. Митя разговаривал с бабкой, широко, белозубо улыбаясь и то и дело приглаживая пышные темные кудри. Вышитая белая рубашка открывала мускулистую загорелую грудь и сильные властные руки, в которых я уже успела побывать. Не помню, чтобы мне встречался парень, который вот так взбудоражил с первого взгляда. После долгих лет общения с противоположным полом, многочисленных ухаживаний и романов я наконец встретила мужчину, на которого хотела бы произвести впечатление. И, главное, где нашла? Не в соседнем офисе, не в банке, не в магазине автозапчастей – в сказке, в мире, о существовании которого знать не знала и до сих пор еще не очень в него верю. Опять залившись румянцем, словно школьница, не находя

себе места, встала и подошла к забору. Соседний огород пустовал, в доме свет не горел.

– Аксинья еще не вернулась.

– Вернется, не переживай, – отмахнулся Митька. – И коза найдется.

Яга тоже махнула рукой, дескать, не впервой, и ушла в дом на стол накрывать, велев не задерживаться.

В калитку еле слышно поскребли, петли скрипнули, и во двор заглянула растрепанная голова с хулиганистыми глазами.

– Мить, я это – того... – Мальчишка запинался, опасливо поглядывая на меня. – Козу потерял. Ну то есть она сама убежала. Боднула меня и убежала. – Мальчишка потер худой зад.

Васька – догадалась я, а вслух сказала:

– Хорош ухажер, нечего сказать. Козу со двора увел, еще и потерял. Ну тогда тебе от матери Аксиньи и ремня получать. На этот раз без поцелуев обойдешься.

– Ничего, у него шкура толстая, потерпит, да, Вась? – Митя хохотал.

– Я уже от самой Аксиньи огреб.

Свет из окна упал на чумазую физиономию. Под глазом красовался синяк. Митька захохотал пуще прежнего.

– Боевую невесту ты себе, брат, выбрал.

– Ничего, вот женюсь... – Васька сощурил глаза. – К порядку приучу.

– Это ты на Аксинье жениться собрался? – На вид пацану было лет двенадцать, во всяком случае, до женитьбы еще расти и расти.

– А то на ком же? Мой отец на мамке женился, ей пятнадцать лет было. Аксинье через четыре года сравняется, я и женюсь. А там мужу не заперечит, – невозмутимо выложил планы мальчик.

– Деловой подход. – Мне нечего было возразить в ответ на такую железную логику. – Так Аксинья замуж не собирается, она учиться хочет.

– Да какая ей еще учеба нужна? Бабе чего нужно – дети и мужик! – уверенно разглагольствовал Вася. – И книжки читать некогда будет.

– Вот шовинист! Заморыш мелкий, а командует! – Я уже сама готова была возглавить феминистское движение в Тринадцатом

царстве.

Тем временем издалека послышался голос Аксины.

– Зорька... Зорька-а-а!

Малолетний агрессор нырнул в кусты со словами; «Она и второй глаз подбить обещала».

Оставшись вдвоем на скамейке, мы с Митей засмеялись. Его лицо было так близко, что я чувствовала горячее дыхание, пахнущее мятой. Душа металась – то взлетала ввысь, то уходила в пятки, сердце сладко замирало.

«Господи, что я творю...» – пронеслось в голове.

Глава 4

В этот миг ворота шумно распахнулись и во двор скакнула печка. Заслонка отлетела в сторону, горящие поленья высыпались на траву перед домом Яги. В клубках сизого дыма печка угрожающе встала на дыбы.

– Стой, проклятая, – заорал мужской голос откуда-то сверху.

Я оторопело смотрела на аппарат, вытаптывающий бабкин двор. Она живая? Механическая? В сознании не укладывались ни принципы работы самоходной печи, ни само ее существование. Волшебная?

– Тихо-тихо, тихо-тихо, – залепетала Яга, бесстрашно выскочив навстречу, похлопала строптивую по беленому боку и незаметно чего-то плеснула в огонь. Печка выплюнула пучок зеленых искр и успокоилась.

– Фуф, извела она меня сегодня! – С печки слез молодой упитанный парень, измазанный копотью. Поясок, подвязывающий рубаху, сполз набок, на светлых волосах хлопьями осела сажа. – Целый день как коза скачет, не пойму, чего хочет. Упарился!

– Это мы поправим, – пообещала Яга. – Перетопил ты ее, жарко ей. Сейчас поленьев принесу.

– Емеля, – представился увалень. – А вы, наверное, Дарья – будущая супруга нашего царя.

Я в очередной раз опешила от того, с какой скоростью разносятся новости и как быстро народ делает выводы, – но кивнула и улыбнулась парню.

– Я бы съел чего, а то перенервничал. – Емеля погладил себя по пузу, видимо, процедуру знакомства он считал законченной. – Блинов мне Бабуля-ягуля обещала.

– Емель, я печку твою позаимствую? Смотаться кое-куда надо, – спросил Митя, помогая Бабе-яге укладывать заговоренные поленья в топку. Дрова искрились и шипели, но печке нравились, это сразу стало понятно.

– Бери, коль с джигитовкой знаком, – отмахнулся Емеля. Из избы до него уже донесся аромат блинов, и, потянувшись носом к двери, парень чуть его не прищемил. Емеля облизывался, словно кот на

сметану, предвкушая удовольствие, и печка несколько отошла на задний план.

– Ну, все, готово, – подвела итог Яга, пристраивая заслонку. Печка пыхнула и выпустила ровное колечко дыма, видимо, в знак согласия. – Можно ехать. – И пошла в дом. Емеля поспешил за ней. На пухлом лице ясно читался отличный аппетит.

Я тоже пошла следом, но замерла, почувствовав горячее дыхание над ухом и руки на плечах.

– Я ненадолго, скоро вернусь, – быстро прошептал Митя и, вскочив на печку, выехал за ворота.

Я, совершенно ошарашенная, на ватных ногах зашла в дом. Какой-то малознакомый шалопай ввел меня в такое потерянное состояние, что в один миг его синие глаза захватили все мое сознание. Вытеснили все переживания и сомнения. И даже мое сложное положение и полная жизненная неизвестность как-то поблекли на этом фоне.

Яга уже умыла Емелю, чистого и розового, словно поросенок, усадила за стол. Парень уплетал золотые поджаристые блинчики, щедро политые сметанкой, и прихлебывал ароматный травяной чай, всем своим видом выражая, что рай, он тут, рядом с блинами и Бабой-ягой.

Я рассеянно помешивала чай ложечкой, и только укоризненный взгляд Яги заставил немного поесть. Мысли то и дело возвращались к Мите.

Совершенно непонятно, почему этот молодой человек вывел меня из душевного равновесия сильнее, чем само попадание в Тринадцатое царство. Мне наяву мерещились его сумасшедшие глаза, а одно воспоминание о нахальной улыбке заставляло краснеть, как подростка, и полоумно улыбаться.

Емеля, осознав тем временем, что в него точно больше не влезет ни одного блинчика, довольно зевнул и, сладко потягиваясь, принялся нахваливать стряпню Яги.

– Лучше тебя, бабуль, никто готовить не может, мне к тебе даже ездить не лень. Как подумаю о твоих пирогах да блинах, так сразу слюнки текут и ноги сами к тебе бегут.

– Ой, Емелюшка. – Яга зарделась как девочка. – Жениться тебе надо. Хозяйка твоя и кормить тебя будет, и поить, и любить.

– Не-эт, это я ленюсь, – отмахнулся парень. – Девки, они больно шустрые, за ними не поспеешь. А я суеты не люблю. Все эти хихоньки да хахоньки, шутки и прибаутки я не понимаю.

– Так ты не на хохотушке женись, – не унималась бабка. – Тебе надо серьезную девушку найти, спокойную и хозяйственную.

– Нет, мне не нравится эта мысль, – упорствовал Емеля. – Да и где ж такую найти?

– А чего искать-то. – В дверях стоял Митя. – Нашел же уже. Это не ты ли вчера весь вечер на Несмеяну пялился?

– И ничего я на нее не пялился, прогуливался я там, свежим воздухом дышал. Да и печке моей поразмяться надо.

Но Митька не унимался:

– Выхожу я вчера от воеводы, а в царском парке, в беседке, Несмеяна сидит со своей нянькой, семечки щелкает, – вкрадчиво вещал парень. – А наш жених на своей печке подъехал, под яблоней в саду спрятался и глазееет. Часа три неподвижно пролежал, пузо, наверное, затекло, и яблочка не откусил, и не заснул даже, все глаз с девки не сводил. А она сидит и в ус не дует, семечки грызет, – ухмылялся Митя.

Яга засмеялась, я тоже улыбнулась, а Емеля смутился, глаза в пол уставил.

– А вообще да, – стыдливо согласился увалень. – Несмеяна, она славная. И молчаливая, и серьезная, сидит себе на скамеечке и не мелькает. На нее смотреть – одно удовольствие. Да только она к царю приехала. Ее нянька уж больно серьезно настроена.

– Да от царя-то, поди, не убавится, ему Несмеяна все равно не пара, а тебе в самый раз, – бесцеремонно заметила Яга. – Ты только, Емель, не теряйся, понапористой действуй. Вон, Митька долго не разговаривает, за ним девки и бегают.

– Девки, может, и бегают, – согласился толстяк. – А женить ты его все равно никак не можешь.

Яга тяжело вздохнула, а Митька только хмыкнул и принялся за еще один блинчик.

Интересная информация. Не женат и бабник. Понятно, откуда такая уверенность в себе. То есть совсем ничего не понятно. Сидела тут, как на иголках, и ждала, когда он вернется, а Митька даже не

взглянул ни разу. Что я себе напридумывала? Тьфу, дурочка великовозрастная.

– Ой, Митька, соберутся все твои девки одним скопом и устоят тебе темную, – пригрозила Яга, улыбаясь.

– Ага, если ему, как нашему царю, конкурс невест устроить, так желающих не пятнадцать человек наберется, а десятка три, – добавил Емеля.

Я больше не могла высидеть за столом и минуты. Невыносимо слушать шуточки о том, каким спросом пользуется Митя у особ женского пола. Я без оглядки выскочила за дверь, буркнув Яге что-то невразумительное.

На улице уже высоко взошла полная луна. От большого яркого диска лился нежный серебряный свет, освещая землю не хуже фонаря. Легкий ветерок трепал волосы. Здесь дышалось гораздо легче. Похоже, в присутствии Мити я вообще больше спокойно дышать не смогу. За дверью слышался хохот. Чтобы не пришлось отвечать на вопросы, если кто выйдет следом, я решила прогуляться. Открыла калитку и пошла по дорожке. Дом Яги стоял предпоследним с краю. Направо от него тянулась улица. Ряды домов с двух сторон, тусклые фонари, кошки на заборах. Днем здесь, наверное, шумно илюдно, а сейчас можно насладиться одиночеством, заодно и оглядеться. В конце концов, первый раз в сказочном городе. Дойдя до небольшого парка, я прислонилась щекой к стволу раскидистого дерева. В голове одна мысль мелькала за другой, надолго не задерживаясь. Может, оно и к лучшему, такого количества «посетителей» моя голова могла и не выдержать. А еще неизвестно, есть ли в столице Трисемнадцатого государства специально обученные люди, лечащие съехавшие крыши. С ума сойти было от чего. В один миг очутиться в сказочном мире с перспективой провести здесь всю оставшуюся жизнь – без права на возвращение! Получить в опекуны старушку с каннибальскими склонностями из древнерусского фольклора. Пополнить ряды царских невест и иметь вероятность уже через неделю стать замужней женщиной. В первый же день встретить парня и за кратковременное общение с ним умудриться испытать все чувства, какие только могут быть, о существовании подобных я никогда и не подозревала. Очуметь! При таком раскладе строить дальнейшие жизненные планы странно и бессмысленно. Почему-то вспомнилась сотрудница Ленка,

большая любительница йоги: «Дышите глубже, откройте чакры!» Поглядела бы я на ее чакры, окажись она здесь.

Со стороны, откуда я пришла, показалась мужская тень. Сердце трусливо ойкнуло. Вот идиотка, пошла гулять по совершенно чужому городу, еще и ночью. Может, здесь бандиты с большой дороги на каждом шагу? Я тихо и плавно скользнула за дерево. С другой стороны улицы показалась громко переговаривающаяся парочка. Чего говорили, непонятно, но они тащили какую-то коробку и все время вырывали ее из рук друг у друга. Незнакомец шмыгнул между двумя домами. Со своего места я не видела, ушел он совсем или притаился, но сделала соответствующие выводы. Если прячется, намерения у него недобрые. Внутренний голос подсказал притаиться, сидеть тихо и подождать, когда все разбегутся, но страх толкнул вперед. Я показательно храбро вышла из своего укрытия и, направившись навстречу парочке, громко ее окликнула. Пока я прикидывала в уме, достаточно ли дружелюбные отношения у Яги с жителями столицы Тринадцатого государства и охотно ли они согласятся проводить ее заблудившуюся племянницу домой, послышалось бляенье. Точно, белая коза с большими грустными глазами одиноко стояла под забором какого-то дома. Должно быть, Аксинына Зорька, решила я. На имя «Зорька» животное отозвалось и даже сделало несколько шагов в мою сторону. Тут кто-то тронул меня за плечо. Беззаботно радуясь, что приведу девочке козу, я обернулась. В лоб ударило с такой скоростью, что я не увидела, чем шибанули, и боли почувствовать не успела. Сразу полыхнули искры и наступила темнота. Последним мелькнуло предположение, кто бы мог отключить разом уличный фонарь, луну и еще звук. Потом из темноты вылезли Ленка в позе лотоса и блеющая Зорька, на этом сознание окончательно зависло. На сегодня все! Перезагрузка!

Глава 5

Петушиный крик. Громкий, залиvistый, настырный. И какой дурак ставит такую мелодию на мобильник? Глаза с большим трудом разомкнулись. Ого! Я видела шишку на собственном лбу, словно козырек кепки. Глаза снова сомкнулись. Жутко болела голова. Корпоратив? Коктейли? Столкновение со стеклянной дверью в приемной? – пыталась я хоть что-то припомнить и установить причинно-следственные связи.

– Детонька, ты как? Жива? – надо мной нависла Баба-яга. – Ты меня видишь? Ну давай, открывай глазки. Ты где?

– Я в аду! – выдохнула, узнав Бабу-ягу и вспомнив все.

Подводя печальный итог, похоронила коктейли и корпоративы глубоко в прошлом. Остались только синяки и шишки.

– А вы не находите, бабуля, – пришла мне в голову печальная мысль, – что Тринадцатое царство как-то нелюбезно встречает будущую царицу? Я все время получаю в лоб.

– Шастать ночами неведомо где не надо, тогда и лоб будет целый, – недовольно буркнула Яга.

– Вариант, – не согласиться было трудно. Я лежала с закрытыми глазами. Так как-то более безболезненно.

– Нашла, когда пойти на город любоваться, в полнолуние. Скажи спасибо, что жива осталась.

– Спасибо!

– Да не мне, а Митеньке. – Яга покачала головой. – Это он тебя, непутевую, домой приволок. Догадался, что гулять тебя потянуло, следом пошел, беду отвел и ко мне тебя принес. – Яга приложила ко лбу полотенце, смоченное в уже ставшей родной настойке трын-травы, мухомора и чего-то еще.

– А по-моему, недалеко он беду отвел. – Я дотронулась до лба и застонала. Сбравшись с силами, с трудом села, потом встала и медленно подошла к зеркалу. Шишка занимала больше площади, чем весь лоб. На фиолетовом фоне отпечатались причудливые завитки и цветочки, видимо, меня двинули чем-то красивым.

– Дура ты набитая, – возмутилась бабка. – Шишка для нее беда. В полнолуние Лихо одноглазое по городу шастает. Кто с ним столкнется – с бедой не расстается. А ты не здешняя, порядков наших не знаешь, вмиг сгинуть могла.

Расспрашивать, куда конкретно сгинуть и как детально происходит этот процесс, не хотелось, но я автоматически отметила, что мне не первый раз грозят этим действием. Просто поинтересовалась:

– Что ж за порядки у вас такие? Столица государства, а нечисть всякая разгуливает на воле?

– Ну, во-первых, не разгуливает, раз в месяц объявляется, а во-вторых, поймать его тяжело, – пожалала плечами Яга. – Кто за это дело возьмется, у того все из рук летит. На то оно и Лихо. Это не Горыныч какой трехголовый.

– А что, у вас и Змей Горыныч имеется? – Я уже не удивлялась чудесам и волшебным обитателям, знакомство с которыми мне сулило пребывание в Тринадцатом царстве, лишь ставила в уме очередную галочку и прикидывала шансы выжить при встрече.

– А то как же! – всплеснула руками бабка. – В подвале дворца сидит, его еще в прошлом году отловили. Из Тринадцатого к нам прибеж. Крыло повредил, не летал тогда совсем. За его голову награда была назначена, так тамошние мужики больно старались. И сети на него ставили, и стреляли из арбалетов, и камнями закидывали. Я, дура старая, его пожалела, крыло залечила. Это он, поганец, мою избушку с панталыку сбил. – Яга разошлась не на шутку. – Про страны дальние ей понарасказывал, про диковины всякие, редкостью ее древней называл, она уши-то и развесила. В вояж подалась. Людей посмотреть, себя показать. Себе подобных поискать. А я ей только что крышу перестелила. Тьфу, курица неблагодарная.

Бабка тяжело вздохнула.

– Ладно, чего-то я расчувствовалась. Ты одевайся давай, умывайся да спускайся. Завтракать будем, дел у нас с тобой сегодня много. – Яга, скрипя костями и ступенями лестницы, подалась вниз.

Даже предположить было страшно, какие дела запланировала Баба-яга. А вот одеться не помешает. От кровати до зеркала я шастала в одной рубашке, а та была ну неприлично коротка. Надеюсь, не Митя помогал Яге раздевать меня и укладывать. Хотя я всегда гордилась

своими длинными стройными ножками. Жаль, что сарафан их прикрывает до самых пяток. Вот у царя челюсть отпала бы, зайвись его невеста на смотрины в мини. Вот так и устраивают дворцовые перевороты. Надо будет ввести новую моду, если царицей стану. Господи, какой царицей? Что я буду делать? Собственно, да. Что я вообще буду здесь делать, в этом Тринадцатом царстве-государстве? Может, это и есть мой единственный шанс наладить здесь свою жизнь? Выйти замуж за царя. А что я могу еще здесь делать? Открыть пиар-агентство? Стать учительницей? Не шибко востребованная профессия. Даже Васька в неполные двенадцать лет уверен, что у баб одна дорога – замуж.

Я еще раз взглянула на свою шишку – что-то рассасывается медленно, должно быть, сильно шандарахнули.

Внизу собралась большая компания. Видимо, у Яги всегда так. И Емеля сидел на том же месте. Наверное, он предпочел ночевать поближе к блинам. И Кикимора тут, по тому, как уверенно она накрывала на стол, стало понятно: гостя Кики здесь частая. И Митя расселся как дома, глядел, будто я елка наряженная среди пшеничного поля.

– С добрым утром, красавица! Иди, продемонстрируй нам плод своих ночных походов. – Митя ехидно улыбался.

Вот нахал, специально высказался так, что могло показаться, будто я всю ночь неизвестно где ходила и непонятно что делала. Яга заботливо подала новое полотенчишко. Теперь все уставились на мой лоб.

– Сильно тюкнули! – высказался Емеля.

– Какая прелесть, с рисунком, – восхитилась Кикимора.

– Первый признак того, что некоторые лезут, куда не следует, – подвел итог Митя. – Вот скажи, чего тебе ночью во дворе свежим воздухом не дышалось, за каким чертом ты в город пошла?

– Козу увидела. – Я послала парню убийственный взгляд. – Хотела ее домой привести, между прочим, почти поймала.

– Далась тебе эта коза. – Митя даже не заметил моего раздражения. – То есть программа максимум не выполнена. Только в лоб получила, а под зад тебя не боднули? Удовольствие осталось неполным? Извращенные вкусы у вас, девушка, хочу заметить.

Не обращая внимания на мой вялый протест, парень одной рукой убрал полотенце, другой взял меня за подбородок и запрокинул голову. Наклонился так близко, что я чувствовала его дыхание. От него пахло свежескошенной травой. У меня кружилась голова и от стыда пылало лицо. Да что ж это такое со мной творится? Митя внимательно рассматривал синяк.

– Ты видела, кто на тебя напал?

– Нет. – Я помотала головой, заодно используя представившуюся возможность освободиться от назойливой заботы. – Там был какой-то человек, и еще двое, женщина и мужчина. Может, еще кто-то.

– Известно, кто на нее напал, – махнула рукой Яга, наливая чай и ставя передо мной тарелку с кашей. – Кто-то из царевых невест. Конкуренцию чувствуют, хороший знак.

Я радость Бабы-яги не разделяла. «Хороший знак» зиял на лбу, причиняя жуткую боль и мелкие неудобства. К тому же Митя рассматривал меня как под микроскопом, а синяк вряд ли сильно украшал.

– Ее явно прибить хотели, – с набитым ртом поделился мыслями Емеля. – Так что больше похоже на устранение соперниц. Камушки Яги Дарью спасли, ну и Митька, конечно.

– Отлично. – Радости покушение точно не добавило. – А что сразу не предупредили: «У нас тут невест убивают, приезжайте, ждем». – Идея замужества мне нравилась все меньше.

– Ага, – как ни в чем не бывало кивнул Емеля, облизывая ложку.

– Не болтай ерунды, не пугай зазря девку, – шикнула на него Яга. – Все невесты под надежной защитой нашего царя, а синяк до вечера заживет, – пообещала она.

– Не расстраивайся, – тихо прошептал Митя и нежно подул на ушибленный лоб. И, подмигнув, добавил: – Я присмотрю.

Мне показалось – сейчас задохнусь, я так резко вскочила, что чуть не перевернула лавку.

– Что-то мне ваш царь нравится все меньше и меньше, – возмутилась громко. – Погибать молодой неизвестно за что в мои планы не входит, да и замуж не тянет.

– Потянет, – отрезала Яга. – На царя поглядишь, еще как потянет. На вот, молочка попей.

На коленки скакнул Тимофей, всем своим видом показывая, что ему молоко нужнее, чем мне. Впрочем, как только Яга наполнила его миску сметаной, интерес ко мне сразу пропал.

– Ой, ночка выдалась, я вам скажу, еще та, – заговорила долго молчавшая Кикимора. Ее, по всей видимости, распирало от новостей, и тему нападения на меня она считала исчерпанной. – Во дворце карту древнюю украли. Да-да. Из-под самого носа у воеводы и Фрола Авдеевича, это наш главный стрелец и начальник царской охраны, – пояснила она для меня.

– А ты откуда знаешь? – удивился Митя. – Где такие новости взяла?

– Где взяла, там больше нет, – хитро прищурилась Кики. – Эту тайну мне под страхом смертной казни рассказали.

– Мне тоже сегодня в городе эту тайну рассказали, – пожал плечами Емеля.

– Похоже, что эту тайну уже все знают, и все под страхом смертной казни, – заметил Митя.

– А кому эта карта понадобилась? – поинтересовалась я вяло.

– Ну, как сказать? – стала рассуждать Кикимора. – Карта первозданного мира. Там у всех царств-государств границы другие, не такие, как сейчас. Таких карт всего три штуки.

– Если эти карты в некоторые руки попадут, то половина царств между собой передерется, – заметил Емеля, не отрываясь от пирога с вишней.

– Ага, вот кусок от второй карты в Тридешатое царство кто-то подкинул, теперь оно с Триодиннадцатым воюет. Хочет деревню Смородинку отвоевать и половину леса. На карте явно очерчено, что двести лет назад эта площадь Тридешатому царству принадлежала, – объяснила Яга.

– Да много чего перекроить можно. Еще говорят, там клады древние указаны и кладовые с вещами волшебными, – таинственным голосом сообщила Кикимора. – Да-да.

– Сплетни это все, – уверенно постановила Яга. – Ты эти карты видела?

– Ну не видела, – призналась Кикимора. – Только люди зря не скажут.

– В общем, было бы для всех лучше, если бы карты эти лежали за десятью замками, – подвел итог Емеля безразличным тоном. Пирог он считал более важным делом, нежели древние карты, на которых непонятно что изображено. Куда применить эти бумаги, еще неизвестно, а вот еда исчезала у него во рту с поражающей скоростью.

– Карт всего три штуки, как я уже сказала, – продолжила Кикимора. – Одна у Кощея, никто не знает, где он ее прячет, он своих секретов не раскрывает. Да и сам пропал куда-то, давно я про него ничего не слышала.

– Это верно, – заметила Яга. – Про Кощея давно не слышно. А про карту он забыл. Сам спрятал и забыл куда. Старый он, беспамятный.

– Кусок из Тридесятого царства не знаю где – врать не буду, – призналась Кикимора. – А вот третья у нашего царя была. Так вот ее и сперли.

– И кто это сделал? – Не то чтобы меня интересовали древние карты, но кипучая жизнь в волшебном государстве вызывала некоторое любопытство.

– Да кто угодно мог! – предположил Емеля. – С этими царскими смотринами столько народа разного понаехало!

– В городе кто только не шатается, – согласился Митя. – Да и дворец как проходной двор.

– Вот! Моя печка из-за них и нервничает, капризничает и не слушается, – надул губки постоянно жующий увалень.

– Да не переживай ты так, Емелюшка. – Кикимора погладила парня по плечу. – Найдется твоя печка. Куда ей бежать? Она ж без тебя, как без... – Кикимора старалась подобрать нужное слово. – Без дров.

Емеля недоверчиво посмотрел на нее, у него задрожали губы. Яга вовремя поставила перед ним тарелку с блинами и крынку со сметаной, иначе бы точно хлынули слезы.

– Печка у него сбежала, – шепотом пояснил Митя. – Вчера самовольно выехала со двора и исчезла в неизвестном направлении.

Я понимающе кивнула. Голова все еще болела, но как Баба-яга ни старалась впихнуть еще один блинчик, в меня больше не помещалось. Бабка, похоже, всерьез задалась целью откормить меня до одной ей известного идеала красоты.

Интересно, жители царства будут сильно шокированы, если я начну бегать по утрам, задирать ноги и скручиваться бантиком в

асанах? С фитнесом здесь слабовато.

Я вышла во двор, там уже поджидала Аксинья с книжкой.

– Привет, – поздоровалась она, внимательно меня разглядывая. – Больно?

– Проходит. Было хуже, – призналась девочке.

– Яга быстро вылечит, – утешила Аксинья. – Давай я тебе почитаю, у меня уже складно получается.

– Давай. – Я села рядом, стараясь не двигать головой, чтобы боль не переливалась из стороны в сторону. Девочка проявляла немалое усердие. Она уже неплохо читала. По слогам, но правильно. Ее почти не надо было поправлять. Аксинья дочитала страницу и, перевернув лист, сообщила:

– Зорька нашлась. Она умнее Васьки оказалась, боднула его и сбежала. Домой сама пришла. Мамка ничего не узнала.

– Это хорошо, я ее вчера в городе ночью видела.

– Ага, она под утро явилась.

Из дома вышел Митя, подмигнул Аксинье и, небрежно кинув мне: «Выздоровливай!» – посвистывая, скрылся за воротами. Проводив его тяжелым взглядом, я потрогала свой лоб. Яга и в этот раз не подвела – шишка почти рассосалась.

– Ладно, пойду я, – сказала Аксинья озабоченно. – У меня еще куча дел на сегодня. Во дворце встретимся.

– Ты во дворец пойдешь?

– Ага, к мамке. Она меня на представление проведет. Сегодня там шуты выступать будут, «Тридцать три молодца, одинаковых с лица». В балагане интереснее, только туда меня одну мамка ни за что не пустит. – Для Аксиньи это явно было значимое мероприятие.

– А почему ты думаешь, что я там тоже буду? – У меня постоянно возникало странное ощущение, что все в этом городе знают больше, чем я.

– Так праздник царь для всех своих невест устраивает. Ты же замуж за царя хочешь? – округлила глаза девочка. – Значит, это не пропустишь.

– Ну да, конечно, – согласилась я. – До встречи.

Не успела Аксинья скрыться в своем саду, как в калитку просунулась растрепанная голова Васьки.

– Здорово! – прошептал он, опасливо озираясь по сторонам. Видимо, общение с будущей женой не прошло бесследно и фингал оставил яркое впечатление. – Там Емелина печка Лихо одноглазое поймала.

– Как? – Я тоже предусмотрительно перешла на шепот.

– Сбила с ног и в колодец спихнула, оттуда его тетка Прасковья достала, а уж там и мужики подросли, – сбивчиво говорил Вася, все время оглядываясь по сторонам. – Ты там расскажи своим.

Мальчишка скрылся раньше, чем я успела еще что-то спросить.

От услышанной новости Емеля с невообразимой прытью соскочил с лавки и скрылся за дверью, не забыв захватить с собой пирожков. Кикимора тоже пришла в необыкновенное возбуждение:

– Ну надо же, ну надо же – Лихо поймали! Вот так, взяли и поймали!

– Ну, подробности пока неизвестны, – засомневалась Яга. – А Васька, он болтун еще тот.

– Лихо теперь в клетку посадят, – мечтательно предположила Кикимора. – На базаре показывать будут.

– Нельзя его в клетку, – постановила бабка. – Один раз в месяц оно захаживало, так все от Лиха по домам прятались. А если его на базаре посадить, от него же спасу не будет. Весь город бедой изведет.

– И то верно, – согласилась подруга. – А что ж с ним делать?

– Отпустить, – предложила Яга. – Оно теперь со страху да с испугу долго на глаза никому не покажется. Может, и вовсе в другое царство уйдет.

– Как всегда, права ты, Ягуша, – закивала Кикимора. – Лихо, оно к лихим делам, нечего его в городе держать. А я вот чего еще узнала. – Она таинственно улыбнулась. – Родители Спящей красавицы еще две недели назад приехали.

– Так не новость это, – отмахнулась Яга. – Я их в городе видела, ничего особенного, одеты чудно. Мужик, а в коротеньких штанишках и в кружевах.

– Так они говорят, что, дескать, дочка их со дня на день подъедет, – сплетничала Кикимора. – А она не подъедет, она уже здесь, только прячут они ее ото всех, потому что спит она. И днем, и ночью спит. Чтобы сегодня во дворце представить, ее с утра будить начали. Авось не разбудят – конкуренции меньше.

– Да и разбудят, невелико горе. Она нам не соперница, – заверила Яга.

– Ох уж эти невесты, – верещала Кикимора. – Каждая с какими-нибудь странностями.

– Вы так говорите, будто нормальных невест совсем нет? – поинтересовалась я. – А простые девушки царицами быть не хотят или простых все же не допускают?

– Ну почему не допускают? Купеческих и боярских тоже можно, – заверила Яга. – Только не все так высоко прицелиться дерзнут. Оно и к лучшему, иначе бы во дворец очередь стояла.

– Зато у царя выбор был бы богатый, – предположила я. – Впрочем, и так желающих хоть отбавляй.

– Выбрать супругу царю, это тебе не шутки, – рассуждала Яга. – Дело государственной важности. Царь у нас умный, все понимает. Здесь без помощи и опытных советов не обойтись. – Яга так многозначительно на меня посмотрела, что желание спорить и возражать отпало.

– Ну замуж так замуж – все равно мне деваться некуда.

Глава 6

– Тебе на праздник собираться надо, – деловито продолжила Яга. – Сегодня на соперниц своих поглядишь и на царя-батюшку. Только и ты красавицей предстать должна.

Мне опять предстояло переодевание. Яга вырядила меня в нарядный сарафан, расшитый золотом и украшенный камнями. Достала шкатулку с драгоценностями. С таинственным видом распахнула ее. Да уж, посмотреть там было на что.

– Если замуж за царя выйдешь, отдам все тебе как приданое, – пообещала Яга.

Неужели старуха пытается меня подкупить? Впрочем, мне неожиданно пришла в голову одна мысль.

Те двое в парке вырывали друг у друга ларец. Точно. Силуэт предмета – в точности как вот этот с драгоценностями у бабки. Только побольше. Вот ларцом меня и ударили. Не зря же остались завитушки на лбу. А девушка вполне могла быть одной из невест. Что ж, пойду во дворец, может, и узнаю нападавшую.

Яга тоже собралась как на свидание. Платье новое надела и красивый кокошник, тщательно причесалась. Если бы не клыки, вполне могла сойти за простую бабушку или нянюшку. Во дворе ждала красивая карета, запряженная тройкой лошадей. Абсолютная идентичность лошадей намекала на их волшебное происхождение. На козлах никого не было. Мне аппарат сразу не понравился. Но своего мнения, на чем я предпочла бы ехать ко дворцу, у меня не сложилось. Представлений об их современном транспорте я не имела. Так что покорно влезла внутрь. Яга чего-то шепнула, плюнула, и лошади пошли сами.

Мои подозрения оправдались. Карета – очень сомнительное средство передвижения с точки зрения скорости и удобства. Сиденья жесткие, словно чугунная скамейка, обшитая тонким бархатом. Трясет, как в трамвае, который поперек рельсов едет. Крыша над головой ходуном ходит. Не знаю, каким альтруизмом обладали средневековые дамы, чтобы после таких аттракционов еще на балах плясать. Пока мы

доехали, я синяков набила, словно пятен у леопарда. Очевидно, в ближайшее время мне предпочтительнее стоять, а не сидеть.

Город понравился, в лучших традициях русских сказок, светлый и по-открыточному яркий. Деревянные и каменные, большие и поменьше, дома пестрели разноцветными крышами и расписными фасадами. Сады и огороды благоухали ароматами, красовались цветами и плодами. Встречались торговые лавки, трактиры и мастерские. Все чистенькое и ухоженное. Мы проехали две площади, как пояснила Яга – Зеленую, это где мне по голове двинули. При свете дня она казалась больше, не была мрачной и пугающей и очень напоминала парк. В центре возвышалась статуя женщины, величественной и гордой, вокруг нее плескались звонкие фонтанчики, в разные стороны разбегались аккуратные, вымощенные гладкими булыжниками, дорожки. Раскидистые деревья создавали приятную тень над деревянными, ярко окрашенными скамейками. Вторая площадь, Торговая, оказалась побольше, была заполнена разномастным народом, так, что яблоку негде упасть. Основную ее часть занимал базар. Люди прохаживались между рядами, покупали, продавали, перекрикивались и делились новостями. Ближе к дворцу пошли дома и дворы побогаче, очевидно, мы въехали в элитную часть города. И действительно, скоро я увидела царский дворец. Он тоже будто сошел с иллюстрации к сказке. Расписные стены, высокие двери и окна, украшенные кованым кружевом, колышущиеся на ветру флаги. Изящные башенки, покрытые зеркальной мозаикой, пускали лучи во все стороны.

– В зеркальной крыше днем отражается солнце, ночью – луна. Свет в разные стороны и расходится. Оттого наш город Светлым и называется, – объяснила Баба-яга.

Миновав сложный ансамбль из фонтанов, пышных клумб и подстриженных деревьев, наше транспортное средство с чувством выполненного долга остановилось у мраморной лестницы, по краям которой как восковые изваяния застыли два десятка стрелцов. Нас, словно очень важных гостей, почтительно встретил маленький пузатый мужичок, шустрый, что заведенный автомобильчик, и проводил во дворец. Он все время щебетал, как он рад, как он счастлив, как он почтителен и незаменим. Мраморная лестница продолжилась и за дверями, здесь она была покрыта красной ковровой

дорожкой, освещалась светильниками, охранялась все теми же невозмутимыми стрельцами и украшалась картинами в золотых рамах с изображениями множественных царей и цариц. Через двадцать семь ступеней, по которым согласно этикету и максимальной скорости Яги следовало подниматься медленно и с почтением, мы попали в тронный зал – светлое просторное помещение с высоченными витражными окнами от пола до потолка и бархатными портьерами, расписным потолком в облачках и амурчиках и начищенным до блеска полом. У дальней стены в центре возвышался золоченый трон, обитый красным бархатом. Трон пока пустовал, а зал постепенно заполнял народ. Справа и слева стояли ряды кресел. По количеству приглашенных, понятно – гостей ожидалось много. При таком столпотворении не то что карты пропадать будут, слона выкрасть можно, никто не заметит. Гости вальяжно прохаживались по залу, здоровались, раскланивались, оказывали друг другу знаки внимания.

Ягу здесь хорошо знали и, похоже, уважали. Она то и дело кланялась направо и налево, не забывала тыкать меня в бок, намекая на аналогичные действия, и получала приветствия от проходящих людей. Провожатой она оказалась знающей и опытной. Сквозь зубы полушепотом поведала мне все дворцовые тайны и интриги.

– Вот тот высокий мужик в бордовых одеждах – это боярин Никифор Федорович Климов, правая рука нашего государя. За Тринадцатое царство радеет, живота своего не жалеючи. Порядок во всем любит. А вон тот с золотым зубом – это Ломов Игнат Кузьмич, тоже боярин, мечтает с царем породниться, дочку свою Матрену ему сватает. Вон она, смотри!

При боярине действительно сидела пышнотелая девка, розовощекая, упитанная, как свинка, и старательно облизывала петушка на палочке. Пустым взглядом осматривала окружающих. Сама она явно держала в голове еще одного петушка на палочке и уж никак не матримониальные планы.

– А вон тоже боярская дочка, Марфа Горохова. – Яга показала на симпатичную разряженную девушку в кокошнике. Кроме миловидной внешности Марфа удивляла необыкновенной схожестью с окружающими ее особями женского пола. Будто она же, только в разных возрастах. Яга пояснила: – Это сестры ее. Она четвертая по

старшинству среди одиннадцати, вот и надеется: ежели царь на ней женится, то хоть чем-то из оравы выделяться станет.

– Вон, смотри, – продолжала Яга. – Спящая красавица пожаловала. Разбудили-таки.

Ну я бы с этим поспорила. Поднять – подняли, разбудить – не разбудили. Опираясь с одной стороны на руку какой-то тетки, видимо, матери, наряженной в платье с кринолином и глубоким декольте, и на мужичка в коротких штанишках с буфами и в рубаху в кружевах с другой, юная барышня медленно уселась в кресло. Похоже, в ее высокий ажурный воротник был вставлен металлический каркас, поскольку он не пошевелился, когда, закрыв глаза, девушка склонила голову набок и мирно засопела. Ручаюсь, мамаша тыкала ее в бок чем-то острым, Спящая красавица иногда вскакивала, испуганно моргала глазами, но вскоре засыпала снова.

В зал вплыла высокая дама в ослепительном наряде. Сияние и солнечные зайчики разбегались от нее, как перепуганные тараканы. Я безошибочно угадала Хозяйку Медной горы. Как она выдерживает вес навешанных на нее камней, осталось для меня тайной. Ее служанки заменили дворцовое кресло на предусмотрительно прихваченный с собой мини-трон из целого куска малахита, украшенный золотом и драгоценными камнями. Наверняка у дамы хронический цистит. Что ж ей никто не объяснил, что на камне сидеть вредно? Хоть бы подушечку подстелила. Дама уселась на драгоценный стул, высокомерно оглядела всех присутствующих и застыла как каменное изваяние. Хорошая супруга из нее получится – поставил в уголок, и не мешает, и драгоценным сиянием помещение украшает.

В дверях молодая девица в русском красном сарафане что-то горячо доказывала распорядителю мероприятия.

– Аленушка, – прокомментировала Баба-яга. – Должно быть, козлов ее в зал не пускают. И то верно, не хлев здесь.

Оттолкнув обоих спорщиков, в зал сплошным потоком полились гномики. Кикимора права, они, наверное, размножаются делением и почкованием. На тридцать шестом я сбилась со счета. Гномы плотным кольцом окружали Белоснежку, ничем не примечательную девицу хрупкого телосложения. Не хуже бульдозера расчищали ей дорогу, при этом недовольно ворчали и окидывали окружающих презрительными

взглядами. Правда, расселись довольно экономно – по трое на один стул.

Аленушка прошла в зал одна, животные за ней не последовали, видимо, распорядитель остался неумолимым. Ее проводила крепкая деловитая женщина, которая приветливо помахала нам рукой.

– Наталья, мать Аксины, – пояснила моя сопровождающая.

Я обшарила глазами зал, но девочку не увидела. В это время зал ахнул и загудел шепотом.

– Вот бесстыжая, как ее только земля носит, – ворчала Яга. – Голая же совсем, а в слугах только мужиков держит. Неужто думает, вокруг дураки одни и не понимает никто? Тьфу, блудница вавилонская.

Это Яга реагировала на Шахерезаду, как монашка на порнокартинку. Я было открыла рот, чтобы объяснить бабуле назначение женоподобных сопровождающих восточной красавицы, но осеклась. Если от моих разъяснений старушка впадет в культурный шок прямо тут, неловко получится, лучше дома сказать и сначала подготовить.

На самом деле назвать Шахерезаду голой было очень сложно. Реально открытым куском тела являлись только обильно накрашенные глаза, остальное в несколько слоев завешивали полупрозрачные ткани, и тело под ними не различалось. Только если приложить фантазию...

На фоне традиционно одетых людей Шахерезада выглядела как павлин на картофельном поле, впечатление усиливал негритенок с опахалом.

– Что ж она, ребятёнка отмыть не может? – проворчала моя бабка и отвернулась.

Рядом с нами, предусмотрительно пропустив пару кресел, уселась высокомерная девица в окружении нянюшек с такими же чванливыми постными лицами. Не скажу, что все невесты царя были искренне любезны друг с другом, но приличия соблюдали. Взглянула на эту барышню, и мне показалось, что я лично у нее ипотеку оформила и уже лет пять не выплачиваю.

– Лукерья, дочь воеводы, – шепнула Яга. – Отец хороший мужик, честный, храбрый, за царя жизнь отдаст. А дочь, видать, в мать пошла, высокомерная. Сидит, как цапель на болоте.

Я указала на миловидную девушку, устроившуюся напротив нас. Она внимательно и сосредоточенно рассматривала всех

присутствующих. Ее колкий пристальный взгляд на секунду задержался на мне, и я почувствовала себя неловко.

– Милолика, – поведала бабуля. – Многие ее шпионкой Кощея считают. Она у него в неволе лет десять провела.

– Хорошо сохранилась. А чего ж спасителей не нашлось? – помнится, в сказке очередь из них стояла.

– Почему не нашлось? Были. Все честь по чести, – и добавила совсем тихо: – Только они потом говаривали, что не больно-то она сбежать хотела. За то время, что у злодея пробыла, уж наверняка столько секретов вызнала, что Кощея можно под каблуком держать. А она молчит и бедной овечкой прикидывается.

Бедная овечка обладала взглядом цербера на задании. Может, это она меня ларцом огрела? Как ни копалась я в своей памяти, вспомнить ничего не смогла. Не разглядела нападающих – ни лиц, ни фигур, ни деталей, вообще никаких подробностей. Так что, увы, опознать никого не могла.

– Вон еще одна невеста. – Яга указала на одиноко сидящую нервную красавицу. – Василиса Прекрасная, настоящая, с подтверждающей грамотой. В конкурсе участвовала.

У меня челюсть отвисла.

– Не поняла, на что у нее подтверждающая грамота?

– Ну, диплом, что она Василиса Прекрасная, – пожала плечами Яга.

– У вас что, Василис сертифицируют? Передовое государство. Вот вам документ, что вы прекрасная, а вам сертификат, удостоверяющий вашу премудрость?

– Не выражайся! – шикнула на меня бабка. – А Василисам да, у нас подробный учет ведут. Каждый год считают, новых записывают, старых проверяют. Ну конечно! А иначе самозванок-то сколько разведется? – удивилась Яга. – Так – грамота есть, значит, все законно.

Сертифицированная Василиса Прекрасная явно была чем-то обеспокоена, она нервно теребила собственную косу, то и дело поглядывала на часы. Видимо, на сегодня у нее запланированы дела поважнее, нежели мероприятие у царя-батюшки.

Зал заполнился до отказа. Многим не хватило стульев и кресел. Удалые молодцы втаскивали дополнительные скамейки. Рассматривать

в толпе потенциальных соперниц стало тяжело. На пустующее кресло рядом со мной плюхнулась Акси́нья.

– Смотри, у меня новая книжка. – Девочка помахала увесистым томиком, на обложке которого золотыми буквами значилось «Брань да лад». – Очень ценная, написана вручную. Таких всего сто штук.

Лев Толстой, может быть, и записал свой великий труд пером. Но то было один раз и за очень длительный период. А вот переписать роман сто раз... За это надо абонемент в СПА давать, за вредность, и талоны на бесплатные визиты к психотерапевту.

– Вон, смотри, царь прибыл, – тыкала пальцем девочка. – Сейчас начнется.

Весь зал встал, приветствуя государя.

Я замерла, рассматривая царя. Внушительный мужчина в богато расшитом камзоле и короне молча всех поприветствовал и занял место на троне. Шустрый пузатенький распорядитель произнес приветственную речь от имени и по поручению. И не успела я толком изучить потенциального суженого – уж больно далеко сидел и слишком был скрыт одеждой – свет погас. Тут же зажглись огоньки и лампочки, загремела музыка – началось представление.

Довольно стандартное цирковое шоу. Группа физически крепких мужчин в шутовских костюмах с бубенчиками прыгала по канатам, тягала штанги, показывала фокусы и плоско шутила. Неискушенная публика Тринадцатого царства визжала от восторга, громоподобно аплодировала и замирала с открытым ртом. Я не большая любительница цирка. От громкой музыки у меня закладывает уши, от светошоу мушки в глазах, а глядеть вверх на акробатов затекает шея. Но, в общем, достаточно профессиональная программа. Главное, не слишком долгая. Зрители наградили артистов вполне заслуженными аплодисментами.

После представления всех гостей пригласили в соседний зал. Там ждали пышно накрытые длинные столы с угощениями на любой вкус. Добрые молодцы в красных рубахах спешно сновали туда-сюда, сменяя блюдо за блюдом. Гости активно поглощали многочисленные закуски, супы, мясо и прочие яства, перемежая их ни к чему не обязывающими разговорами. Легкая музыка способствовала пищеварению, так что гости довольно быстро добрались до сладкого. Мне это напомнило фастфуд – чем быстрее музыка, тем активнее

работают челюсти, соответственно гости быстро наедятся и освободят место следующим посетителям. Впрочем, накормить такую ораву – дело не из легких. Признаю, государь человек щедрый и на приемах не экономит. Аксинья, не отходявшая от меня ни на шаг, вдохновенно расхваливала представление.

– Ух ты! Но это короткая программа, в балагане они три часа выступают. Там еще дрессированные звери есть. – Восторг из нее так и фонтанировал, глаза с блюдца, рот не закрывается. – Ты когда царицей станешь, вели у нас в городе цирк построить. Чтобы каждый день ходить можно было и чтобы детей без взрослых пускали.

Так, у меня нарисовался первый электорат, возлагающий надежды.

– Если ты каждый день в цирк ходить будешь, – поинтересовалась я, – когда учиться станешь?

– Одно другому не мешает, для качественной мыслительной деятельности нужен полноценный отдых, – изрекла Аксинья. – А вообще, – добавила девочка более прозаично – они всех надули. Обещали тридцать три молодца, а там только тридцать два было. Я подсчитала.

Надо заметить, с тех пор как в ее образовании наметился некоторый прогресс, девочка все вокруг считала и читала.

– А в балаган я тебя свожу, у мамы спроси, если разрешит, сходим, – пообещала я.

Аксинья запрыгала на стуле, захлопала в ладоши, толкнула сидевшую рядом Лукерью под локоть. У той из рук вылетело пирожное и, перемахнув через нескольких гостей, благополучно приземлилось на голову боярину Игнату Кузьмичу. На мой взгляд, кремовая розочка стилистически довольно удачно сочеталась с меховой шапкой, но боярин решил по-другому. Грузный мужчина резко встал с лавки и устрашающе стукнул по столу кулаком, от чего зазвенели и запрыгали стаканы. Естественно, несколько из них упало. Дамы, попав «под разлив», истошно завизжали и повыпрыгивали из-за стола. Обслуживающий персонал кинулся вытирать лужи и улаживать недоразумение. Воспользовавшись неразберихой, Мартена запустила в Лукерью блюдцем, видимо, пирожного пожадничала, но промахнулась и попала в Белоснежку. Такой подянки гномы простить не могли, но так как не углядели достоверно, откуда прилетел фарфоровый снаряд,

мстить решили всем. С фанатичным огнем в крошечных глазках лилипуты-защитники принялись швырять в присутствующих посудой и едой. Многие не желали оставаться в долгу, а некоторым просто понравилась забава. Не прошло и пары минут, как к посудно-пищевой артиллерийской потехе присоединились все. Царский скоморох, до этого жалобно трясшийся, словно чихуа-хуа, пораженная размерами сенбернара – на него произвело глубочайшее впечатление представление заграничных шутов и породило в душе страх остаться безработным – сейчас разошелся вовсю. Ходил на руках, подзадоривал воюющих потешками и прибаутками, явно чувствовал себя в своей тарелке.

Стрельцы моментально загородили царя-батюшку, а потом и вовсе от греха подальше увели из зала, не снимая обороны. Толпа буйствовала. Только мы с Аксиньей стояли в углу под прикрытием Бабы-яги – тихие, милые и незатейливые. Правда, юная воительница умудрялась швыряться мороженым, вазу с которым предусмотрительно прихватила со стола. Впрочем, бабкина спина загоразивала обзор и обстрелу недоставало меткости, что не умаляло удовольствия. Надо заметить, защищала нас Яга отменно. Если что из пищевых припасов и летело в нашу сторону, под бдительным и цепким взглядом старушки падало, словно сбитое лазерным лучом, а частенько и вовсе отправлялось в сторону пославшего.

– И часто у вас тут такое? – поинтересовалась я у Яги, которая ожесточенно поглядывала по сторонам.

– Бог с тобой! – возмутилась бабуля. – У нас царство приличное, люди воспитанные. А тут понаехали проходимцы всякие, вот и творится неведомо что. Ну, Филька, держись! Поймаю, лично на кол посажу!

– Кто такой Филька? – почти прокричала я в ухо Яге. Шум в зале усилился. Сладко-метательные забавы сопровождались громкими воинствующими криками и визгами.

– Ключник бывший! Хором царских. Его царь на воровстве поймал, на остров Буян сослал, – рассказывала бабка, не теряя бдительности. – А он от обиды напоследок всю эту кашу и заварил. Пригласительные на царские смотрины разослал. Вот и понаехали эти невесты дикие со всех сторон.

– Я думала, их царь пригласил... – Кажется, сейчас мне откроется вся интрига мероприятия.

– Да неужто у нас царь полоумный? – всплеснула Яга руками и ловко увернулась от пролетавшего мимо торта. – Разве стал бы он в своем дворце этаким кавардак устраивать? Захотел жениться? Так выбрал бы себе невесту, как все – по портрету, по интересам государственным, по политическим соображениям. И все – женись, не хочу! А Филька этот, паразит пучеглазый, конкурс объявил: дескать, съезжайтесь, красавицы, царь себе жену выбирать будет. И главное, пригласительные черт знает кому разослал, всем чудачкам королевств, вот и понаехали не пойми кто! Тьфу! – возмущению Яги не было предела.

Я хотела еще что-то спросить, но не успела. Бои без правил прервал жуткий вопль, я даже не сразу поняла, что этим нечеловеческим голосом орет Наталья.

– Невесту у-би-ли-и-и!

Глава 7

Немая сцена из «Ревизора» нервно курит в углу по сравнению с безмолвием, повисшим в зале. Станиславский рукоплескал бы. Зато потом, когда народ стал очухиваться, началась такая куча-мала... Часть гостей спешно желала покинуть дворец, другая же часть жаждала посмотреть на место преступления – когда еще представится возможность увидеть настоящий труп! Печально то, что двери были одни, а пол покрыт кремом, взбитыми сливками, огрызками и прочими разлитыми и размазанными кулинарными прелестями вперемешку с битым стеклом. Цвет знати, можно сказать, элита Тринадцатого царства и почетные гости скользили, падали, с трудом поднимались, тут же падали снова и громко матерились. Мы же, вжавшись в стенку, отчаянно старались не принимать участия в этом празднике жизни. Понимая, что затопчут, не постесняются. Ситуацию «развели» стрельцы – кого под белые рученьки, кого за шиворот, а кого и просто пинками, они выпроводили извазюканную и местами порезанную публику из дворца.

Яга покидать дворец отказалась, Фрол Авдеевич, старший из стрельцов, ей не перечил, видимо, имел опыт общения. Мы, разумеется без Аксиньи, прошли к месту преступления, направо от мраморной лестницы. Надо ли уточнять, что все следы преступления были тщательно скрыты слоем размазанных сладостей. В окружении безразлично слизывающих десерт козлов на полу лежала Аленушка.

Яга внимательно оглядела девушку, наклонилась, потрогала пульс, принюхалась, затем изрекла приговор:

– Жива, без сознания. Отравить ее хотели, да что-то не так пошло.

Затем Яга пошушукалась с Фролом Авдеевичем, и мы отправились домой.

На выходе нас встретил Митька.

– Чего скажешь, бабуля? – Я все больше убеждалась, что Яга была на особом счету и пользовалась большим уважением.

– Потравил кто-то, – пожалала плечами моя спутница. – Царевы невесты, чай, бесятся, конкуренцию изводят. Повезло девке – жить будет. Противоядие я сварю.

Митька довольно кивнул, и они заговорили с Ягой о погоде. Я столь философского отношения к участвовавшим покушениям на невест не разделяла. Кто-то из девиц явно рвался к власти, и дорога из трупов неизвестную не смущала. Меня затрясло не то от страха, не то от переизбытка событий. Аленушке действительно повезло – из свадебной гонки ее вывели, стало быть, добивать не придут. Жизни остальных четырнадцати невест, включая мою, под угрозой. Замуж и до этого не больно хотелось, а теперь и вовсе сватовство напоминало гонку на выживание. Яга, степенно вышагивая под ручку с Митей, обсуждала дела житейские и городские новости. Неожиданный бунт Емелиной печки. Она так и рыскала по городу, неприкаянно и стихийно, многие видели. Поймавшему беленую строптивницу Емеля обещал полноправное управление на целый день. Ссору Лешего с Кикиморой. Золотая рыбка обернулась русалкой, активно увеличивалась в размерах и делала Лешему многозначительные намеки, чем доводила Кики до иступления. Опять несбывшийся прогноз погоды. Палата синоптиков недовольна оборудованием и вместо воздушного шара потребовала Змея Горыныча, для более точных исследований. Мое душевное состояние никого не волновало, даже Аксинья убежала домой, козу стеречь. Впрочем, на улице стоял дивный летний вечер, тепло, безоблачно, экологически чисто... Интересно, у них тут есть бары? Разумеется, на коктейль «Пина колада» я не рассчитывала, но что-то же они употребляют! Сливицу, клюковку, облепиховку, медовуху, наконец. Яга еще с утра выдала мне вышитый кошелек с местной валютой, но на предложение зайти куда-нибудь выпить я не решилась.

Не дойдя до дома, Яга сбагрила меня Мите, наказав доставить непутевую строго домой и взяв с меня обещание не выходить со двора, а сама отправилась к Кикиморе за какой-то травкой для противоядия и для утешения закадычной подруги. Митя воспринял задание со всей ответственностью, сгреб меня в охапку и повел к воротам.

– А ты ничего так, с самообладанием и устойчивой психикой. – В устах Митьки это можно было засчитать за комплимент. – Аленушку увидела, не завизжала и в обморок не брякнулась.

– А от чего там в обморок падать? Яга же сказала – живая она, вылечить можно. Подумаешь, девчонка в пирожных валяется, негигиенично, конечно, но о вкусах не спорят, – Видимо, с фильмами

ужасов у них тут негусто, если они от всякой ерунды в обморок падают. Им бы «Чужие» или «Хищника» на большом экране поглядеть, вмиг психика укрепилась бы.

Мы присели на скамейку во дворе Бабы-яги. На приличном расстоянии друг от друга, к моему облегчению и душевному спокойствию. Еще только не хватало, чтобы я краснела и заикалась.

– И в застольных боях ты участия не принимала. – Митя окинул взглядом мое чистое платье, на секунду дольше задержался в области груди, а по моей коже побежали мурашки.

– Что по большей части заслуга Яги, – честно призналась я. – Хорошо, что это у вас не стандартное развлечение и не утвержденная программа мероприятий. Весь дворец едой заляпали.

– Ну да, обычно застолья так не заканчиваются. – Митя засмеялся. Я тоже не удержалась, вспомнив царский обед. – Разъедется народ после смотрин, все и успокоится.

– Подкинул Филька дел, – кивнула я. – А нельзя было объявить, что это недоразумение, ошибка, никаких смотрин не будет, всем спасибо, все свободны?!

– Скандал вышел бы! Ключник приглашения с царской печатью посылал! Все по правилам, согласно обычаям. Если позвали, то извольте выбрать и жениться.

– А если никто не понравится?

– Не важно! Если бы царь по-тихому невесту выбрал, пригласил бы в гости или сам съездил познакомиться, туда-сюда, там бы по-тихому и решили. Обычно так и делают. Чтобы у каждой стороны возможность была отказаться, если что. Хотя это и не совсем по правилам, – объяснял Митька. – А раз так широко заявлено – конкурс, смотрины, невест пятнадцать штук, – то отступать некуда.

– Значит, кого-то царь непременно выберет? – уточнила я.

– Ага! – подтвердил парень.

– А ты откуда знаешь, что я в застольных боях не участвовала? – До меня, как до жирафа, с опозданием дошло: его же там не было, ни на пиру, ни возле Аленушки.

– На тебе платье чистое, остальное Фрол Авдеевич нашептал, – не моргнув глазом ответил Митя.

Ага, значит, он мной интересовался. С чего бы это? Понятно с чего. Или непонятно? Или не поэтому? Я сама понимала, что думаю,

и то нескладно. Каша из мыслей какая-то в голове. Но почему-то хотелось запрыгать на одной ножке от восторга. Он мной интересуется! Ура! Ура! Ура! Пора лечиться.

– Ну и как тебе царь? – ехидно поинтересовался Митя, не сводя с меня глаз.

Чуть не ляпнула: «Какой царь?» Точно, меня же в царицы прочат.

– Никак! Я и не видела его. Уселся далеко, высоко, чего там разглядишь? Необщительный он у вас.

– Должность обязывает, – кажется, обиделся Митька. – Не тебе царя судить. Про царя или хорошо, или ничего.

– Ага, у нас тоже так говорят. – Я еле сдержалась, чтобы не добавить «как про покойников».

– Что-то я не пойму, тебя царь не устраивает или, может, ты мужененавистница, или это... того... по девочкам. Ты замуж не хочешь?

– Почему не хочу? Почему сразу по девочкам? Отчего мужененавистница? – оправдываясь, забубнила я. – Брак дело ответственное, многое в жизни определяющее. Хотелось бы по взаимной симпатии. За близкого человека.

– Хочешь сказать, что корона тебя не прельщает? Тебе непременно любовь подавай?

– Ну, во всяком случае, хотелось бы с супругом не в первую брачную ночь познакомиться! Или у вас можно и без супружеских обязанностей обойтись?

– Ну это вряд ли. – Митька явно веселился и специально подзадоривал. – Наш царь до девок охочий, да и они от него пищат.

– Я немышь, пищать не умею! – твякнула в ответ. – А у Яги в доме пищать вообще опасно для жизни. Тимофей – съест.

Парень хохотал во весь голос. Я тоже рассмеялась – чего дуться? До царя высоко, до смотрин далеко, придумаю еще что-нибудь.

– Ладно, пора мне. – Митя встал. Я тоже поднялась. – Провожать не надо, – предупредил он меня. – Дорогу знаю, – и пошел к воротам, а я все-таки сделала несколько шагов следом. Вдруг он резко остановился и обернулся, я, разумеется, не ожидала и ткнулась ему в плечо. Он схватил меня за плечи, не дав упасть. Мы замерли. Сердце билось, как у зайца, ноги не держали, только сильные руки Мити не давали сползти на землю. На виске я почувствовала легкое касание

губ. Уверена, что почувствовала, совсем легкое, совсем недолгое. Потом он отстранился.

– Со двора никуда не ходи, – сказал почти шепотом. – Похоже, действительно на невест охоту открыли. А сюда сунуться никто не решится. – Он ушел, тихо притворив за собой ворота. А я стояла посреди двора с пылающими щеками, как разбитая параличом школьница на первой в жизни дискотеке. Постояла, вздохнула и пошла в дом.

Уподобляться чучелу из огорода дело бессмысленное. Пугать некого. Вороны сюда не прилетают, им тут есть нечего. Да и в мастерстве отлова птиц я огородному охраннику явно уступаю.

В избе Тимофей беззаботно сопел на лавке. Я присела рядом, он даже ухом не повел. В этом мире я чужая и беспомощная, даже в быту. Без Яги ни самовар поставить не могу, ни на стол накрыть. Как она без кухонного комбайна, микроволновки и стиральной машины справляется, непонятно. Вон! Пресловутая русская печка. Это же не дай бог кому! В ней готовить, как стакан воды в жерле вулкана кипятить. А ухват с горшком не каждый атлет поднимет. Ладно, есть все равно не хочется. Надо как-то включаться в предложенную реальность. Видимо, я здесь навсегда. Хорошо, что у меня дома не осталось цветов или животного какой, а то погибли бы голодной и обезвоженной смертью. Почему-то сейчас особую ностальгию по прошлой жизни вызывали не подруги и даже не любимая работа, а бар за углом. Тоскливо-о...

Глава 8

Я осторожно открыла один из шкафчиков в дубовом буфете Яги. Уже смелее – второй. Потом все остальные. Ничего подходящего не нашлось. Баночки-скляночки, пузырьки-коробочки. Пить что ни попадя у нее опасно. Кто ж ее, ведьму старую, разберет, чего она тут поналивала. Может, желчь бешеных пингвинов, а может, слюну буйных мартышек, покусанных ядовитыми летучими мышами. Из надписей я только «настойка валерианы» поняла, но это мне как мертвому припарки. Зато, увидев находку, Тимофей заметно оживился и даже, пересилив презрение, потерся о мои ноги. Понятно, наши желания совпадают.

– Пить в одиночестве – это первый признак алкоголизма! – поведала я коту. Влерианки мне не жалко! Я компанию хочу!

Тимофей мгновенно смекнул, что есть возможность сообразить на двоих. Умный кот у бабки. Он запрыгнул на печку и отодвинул шторку, послышался звон стекла. Отлично, я спустила сверху корзину с тремя бутылками внушительных размеров. Ха, настойка малины! Подойдет!

– Не отравлюсь? – поинтересовалась у кота на всякий случай. Тимофей уверенно покачал головой. Ну надо же, мы приходим к взаимопониманию!

– Ты из стакана предпочитаешь или из миски будешь? – Я откупорила пузырь с валерианкой, хозяйину решила налить первому, так сказать, в знак уважения.

Пить на полу как-то неудобно, так что, дабы создать доверительные отношения и поддержать только что завязавшийся контакт, пригласила Тимофея к столу, точнее, на стол. Долго он не сомневался, любовь к валерианке пересилила и воспитание, и сложившиеся традиции. Ну не мне же на пол спускаться, в самом деле, там же дует. Чокнувшись о блюдце Тимофея, я осторожно попробовала напиток. Очень, очень даже неплохо! Отлично просто! Крепость, как у вина, вкус, словно у малинового компотика.

В процессе, пока обе бутылки с малиновой и валериановой настойкой пустели, у нас с Тимофеем установились прочные дружеские отношения.

– П-понимаешь, мня тут не дол-лжно быть! Я так н-не планировала. Я все план-нирую, – Почему заплетается язык и выговариваются не все буквы, я не очень понимала. – Мня с дет-тс-тва учили... приуч-чили к организ-з-зации. А тут на т-тебе, м-мне – и в сказке оказ-заться!

– М-мра, – поддакивал кот.

– Нет, я того, ты н-не подумай, я сказки люблю, – продолжала я изливать душу. – Но тут, т-тут у кого хошь крыша поедет. Ты чучело видел? Оно со мной зд-здоровает-тся по утрам.

– Мр-ра!

– П-понимаю, с-с тобой тоже.

– Баба-яга, ик, я ж про нее тока в сказке читала! Ик! Не-эт, ты не подумай, она баб-булька хорошая. Если б она была, как у нас-с в сказках пишут! Я бы давно уже в супе кипела. А да, у нее из-жога! Ну, может сырой съела бы! А у нас, у нас человек есть зпрещ-щено законо-нодательно!

– Мыр!

– О! Еще печка ездит, сама!

– Мыр!

– Да я понимаю, что тебе пр-привычно! Ты тут живешь. А я живу не тут! Ну теперь тут, а раньше там!

– М-мыр!

– Да не в чулане, дальше! У нас там чудес нет! Ни Лих одноглазых, ни Горынычей, и Василис не серти-сет-циф-цируют.

– Мыр!

– Ну да, несчастные, в общем, люди!

Я облокотилась на руку, распластавшись по столу, уткнулась носом в привольно развалившегося кота. На мой взгляд, мы премило общались.

– З-замуж за цар-ря. Типа раз уж-ж вы к нам пожа-ик-ловали, то вот вам муж вен-це-ос-с-носный. Н-нет, я ниче, я того, раз-з нада, я пойду. А чего еще делать-та? Я ж тут беспомош-щная, совсем! Ниче не могу, ниче не поним-ик-аю! Меня спраш-шивают, штоль?

– Мур!

– Точ-чно, н-не сп-правшивают. А вот уби-ик-ть хотят мня. И ведь приб-бють, как пить дат прибью-ть. И ведь пож-жаловаться тут у вас не-кому. Милися у вас нет! Во-о! От нее толку-то никакого, конечно,

она и у нас плохо нас берез-жет. Но у вас-с ее ваще нет! Без-законие и сам-мууправство. Может, мне в подполье уйти? А? Да, партизаны, они не из сказки. Помру молодой и кр-расивой, и горевать по мн-не будет н-некому. И в-всем это безразлично.

– Мр-ра!

– Во! Тока ты мя и п-понимаешь. А Митька-а-а! Смотрит как, а-а-а? С-с с ума сойти! Но н-не п-понимает! Глазищи нахальные-э-э, ручищи загребущие-э-э. Вот сгреблась бы в ручищи эти и только в глазищи эти и смотрела. А тут этот на троне, как его... царь. Шиш ему там, на троне, положи руку на сердце. Ну не все ли равно, на ком жениться? Вон ему сколько невест подогнали! Он же государственным делами занят, ему ж стока не надо! Там н-на всех хватит. И Емеле, и мне. Ну, в смысле, Емеле – Не-несмеяну, а мне... меня Митьке! Мож-жет, он замуж поз-зовет? А я б пошла. Вот ни за кого не ход-дила, а за него п-пошла б. Такого мужика тока в сказке найти можно! Никто меня н-не п-понимает!

– М-ра!

– Тока ты! – Я кивнула и стукнулась лбом об стол. Не то чтобы сильно, но, похоже, входит в привычку. – Ты наст-тоящий друг! Ты меня п-понимаешь! И я тебя п-понимаю! Ты меня у-уважаешь! И я тебя у-уважаю! Может, м-мне его соблазнить на фиг? Я такие пр-приемчики знаю! Мня Маринка научила, подруж-жка моя! Она семь раз замуж ходила, у нее черный по-пояс по соблаз-зенью. Говорит, ни один муз-зжик не устоит. Мне за это что светит? Лет сорок тюрь-мы, без пр-рава пер-реписки. У вас с нак-казаниями в-вобщем как? Казнят? Со-очтут изменой царю и каз-знят? Как-то не хотелось бы в медовый м-месяц на плахе... Нам это, нам палач не нужен. И как? Как тут жить дальше?

– Мяф-ф!

– О, бабуля!

Мои душевные излияния прервал протяжный стон. Баба-яга собственной персоной стояла перед нами с выпученными глазами.

– Выпученные глаза – явный признак проблем с эндокринной железой, – на удивление гладко и без заикания проговорила я. – Тебе, бабуля, врачу показаться надо. У вас тут врач хороший есть?

Яга глотала воздух ртом, никак закрыть не могла.

– М-р! – В Тимофее выиграло смутное воспоминание о приличиях, он попытался слезть со стола, но лапы никак не упирались в твердую поверхность, подкосились, и он плюхнулся на пузо, едва поднявшись.

– Это ж как же? Это как ты? Это ж где ты нашла? Кто ж тебя надоумил? Бесстыжая! – причитала бабка, заливаясь бордовой краской. – А Тимошеньку ты, змеюка-забулдыга, пошто споила? С пути праведного сбила!

Тимошенька честно предпринял попытку возразить, но конечностями владел плохо и, издав писклявое «Мяв!», упал мордой в валерьянку.

С бабкой творилось что-то неладное, она металась по комнате, сносила все на своем пути, то захлебывалась словами, то несла что-то неразборчивое. Надо было спасать ситуацию. Тимофей блаженно улыбался, развалившись в блюде с валерьянкой. Наши ряды несли потери. Я с большим усилием вылила остатки настойки в стакан и предложила Яге с самым невинным выражением лица:

– Ты б попробовала. Сразу отпустит. Удач-ный урожа-ай, отличный вкус-с, бу-букет... ку-купаж...

Она остановилась и замерла. В воздухе повеяло скандалом и рукоприкладством. Мне показалось, что реальность замедлилась и наваливалась на меня неизбежной угрозой. Бежать смысла не было, спасения не предвиделось, надежда на чудо тоже таяла на глазах. Откуда-то из желудка поднимался холодок. От зверского взгляда милой старушки я начинала трезветь. Методику Яги можно брать на вооружение в вытрезвителе. Предчувствуя последний миг в своей жизни, я залпом жажнула стакан настойки. Надежда оправдалась. Это помогло. Сразу стало темно, спокойно и уютно! Больше я ничего не запомнила.

Глава 9

Сначала проснулась от жуткой боли в голове. Затем яркий солнечный свет резанул по глазам, словно меня долбанули кувалдой. Боль усилилась. Я даже не подозревала, что могу стерпеть такую боль. Очередное утро в этом мире сопровождалось жуткими физическими страданиями, это уже становилось традицией.

– Господи, как мне плохо! Что-то я перебрала. Или малиновка оказалась крепче, чем я чувствовала, или бутылка больше, чем выглядела. Да, вчера мне не было настолько хорошо, насколько плохо сегодня, хотя результат, в принципе, достигнут. Ни одной мысли в голове нет – им там больно.

Я даже, грешным делом, подумала, вдруг Яга меня побила в отместку за выходку? Ну не может с похмелья болеть все тело. Наверное, это синяки. Оглядеть себя у меня не получилось. Голова налилась свинцом, и поднять ее, пользуясь лебедкой, не смогли бы даже три профессиональных грузчика.

В ногах что-то чавкало, вяло шевелилось и поскуливало. Догадка пришла не сразу.

– Тимоша? – еле выговорила я, сомневаясь, что кот расслышит мой невнятный стон.

– Му, – раздалось страдальческое в ответ. Видимо, на нормальное «мяу» кот сейчас не способен. Неужели от валерьянки тоже бывает похмелье? Или наказание от Яги настигло нас обоих? А потом она, видимо, складировала нас вместе на моей кровати для дальнейшего истязания.

Сзади раздалось шепуршение. Поглядеть, кто там возится, я была не в состоянии, хотя слышала отлично. Малейший шорох отдавался в голове канонадой звуков и необыкновенным разнообразием болевых ощущений. Оставалось надеяться, что это наша бабуля, а не наемный убийца, посланный царской невестой. Вот будет глупо – помереть молодой, красивой и с головной болью. Впрочем, тогда хотя бы мучения эти закончатся. Перед глазами появилась счастливая бабкина физиономия.

– Ну как, ребятки? Вчерась налакались али еще будете? – Яга сияла как самовар. – А то я вам еще настоечки принесла, а тебе, Тимошенька ненаглядный, валерьяночки могу накапать.

– Му, – выдал несчастный Тимофей, примерно то же самое промявкала и я.

Яга поднесла мне крынку, из которой жутко пахло. И чего это все лекарства такие мерзкие на вид и на запах, каких поганок она добавляет туда для ароматизации? Дабы со мной не случилось страшного, я зажала нос.

– Пей давай, – прикрикнула бабуля. – Полегчает.

Я сделала над собой усилие, на вкус зелье тоже оказалось так себе. Я едва сдержала рвотные позывы.

– Мухоморно-смородиновое зельице, – хитро прищурившись, добавила Яга. – Полегчает, навсегда полегчает.

Теперь я по крайней мере точно буду знать, от чего помру.

– К завтраку спускайтесь, выпивохи-неумехи, – приказала она и, напоив этой же гадостью Тимофея, удалилась.

Для справедливости замечу, оклемались мы довольно быстро. Фармацевтика Бабы-яги творила чудеса. Тимофей спрыгнул с кровати и, задрвав хвост, убежал. Я же довольно долго приводила себя в порядок. Зеркало ни в какую не желало приукрашивать действительность, и мое отражение не радовало ничем: ни цветом лица, ни блеском глаз. Пару-тройку синяков на своем брэнном теле я все же обнаружила. Но они расположились в столь затейливых местах, что их происхождение осталось загадкой. С благородно-болезненной бледностью на лице, задумчивой стыдливостью в глазах и легкой головной болью я пошла завтракать.

Тимофей уже уплетал за обе щеки сметану, сопровождая трапезу довольным урчанием и фырканьем. К нему вернулись все характерные для котов слова и звуки, про неподобающее «Му!», несколько обогатившее его лексикон, мы вежливо забудем.

Кроме суетящейся около стола Яги присутствовала Кикимора, зареванная, с красными глазами, но очень любопытная.

Под укоризненным и насмешливым взглядом Бабы-яги я принялась за оладушки.

– Чего ж это вы вчера с Тимофеем? Запоздало знакомство отмечали, что ли? – Кикимора аж егозила от нетерпения.

– Алкоголь – это хороший способ снять стресс, – нравоучительно начала я, загоня совесть подальше, чтобы не мешалась. – Событий вчера много разных было, ответственных, волнительных. Вот я и перенервничала. Тимофей мне любезно компанию составил.

– Ты посмотри, друг за друга горой. У-у, собутыльники! – ругнулась Яга.

– Ага, – довольно подтвердила Кикимора. – Тимофей тебя вчера защищал, аки воин.

Честно говоря, я слабо себе представляла воинские подвиги Тимофея во вчерашнем его состоянии, но благодарно кивнула коту. Тот чинно и гордо вскинул голову.

– Яга вчера больно бесновалась, все кричала, что ты ее кровиночку, котика ненаглядного, споила, бражница беспутная, хотела в лягушку превратить или в паука, – шептала мне Кикимора. – Но Тимоша тебя отстоял, вины твоей не подтвердил, даже спать к тебе пошел. Во! Какой защитник!

Вот жизнь пошла, опасность на каждом шагу! Хлебнешь вечером настойки малиновой, утром проснешься лягушкой и будешь всю жизнь гадать, как это тебя угораздило.

– Правда, мы когда тебя наверх тащили, два раза уронили, – смущенно опустила глазки Кики. – Так что, ежели где красоту твою повредили, ты уж не обессудь.

По крайней мере возникновение синяков прояснилось.

– А я вас вчера не заметила, – запоздало извинилась я. – Вы, видимо, здесь ночевали?

– Ой, да ты бы вчера и слона не заметила, – отмахнулась Кикимора, хихикая. – Все больше в беспамятстве пребывала. Про любовь неземную твердила. Что, дескать, напала она на тебя, аж замуж невтерпеж. Буйствовала немного, ну да Яга тебя быстро успокоила.

– Она мне две крынки расколотила и горшок, – потрясая ухватом, аргументировала бабуля.

Похоже, этот ухват и был орудием моего успокоения. Ощупывать голову в поисках шишки я не стала. Не чеши, как говорится, там, где не чешется. Найду, так заболит еще.

– Как-то раньше пьяных дебошей за мной замечено не было. Или малиновка так действует, или это нервное, – задумчиво рассудила я. –

Подруги и ухажеры обычно даже жаловались, что нормальных людей по пьяной лавочке на подвиги тянет, а меня на бочок и спать.

– Это она от любви к нашему царю взбеленилась, – со знанием дела предположила Кикимора. – Вот она с людьми-то что делает, любовь-то.

Яга заулыбалась, довольная и согласная.

– Да ты, девка, не беснуйся, обожди маленько, свадьбу сыграем, никуда она от нас не денется. – Бабуля гладила меня по голове и даже чмокнула в затылок от умиления. – Это хорошо, что тебе наш царь глянулся, стало быть, по доброй воле замуж пойдешь. А то я уже зельице приворотное варить начала. А у него больно состав мудреный, свойства неустойчивые, и я стара да беспамятна стала, могла напутать чего. Не люблю людей зазря травить.

Отлично! Не прибьют невесты, так Яга отравит. Развенчивать миф о беззаветной любви к государю стало опасно для жизни. Я притихла и, стараясь слиться со стенкой, жевала оладушки.

– Вот, тебе тут пригласительных с утра принесли. – Яга выложила передо мной штук пять конвертов и свиток. – От невест царских. В гости, наверное, приглашают, познакомиться хотят!

– Ага! – возмутилась я – Держи карман шире. Сходи к ним познакомиться, обратно не вернешься. Отравят и не поперхнутся.

– Могут, конечно. Но чтобы в открытую, это вряд ли, – рассудила Яга, заглядывая через плечо в развернутые конверты. – Ходить не обязательно. Это так, вежливость.

В письмах действительно обнаружили желания познакомиться поближе, заверения в дружбе и приглашения на чай от Василисы, Забавы и Матрены на одинаковых светло-розовых листочках с красным бантиком в уголке. Приглашение от Шахерезады было написано на сильно надушенном голубом листе с позолотой по краям, от Золушки – на простом листе бумаги, а от Хозяйки Медной горы – на свитке, скрепленном золотой ниткой и малахитовым камушком.

– Хотя, говорят, невесты между собой дружат, – сказала бабка и задумчиво добавила: – Некоторые из них – точно.

– А так сразу и не скажешь, – с сомнением заметила я, вспоминая вчерашний прием. Большинство из потенциальных цариц кидало друг на друга весьма нелюбезные взгляды.

– Во дворце-то? Так там и посторонних много, и этикет обязывает, – пояснила Яга. – Те, кто из нашего царства-то, так они девки простые.

– Хочу заметить, что кто-то из этих простых девок или простых, но не совсем, вчера отравил тоже не очень сложную Аленушку.

– От любви беснуются, – философски отмахнулась бабуля.

Я бы поправила – скорее от жажды власти, чем от любви.

– Вот и у Лешего моего любовь случилась под старость лет, – вздохнула Кикимора. – Кто ж знал, что из этой безобидной золотой рыбки такая горгона вырастет. Я же, дура, сама ему на именины ее подарила. В болоте у нас, кроме лягушек, приличной живности нет. Думаю, пускай рыбок разводит, золотых. И дело полезное, и глазу приятно.

Из глаз Кикиморы хлынули слезы. На столе махом образовалась лужа. Яга терпеливо ее вытерла.

– Это тебе заколдованную рыбку подсунули, – покачала головой бабуля. – Ни разу не слышала, чтобы рыбы в русалок обращались.

– А вот обратилась же, вертихвостка. И Лешего моего охмурила. Он у меня наивный, глупый, как кутенок, жизни не видел, только лес да болото. Вот она его и окрутила. Теперь про дальние страны рассказывает, про теплые моря и золотые пески. Мой олух уши развесил, путешествовать хочет. Развода и раздела имущества требует. А этой русалке, ей бы только до моря добраться, а там ее и след простынет. Бросит она его. А у него душа нежная, он не переживе-от. – Кикимора вновь разразилась рыданиями, заливая стол.

– Не реви! – Яга поставила перед подругой тазик, видимо, вытирать лужи надоело. – Придумаем что-нибудь.

– Зелье мне отворотное надо! – твердо сказала Кикимора. – Опоила она его, не иначе. Не мог он сам в эту стерву чешуйчатую влюбиться. Свари, а?

– Не могу! – раздраженно сказала Яга. – Объясняла же – любовная магия – материя тонкая, сложная. Результата гарантировать нельзя. Да и не поможет тебе это. Русалка пением своим околдовывает. Зелье в уши не зальешь. И варить его недели две, не меньше. Пока зелье сварим, они болото твое оттяпают, а тебя совсем выживут.

– А зачем русалке половина болота, если она в море хочет? – Меня поразил накал любовных страстей в местной топи.

– Так она и не собирается там жить, она его Водяному продаст, – рассеянно объяснила Кикимора. – Он уж лет сто как на мое болотце зарится, а в обмен Водяной им путь-дорогу обеспечит до реки, а там и до моря рукой подать. Сама Сюзанна – это русалку так зовут... – Кикимора манерно закатила глаза. – До моря не доберется, от болота до реки по суше надо идти, ей помощники нужны. Вот Леший ей и пригодится, а потом она его бросит, как пить дать бросит. А меня он и не слушает, глядит на змеюку свою водоплавающую, в гляделки ее водяные, а на меня ноль внимания. Вот я ночь дома не ночевала, а он, поди, и не почесался. Ягуша, давай одним глазочком на постылого моего и блудницу его черноморскую взглянем!

– Только не рыдай потом в два ручья, – предупредила Яга, выливая тазик слез в окно. – А то у меня от сырости мокрицы заведутся, а их Тимошенька боится.

– Не буду, обещаю!

Я бы, честно говоря, не поверила. Но Яга лишь покачала головой и принесла расписную тарелочку с полметра в диаметре и повесила на стенку напротив нас. Похоже, предстоял сеанс местного телевидения. Бабуля пустила по краешку золотое яблочко и сделала заказ: «Дом Кикиморы, на лесном болоте».

Ха! С такими технологиями и пульт не нужен. Сиди себе командуй. В тарелочке что-то сначала порябило, а потом показались высокие деревья, болотистая местность, аккуратненький теремок, крытый камышом. На мостках, ведущих к воде, на пузе лежал круглый, как шарик, мужичок в зелено-коричневых лохмотьях, с нечесаной копной черных волос и патлатой бородой. Да, не Нарцисс, конечно, но, как говорится, любовь зла, одарит счастьем каждого козла. В воде рядом плескалась полуголая девица, хвоста не было видно, его скрывала тина, но стало очевидно, перед нами не кто иная, как Сюзанна. Внешностью, надо заметить, барышня обладала специфической, на любителя. В облике присутствовали явные рыбы черты – вытянутая мордочка, глазки-пуговики, бледно-зеленый цвет лица, безобразно пухлые губы бантиком. На такое не каждый хирург сподобится, а гиалуронке и вовсе не под силу. Грудь, конечно, внушительная. Зазывно приподнята над водой. Но на одном бюсте далеко не уедешь. Копна вполне приличных рыжих волос – это все из

намеков на то, что рыбка была золотая. Так что, если учесть, что дама хвостата, Леший явно погорячился.

Лично у меня сомнений не осталось – на такую нормальный мужик, хоть и Леший, не позарится, здесь без колдовства не обошлось.

– Нет, ну ты посмотри на нее, – возмущалась Кикимора. – Хоть бы прикрылась чем! Тьфу, нелюдь беспутная!

Тем временем лохматый мужик принялся нежно и заботливо кормить свою хладнокровную чешуйчатохвостую зазную малинкой из тарелки. Сюзанна строила кокетливые гримасы и активно лопала ягоды. Ну прямо два голубочка-мутанта. Едва Леший отворачивался, на лице русалки отражались брезгливость и раздражение, она нервно шлепала хвостом по мутной воде и плевала в сторону. Впрочем, неверный супруг Кикиморы смотрел на ненаглядную с таким обожанием, что даже если бы она плюнула ему в глаза, Леший утерся бы и завизжал от восторга.

У Кики же был вид побитой собаки. Яга уже чего-то капала в стакан, видимо, успокоительное. Я бы на ее месте еще тазик побольше подставила. Хотя... Мне в голову пришла одна мысль:

– Говорите, пением соблазняет? – Я глянула на Ягу, как на знатока, та утвердительно кивнула. – Наверное, если объект соблазнения, в нашем случае Леший, долго голоса не услышит, то и чары спадут?

– Ну спадут, – согласилась Яга. – Но их же водой не разольешь, она к нему, как колючка к меху Тимошенькиному, прилипла.

– Он даже спит возле нее, на мостках, ей якобы одной ночью страшно. А у него радикулит, между прочим.

– Снотворного им обоим, лошадиную дозу, чтобы вообще ничего не чуяли, – предложила я, намазывая очередную оладушку вареньем. – Русалку на тележку – и к реке. Если в дороге проснется, так у нее выбор богатый – хочешь жди, не вякай, пока до речки довезут, хочешь сиди и сохни посреди леса, пока не встретится другой доброволец, готовый на подвиги ради любви. Если она не дура, шум поднимать не станет – не все ли ей равно, как в реку попасть, до моря сама доплывет. А Леший проспится, вы ему другую рыбку в аквариум посадите, золотую. Так, мол, и так, превратилась обратно. А как чары спадут, так он и не вспомнит про эту Сюзанну.

Я не сразу заметила, что в комнате повисло молчание, даже Тимофей чавкать прекратил. Яга смотрела на меня, не отрываясь, даже

не мигала. Кикимора резко остановила поток слез и замерла с открытым ртом.

– А что? – поинтересовалась я. – И просто, и надежно, и безопасно. Снотворное – не любовное зелье, в любой аптеке купить можно. У вас тут аптеки есть?

Может, я не заметила, как что-то не то сказала? Чего они на меня уставились?

– А до ближайшей речки далеко?

К Яге первой вернулся дар речи.

– Ну, голова! – Она всплеснула руками.

Ну, слава богу, не онемели – выдохнула я.

– Ну и хитра! – закивала следом Кикимора.

– До чего умно и складно придумала! – восхищалась бабуля. – Настоящая царица. Мудрая и рассудительная. Даже замуж отдавать жалко!

Было жутко приятно! Последнее замечание очень хотелось претворить в жизнь. У Кикиморы вмиг высохли слезы, она улыбалась и грозила пальцем сопернице, глядя на тарелку. Яга притащила из своей комнатушки бутылку и торжественно вручила подруге.

– Вот, на всех хватит, пои!

Кикимора сгребла бутылку. К мероприятию решено было привлечь Емелю с печкой.

– Лишь бы он ее поймать успел, – разрешив свои любовные проблемы, Кикимора вновь захотела посплетничать. – А то шастает его печка неизвестно где. Весь город ее ловит, поймать не может. Чего взбеленилась?

– Да, что-то непонятное творится, – пожала плечами Яга. – Разбираться придется.

– Ой, не говори, – махнула рукой Кикимора. – Во всем государстве черт-те что происходит. Народу понаехало, нечисти разной понабежало. Невесты с ума сходят! Мало того что убивают друг друга, так еще и в городские дела вмешиваются. На Дворцовой площади что творится! Жуть! Рапун-пун-цель! Тьфу! Рапунцель башню свою посередине поставила, из-за нее фонтан снесли и две клумбы разорили. Чего ей в нормальном доме не живет? Везде со своей башней таскается. Рядом с Аленушкой бубенчик нашли, кругленький, в пупырышках, так всех кузнецов и конюхов арестовали, теперь

допрашивают, кто такой бубенчик изготовил и у кого на лошади одного не хватает. Преступника ищут. А чего его в городе искать? Его во дворце искать надо, среди невест.

Кикимора шумно отхлебнула чай. Время шло к обеду, а мы еще из-за стола не вставали. От такого времяпрепровождения я, пожалуй, скоро растолстею, как самоварная кукла.

– Пойду я, Ягуша. – Кикимора встала, прихватила с собой бутылку со снотворным. – Мне еще с Емелей договариваться.

– А тарелочка может Емелину печку показать? – спросила я у Яги. Волшебный предмет, на который давно никто не обращал внимания, показывал расписанное под хохлому дно.

– А чего ж нет? – Яга крутанула яблочко по тарелочке.

Изобретение волшебного разума пару раз мигнуло и выдало изображение городских улиц, домов, площади, шастающих по ним людей. В сторонке на скамеечке под раскидистым деревом сидели Емеля и пухлая девица.

– Несмеяна! – признала Баба-яга. – Ба! Ты посмотри, при свете дня любезничают!

Емеля что-то нежно шептал девушке на ушко, а та, покрасневшись, как ягодка, с обожанием смотрела на парня.

– Эх, уведет он у царя невесту! – гоготнула Кикимора.

Славная у бабули тарелочка! Я бы тоже взглянула кое-куда, кое на кого, ну хоть одним глазочком. Если бы не было здесь Яги и Кикиморы.

– Хорошая пара получится! – восхищалась Яга. У них с Кикиморой лица были заинтересованные и сентиментальные, будто они сериал бразильский смотрели, того гляди слезу пустят от умиления.

– Барахлит твое телевидение, бабуля! – разрушила я идиллию. – Тарелка, говорю, показывает не то, что заказывали.

Бабка уставилась на меня в полном недоумении.

– Мы печку просили показать, а не брачные игры Емели и Несмеяны.

– А ведь и то верно, – согласилась Яга, вглядываясь в экран. – Но тарелка ошибаться не может.

– А, вон она, – закричала Кикимора. – Позади Емели, меж домами прячется, а он и не видит.

То, что я заподозрила, глядя на обогревающий самоходный транспорт, прячущийся от хозяина, можно счесть бредом сумасшедшей. Я не обижусь. Тоже так о себе сразу подумала. Но у печки был очень расстроенный и обиженный вид. Как недавно у Кикиморы, когда она на воркование Лешего и Сюзанны смотрела. К счастью, этот бред не мне одной пришел в голову, значит, я в своем уме, все-таки массово крыша не съезжает, это не заразно. Массово только ковидом болеют.

– Она ревнует! – ахнули мы с Ягой хором.

– Ах, как же я сразу не догадалась, – запричитала бабуля. – Она ж от ревности бесится. И началось-то у нее все, как только Емеля на Несмеяну глаз положил.

– И чего теперь делать? – Кикиморе поскорее хотелось решить вопрос с печкой.

– Думать надобно, – медленно проговорила Яга, присаживаясь на скамейку. Видимо, уже впала в глубокие размышления.

– Ну, ты думай, думай... – Кикимора перешла на шепот. – А я пойду.

– И я пойду, погуляю, – добавила я, пользуясь бабулиной рассеянностью.

– Со двора ни ногой, – предупредила меня бабка, на мгновение выйдя из «комы». – А то неприятности на тебя так и сыплются.

Глава 10

Во дворе тихо и скучно. Я чувствовала себя затворницей. Сидеть на скамейке и разглядывать проплывающие мимо облака или общаться с молчаливым чучелом – других развлечений не предвиделось.

Чуть поразмыслив, я нашла официальный повод слинять из-под защиты бабкиной избы. Меня пригласили на чай царские невесты. Чем не причина благополучно позабыть про торжественное обещание гулять в пределах огорода?

Голова все еще немного побаливала, а на улице припекало солнце. Меня слегка мутило и клонило в сон, так что я уже жалела, что пошла в гости. Конечно, устроила я прогулку по царевым невестам не из вежливости или праздного любопытства. У меня была тайная цель – найти преступницу. У кого из девушек окажется ларец с рисунком, который у меня на лбу отпечатался, та на меня и покушалась, и на Аленушку, видимо, тоже. Конечно, не на все ларцы удастся взглянуть, приглашений только шесть, но сузится круг подозреваемых и, может быть, получится узнать что-нибудь интересное.

До Торговой площади я дошла быстро. До той самой, что волшебное блюдечко показывало. Пространство пестрело разномастными одежками людей – бояре, купцы, простой люд и нищие. Царила атмосфера какой-то разудалой деловитости и праздника. Запахи специй, выпечки и новых вещей смешивались в одуряющий коктейль. Торговались тоже по-разному. Жестко и цинично:

– У меня одного сапоги на такой подошве. Носить в два раза дольше будешь, а цена только в полтора раза выше. Ты не купишь, за тобой очередь стоит, они заберут.

Залихватски и витиевато:

– Мимо такого товара просто так пройти нельзя! Преступление! Он тебе сниться станет! Всю жизнь жалеть будешь, что не купил!

А еще сплетничали, советовались, ругались.

Емеля и Несмеяна все любезничали на той же скамейке, будто приросли. Истинно говорят: «Влюбленные часов не наблюдают». Печка подползла к ним уже совсем близко и томно вздыхала, пуская в

небо сизые колечки. Но Емеля ее по-прежнему не замечал. Я хотела подойти поздороваться, но решила не мешать влюбленным, а печку поманить к себе издалека. Интересно, она на звук реагирует или на движение? Если жесты понимает, отлично. А если голос? Как ее окликнуть? Куть-куть-куть? Кис-кис-кис? Гыть-гыть-гыть? Бе-бе-бе? Тьфу!

Вот тоже вопрос, за каким лешим мне понадобилась печка? Я с ней разговаривать по душам собралась? Объяснять, что ее и Несмеяну Емеля любит разной любовью, но одинаково сильно? Откуда я вообще знаю, какие отношения связывают Емелю с его самоходным отопительным агрегатом? Было бы, конечно, неплохо привести ее к Яге, но осилю ли я эту транспортировку? Едва я направилась к белой страдалнице, та сиганула от меня, снеся на своем пути двух здоровенных мужиков. Они, как щепки, разлетелись в разные стороны. А Емелина собственность попыхтела прочь. За ней тянулась ярко-голубая нитка. Одеяло, лежавшее на печи, зацепилось краем за куст и теперь распускалось. Я схватила конец нитки и, сматывая его в клубочек, пошла по следу. Одеяла у Емели теперь не будет, если он вообще с печью помирится, так хоть клубок шерсти верну. К моему удивлению, народ на меня внимания не обращал. Действительно, ничего такого, мало ли какая чумная девка по улицам мечется, сматывая нитки? Чего тут особенного? А печка петляла причудливыми лабиринтами, она хорошо знала город. Иногда я сворачивала на такие узкие улочки, что удивлялась, как она тут пролезла. Странно, но никто из прохожих шума из-за печки не поднимал. В погоню не кинулись даже те сбитые с ног мужики. Отряхнулись и пошли дальше. Видимо, за последние пару дней погоня порядком поднадоела, надежда на поимку пропала и награда уже не так прельщала. Вот, в очередной раз повернув за угол, я увидела, как из небольшого дома, крашенного коричневой краской, выходит Забава, невеста царя и дочь отца Лазаря по совместительству. Вчера мне ее Яга показала во дворце. Забава сидела в плотном кольце монахинь, и разглядеть ее как следует у меня не получилось, но я была уверена, это она. Девушка помогала спуститься со ступеней старушке в черном замызганном плаще и остроконечной шляпе, почти полностью скрывающей под широкими полями лицо землистого цвета с длинным носом, загнутым крючком, и узкими дрожащими губами. Забава передала старушке увесистый

мешочек, который тут же исчез в складках одежды, и получила взамен небольшой сверток. Хищные глазки зыркнули по сторонам, и старушка удалилась, не попрощавшись. Только сейчас Забава заметила меня.

Я немного растерялась – никак не ожидала увидеть дочь священника в столь странном обществе. Старушка сильно смахивала на ведьму. Забава смутилась, растерялась, потом неловко улыбнулась и вежливо поздоровалась. Мы остались на пустынной улице вдвоем, и нам пришлось заговорить. Сначала робко и неуверенно. Я объяснила суть своего занятия, и Забава предложила составить мне компанию. Очень любезно с ее стороны, поскольку только сейчас я поняла, что печь завела меня неизвестно куда, а я города совсем не знаю. Не встретить Забаву, заблудилась бы.

– Если ты плохо город знаешь, тебе не стоило так опрометчиво сворачивать в незнакомые переулки, – покачала головой девушка. – Это чудесная случайность, что мы с тобой тут встретились. Я по просьбе отца к бабушке Пелагее заходила. Ты видела ее. – Девушка кивнула в сторону коричневого дома. – Церковь заботится о своих чадах. Эта старушка раньше вела греховную жизнь: колдовством занималась, приворотами. На ее совести не одна загубленная жизнь. Отец взялся ее перевоспитывать и пытается вернуть в лоно церкви. Я ему всячески помогаю, как того требует христианский долг.

Представляю, куда послала бы Забаву Яга, приди та к нам с такими благочестивыми намерениями.

– Книги ей ношу про житие святых и дела их благородные, – продолжила Забава. – Ну, деньгами помогаем, конечно. У бедняжки никого, кроме Бога, нет.

Девушка терпеливо шла рядом со мной, пока не кончилась нитка. Печки нигде не было. А мы почти вышли к Торговой площади.

– За печку не надо беспокоиться, – посоветовала Забава. – Она Емелю сама найдет.

Вроде как пришло время попрощаться, но Забава не торопилась.

– Мы с Лукерьей и Матреной хотели встретиться, поговорить, про иноземных невест посплетничать. – Забава задорно подмигнула. Такая разительная перемена показалась мне удивительной, но веселой и приземленной она нравилась мне больше, чем набожной и фанатичной. – Здесь недалеко трактир есть, очень приличный. Еще рано, девушки не подошли, но если ты хочешь, мы можем пока с тобой

зайти и их подождать. У нас веселая компания, все будут рады поближе познакомиться.

Такая возможность показалась мне удачей – побеседовать и завести дружбу сразу с тремя царскими невестами! Отказаться я не могла. К тому же очень хотелось уйти в тень с палящего солнца.

Трактир «Летний день» действительно оказался очень приличным заведением. Большая светлая комната с бревенчатыми стенами и развешанными по ним картинами, на которых активно выпивал и закусывал разный люд. Почти добела скобленные полы, аккуратные столики с чистыми накрахмаленными скатертями в красную клеточку и вышитыми салфетками. За высокой стойкой – широко улыбающийся усатый мужчина. Эдакий джигит в фартуке. Могу поспорить, что в меню есть шашлык. К нам сразу подошли и провели к столику возле окна.

– Барышни обедать желают или чаевничать будут? А может, чего покрепче? – Официант расплылся в улыбке, ну просто реклама зубной пасты! – Визит царских невест делает честь моему скромному заведению, – мурлыкал любезный мужчина. – Подумать только, сама будущая царица озарила своим присутствием. Рады, рады... – Поклоны в пояс грозили столкновением лба со столом, пора было прекращать эти заискивания.

– Пока самовар, – начала Забава. – Пирожков с грибами и сладких. Мы подруг ждем, а там посмотрим...

– У нас есть дивная настойка из черной смородины, – вкрадчиво начал мужчина. – Нежнейшая, медовая, как раз для дам.

– По чуть-чуть можно? – осторожно предложила моя благочестивая подруга.

Не могла же я признаться, что вчера вылакала целую бутылку нежнейшей медовой малиновой настойки и сегодня меня тошнит от упоминания об алкоголе! Хотя, может, голова наконец перестанет болеть. А то как-то несподручно выведывать секреты в таком состоянии.

– А коктейли у вас для дам подают? – поинтересовалась я, лучезарно улыбнувшись.

Официант не растерялся и не моргнув глазом выдал:

– Если барышня соизволит подробнее описать рецептуру, мы с радостью удовлетворим любой ее каприз.

– Отлично! – Я улыбнулась еще лучезарнее. – Одну часть смородиновой настойки, одну часть смородинового компота и одну часть клюквенного морса, все тщательно перемешать и подать охлажденным.

– О-о-о! – только и выдохнул трактирщик. – Всенепременнейше, сейчас исполним! – Он с поклонами удалился.

– Никогда о таком питье не слышала. – Забава округлила глаза.

– Очень вкусно, тебе понравится! – заверила я, радуясь, что по крайней мере втрое сократила крепость напитка.

– Между нами говоря... – Забава заговорщицки перешла на шепот. – Я очень люблю вкусно поесть и сладко поспать. Батюшка-то мой излишеств нам не позволяет, говорит, не богоугодное это дело. Ну да, а матушка всегда балует, то пряничек принесет, то петушка на палочке. Батюшка у нас строгий, трое нас у него. Я старшая – и двое братьев.

Тем временем на наш стол водрузили пузатый блестящий самовар, блюдо с пирожками и тарелку с сушками, конфетами и баранками. Нас обслуживал мальчик, расторопно передвигавшийся между постепенно заполняющимися столиками. Время обеденное, народ подходил трапезничать. Мальчишка успевал и заказы принимать, и с девушкой за стойкой любезничать. Та колдовала над нашим коктейлем, сосредоточенно, с важным видом смешивала напитки. Паренька явно интересовал и процесс, и результат, но, по-видимому, попробовать ему не удастся – алкоголь все-таки, на работе не положено. Девушка сердито фыркнула, мальчишка надулся и отошел. Новоявленная барменша нежно повесила гроздочку смородины на край каждого стакана. Ага, процесс пошел, чует мое сердце, коктейли в Тринадцатом царстве приживутся.

– А ты замуж за царя хочешь, потому что он тебе как мужчина сильно нравится, – или корона прельщает? – Я вкрадчиво перешла в наступление. – Говорят, ваш царь пользуется успехом у женского пола.

– Что есть, то есть, говорят, ни одна еще не устояла, – наклонившись ко мне, Забава добавила: – Но и в обиде ни одна не осталась. Это я тебе по секрету. Хотя все, конечно, знают, все говорят.

– И все под страхом смертной казни, – неловко пошутила я.

– Ой, да разве ж народ казнишь? Он на голову больной, на язык длинный, чего с него взять? А царь у нас хороший, справедливый,

мудрый, при нем государство процветать стало. Я с ним не больно-то знакома, – пожалала плечами Забава. – Месяц назад я вообще собиралась покинуть мир и удалиться в монастырь. В служении Богу смысл моей жизни. – Девушка смиренно сложила руки с зажатым в них пирожком и закатила глаза к потолку.

Я понимающе кивнула. Только у меня большие сомнения возникли, что в каком-то монастыре у нее будет возможность уплетать пироги и конфеты с такой активностью и вкусом, как здесь.

Забава продолжила:

– Но потом царь жену выбирать начал, и я подумала: вот оно, мое высшее предназначение. Вот как я смогу послужить Господу нашему. Целое царство избавить от безбожия и геенны огненной!

Глаза собеседницы светились фанатичным огнем. Мне сразу не понравилось ее «предназначение». Она еще толком не сказала ничего, а уже понятно: ее служение Господу Богу выйдет боком и царю, и всему государству.

Дальше пошел полный список дел на тему «Когда взойду я на престол...»

– Церквей понастрою. На законодательном уровне единую веру введу. Все как один будут храмы посещать, каждую службу. Нечисть повыгоню, на колдовство запрет наложу. И заживет Тринадцатое государство строго по Законам Божьим.

Ха! Инквизиторы нервно курят в углу рядом с этой наивной и миловидной девушкой в платочке.

– Царю общественными делами заниматься некогда, супруга должна поддерживать высокий культурный и религиозный уровень в государстве. Быть примером и образцом добропорядочности и боголепия, – продолжила собеседница, не моргнув глазом.

Да, эта царица освободит царя-батюшку от общественных дел. У него с такой супругой только одно дело останется – внутренние беспорядки улаживать. Варфоломеевская ночь и крестовый поход одновременно, в рамках одного царства. Где там мой коктейль запропастился? От предстоящих реформ, грядущих в случае восхождения Забавы на престол, у меня по коже мурашки побежали размером с кошку. Сопьешься тут с этими смотринами...

– Ну, царица не только общественными делами занимается, – вкрадчиво улыбнулась я. – Супруг, поди, наследника захочет, так

сказать, будущего царя, преемника.

Не то чтобы меня очень интересовало, как эта богемка собирается решить вопрос с супружескими обязанностями, но Забава была абсолютно уверена в победе, и очень хотелось добавить ложку дегтя в ее медовые планы. Или наоборот, выяснить, так ли она наивна и ограничиваются ли ее мирские привязанности пирогами и пряниками.

– Ради высокой цели я готова принести эту жертву. – Забава закатила глаза. – Ради спасения души государя нашего и всего царства. Один раз потерплю.

– Один раз? – вскинула я брови.

Интересно, у них практикуются бракоразводные процессы или царю-батюшке всю жизнь маяться придется?

– А царь в курсе твоих планов? – как можно беззаботнее поинтересовалась я.

– Нет, но я обязательно их изложу! – торжественно пообещала моя собеседница.

– После свадьбы?

– Ну что ты! При первой возможности! Такой козырь против других невест нельзя скрывать! Не обижайся, ничего личного!

– Ага, чистый бизнес.

– Но царицей станет только одна из нас. – у Забавы был несколько оправдывающийся тон, она уже сейчас извинялась за то, что обскакала меня на пути под венец. Видимо, считала свою предвыборную программу многообещающей и успешной и ей уже мерещились корона и звон церковных колоколов.

– На смотринах каждая невеста должна будет чем-то удивить царя или как-то особенно показать себя. Вот я и изложу, какие полезные деяния сделаю, став его супругой. – Забава гордо вскинула нос.

То есть у батюшки-царя будет возможность офигеть до брака. В какие дебри понесет остальных невест, даже подумать страшно, ведь передо мной сидит дочь святого отца. Так сказать, краса, гордость и результат правильного воспитания.

– Ты подожди, я сейчас подойду. – С глубоким вздохом Забава встала и удалилась, видимо, в дамскую комнату.

Я задумалась: на девушке нет ни одного украшения, отец держит семейство в строгости, маловероятно, что они вообще у нее есть.

Святое писание барышня, поди, наизусть знает, стало быть, про «не убий» в курсе. Забаву можно смело исключать из списка подозреваемых. Передо мной возникла Лукерья. Не успела она открыть рот, чтобы поздороваться, как жуткий вопль потряс стены трактира. Публика махом побросала тарелки и ринулась на крик. Любопытный народ – это хорошо. Мы тоже не рыжие, тоже поглядеть хотим, кто ж так нечеловечески орет. С трудом протиснувшись сквозь толпу, я разглядела лежащего на полу обслуживавшего нас официанта, рядом валялись разбитые стаканы и смородина, нетрудно было догадаться, что это остатки нашего коктейля. В толпе уже шептали «мертв», «отравился», «ага, компот попробовал и замертво упал».

Глава 11

Паренек был совсем молод, почти мальчишка, у меня защемило сердце. Из-за желания какой-то сумасшедшей девицы очистить себе дорогу к трону страдают невинные люди! Официант не удержался и все-таки попробовал диковинный напиток. Это любопытство погубило мальчика и спасло нас с Забавой. Лукерья трясла меня за руку и ничего не говорила. На месте преступления уже суетились стрельцы, оттесняли народ к столам, впрочем, большинство не сопротивлялось, люди наспех расплачивались и покидали заведение. Я прислонилась к стене, ноги меня не держали.

Убитый горем хозяин заламывал руки и выл как белуга:

– Ах, мое заведение! Ох, моя репутация! Это ж какая гадина посмела осрамить меня на весь мир! Кто же теперь ко мне пойдет! – Впрочем, рассчитывать посетителей он успевал.

За ближайшим столиком девица из бара излагала стрельцу события, перемежая слова рыданиями:

– Я все смешала, как Аврек Афроимович велел. А-а-а! Сказала Ленке на стол подавать и на минуточку отошла. Потом выхожу из кухни, а он тут лежит. А-а-а!

– Значит, пока парнишка не подошел, стаканы оставались на стойке без присмотра и кто угодно из посетителей мог подсыпать яд? – спрашивал стрелец.

– А-а-а!

– Полный зал гостей! Четыре невесты царя! – завывал Аврек, собирая деньги. Отравитель у меня в трактире! Позор на мою седую голову! Почему он не меня отравил? Почему не избавил от стыда?

– Ты чего здесь делаешь? – Этот голос я узнаю из тысячи. Митя обнял меня за плечи и подвел к стулу.

– Чай пила, с Забавой. Лукерья только подошла и еще Матрена должна была...

Митя достал платок и принялся вытирать мне лицо. К нам подскочил молоденький стрелец:

– Это по вашей рецептуре был изготовлен напиток?

– Ну да, по моей, – согласилась я. – Да там ничего особенного, – завершила его. – Компот, настойка в равных пропорциях.

Стрелец кивал и делал пометки на листочке.

– Кто бы сомневался, – хихикнул Митька. – Без тебя не обошлось.

Я послала ему убийственный взгляд.

– Домой тебе надо, – сказал парень. – Яга валерьянки тебе накапает, если Тимофей не отнимет. – Митя хотел подбодрить. На мой истеричный смех обернулось несколько человек. Все сочувствующе заулыбались. Ну, понятно, у девушки нервы. Митя тоже настороженно так посмотрел, аккуратно, как на душевнобольную. Ну не объяснять же мне всем, что вчера царская невеста с котом Бабы-яги наклюкалась в стельку и теперь несчастный Тимофей бежит от одного запаха валерьянки, как черт от ладана! Точно упекут в специализированное учреждение!

К нам подлетела взволнованная и растрепанная Забава. Лукерья уже очухалась и молча, но настойчиво взяла ее под руку и потянула к выходу.

– Это нас отравить хотели? Это наш коктейль Ленька выхлебал? – верещала Забава.

– Девушки, все в порядке, – слегка повысив тон, произнес Митя.

– А-а-а-а! – заголосили царские невесты в один голос.

Подскочившая Матрена не вникла в ситуацию, но выла громче всех.

Митька старался оттеснить орущих девиц от места преступления, но сильно уступал в размерах габаритной любопытствующей троице.

– Идите по домам. Преступник будет найден. Этим занимаются. – Только при помощи стрельцов ему удалось вытолкнуть невест на улицу.

Я пошла следом. Напоследок Митька кинул мне:

– Шла бы ты, Дарья, домой, а то одним видом провоцируешь всех преступников в нашем городе. – И взгляд у него такой сочувствующий и заботливый. Будто я ущербная какая. Тьфу! Шовинист несчастный! – Там, под защитой пугала, надежней.

Во-во, дай Митьке волю, он меня упрячет не то что в психушку, а в места более отдаленные и надежней защищенные. У них в городе местная администрация безопасность обеспечить не может, а я, видите ли, преступников провоцирую.

На улице девушки вмиг успокоились и выдвинули предложение обсудить последние события на скамейке. К тому же две из нас так и не перекусили, а Забава умудрилась каким-то мифическим образом захватить из «Летнего дня» корзину с пирожками. Приобретя в лавочке неподалеку крынку компота, я уговорила подруг дойти до Зеленой площади, мотивируя свое желание прекрасным видом, дарящим прохладу фонтаном и минимальным количеством народа. На самом деле я не желала попадаться на глаза Митьке.

Разместившись под ветвистым деревом, отбрасывающим обширную тень, девушки с аппетитом поглощали выпечку, выкладывали последние новости и большие секреты.

– Если бы не любопытный Ленька, лежали бы вы с Забавой рядом с Аленушкой, – посочувствовала Лукерья.

– Да нет, – напомнила Матрена. – Аленушка без сознания, но жива. Яга оживить ее обещала. А вот Ленька совсем умер, взаправду. – Девушка тяжело вздохнула.

– Кому понадобилось убивать Дарью и Забаву? – Лукерья вскинула изящные бровки.

– У меня нет врагов! – возмутилась дочь отца Лазаря. – Я веду праведную и благочестивую жизнь. Никогда ничего плохого не делала!

Все взгляды в немом ожидании устремились на меня – вот сейчас откроются все тайны потустороннего мира!

– Я здесь вообще три дня, никого толком не знаю! – моментально перевела стрелки.

Мой ответ девушек удовлетворил.

– А может, не нас погубить хотели, – задумчиво предположила Забава.

– А кого?

– Вас-вас! – беззаботно заверила Матрена. – Кого же еще?

– Может быть, ошибся кто-то? – продолжала гадать Забава. – Ну, или испорченный компот попался, или посластили не сахаром, а стрихнином. На кухне перепутали?

Лично мне версия Забавы очень импонировала, как-то до треска в ушах хотелось верить, что никто на мою драгоценную жизнь не покушался, а так, случайно перепутал кувшины с ядом и компотом. Но даже мой природный оптимизм в этом сильно сомневался.

– Я согласна с Забавой, – заметила Матрена. – Травить вас не за что, стало быть, несчастный случай. Иногда даже самой вкусной едой можно так отравиться, что почти на грани смерти находишься. Лежишь и совсем ничего тебе не хочется... – задумчиво подвела она итог.

Ничуть не сомневаюсь – у девушки были случаи пищевого отравления. С ее способностью тащить в рот все, что попадает в поле зрения, это немудрено.

– А Аленушка? Тоже несчастный случай? – поинтересовалась я.

– Ну, это-то как раз неудивительно, эта со своими братцами чуть ли не из одного корытца ела! – всплеснула руками Забава. – Она, поди, три раза на неделе травится.

Подруги, подтверждая, закивали. Спорить бессмысленно. Ни одна из девушек опасности для себя в массовых отравлениях с целью устранения соперниц и гарантированного восхождения на престол не узрела. На этом тема покушений была исчерпана и потекла спокойная неторопливая беседа. Если отмести словесный мусор и совсем уж бестолковые сплетни, без которых никак не могут обойтись девичьи разговоры, я узнала следующее:

Бывший царский ключник Филька не только подкинул подлянку царю-государю и большей части его приближенных, которые теперь разгребали возникшие в государстве кавардак и путаницу и старательно пытались не нарваться на международный скандал, но и предоставил отличный шанс стать царицей некоторому количеству барышень, которым это никаким образом не светило при другом раскладе. Круг девушек, получивших приглашение благодаря выходке ключника, был расширен за счет, так сказать, внутренних резервов – боярских дочек. Именно так в невесты попали Забава, Лукерья, Матрена и Марфа.

В древние времена, когда глава государства объявлял о желании найти супругу, со всех сторон съезжались девушки, желающие принять участие в смотре. Любая имела на это право. Таков обычай. Вот и сейчас каждая рассчитывает, что удача улыбнется именно ей.

Лукерья, преданная царю так же, как батюшка ее воевода, кроме того умела читать и писать, что для женщин большая редкость.

– Я всегда знала, что рано или поздно мои старания вознаграждаются, – разъясняла она свою жизненную позицию. –

С детства батюшка воспитывал во мне любовь к государю нашему, преданность Тринадцатому царству и простому народу. Лучше, чем я, царицы не найти. К тому же от природы я красива, горда и величава, как истинная государыня.

– Не осанкой, а делами должна славиться царица, – спорила Забава.

– Не знаю, мне папа велел, вот я пошла, – поделилась своими соображениями Матрена. – Наверное, хорошо быть царицей. – Она мечтательно закатила глаза. – Ешь себе что хочешь и сколько хочешь. Царице – все самое вкусное.

– Ты же лентяйка и сластена. Какая из тебя царица? – фыркнула Лукерья. – Ни читать, ни писать не умеешь.

– А я и не претендую. – Матрена добродушно пожала плечами. – Мне с маменькой лучше. На перине сладко сплю, досыта ем. Чего еще надо? Меня маменька работой никогда не утруждала, ученьем всяким не мучила. Я просто так согласилась, чтобы тятя не ругался.

Лукерья отмахнулась.

– Одну из нас царю все равно придется выбрать, – убежденно рассуждала Лукерья. – И это точно буду я. – Она прям светилась от удовольствия и уверенности. – К тому же, если рассуждать логично... – Девушка высокомерно обернулась в сторону подруг и объяснила: – Наука есть такая – логика. Если бы царь хотел выбрать жену из тех, кому Филька приглашения отослал, нас, девушек из Тринадцатого государства, не позвали бы. Следовательно, царицей станет кто-то из нас четырех... пяти, – поправила она, взглянув на меня. – А я больше всех подхожу на эту роль.

– Время покажет, – миролюбиво подвела итог Забава.

– И мне тоже воздвигнут памятник как самой лучшей царице этого государства, – продолжала бредить наяву Лукерья. – Из мрамора! Он идеально отразит мой цвет лица. Я, кстати, улучшать его в Подберезовку ездила, на Хрустальный ключ.

По-моему, Лукерья даже не замечала, что ее никто не слушает. Матрена увлеченно дожевывала пирожок, Забава разглядывала фонтан, я кивала рассеянно и невпопад. Впрочем, высокомерной красавице ни зрители, ни слушатели были не нужны, она самозабвенно продолжала:

– В Хрустальном ключе умылась, с утра только вернулась, едва на праздник во дворце не опоздала. Зато кожа так и светится...

Глядя на них, я начинала понимать, почему Баба-яга недовольна нынешними невестами. Что свои, что чужие – все с какими-нибудь причудами. Она, кстати, уже второй раз пробежала мимо, по сторонам глазами зыркала, будто искала кого. Выражение ее лица было столь зверским, что я не завидую тому, кого она найдет.

На улице вечерело. Вокруг нас распространилась приятная прохлада, должно быть, от фонтана. Будто даже легким туманом потянуло. И как-то глуховато я стала слышать подруг, как сквозь пелену, да и в сон меня начало клонить. Может, с утра солнечный удар получила?

– Вот памятник этот первой царице поставили, – рассказывала Лукерья, показывая на статую женщины в центре парка. – Она великое дело сотворила, не знаю, какое точно, но спасла все государство наше, мне нянюшка в детстве рассказывала.

– А мне отец мой рассказывал, что наоборот, грех она великий совершила и преступление, – выложила Забава. – Поэтому и поставили ее здесь как вечное напоминание о постигшем ее ужасном наказании и для устрашения совершающим скверные поступки.

Не знаю, чего плохого или хорошего совершила эта дама, но явно напрасно, поскольку содеянное прошло даром – никто толком не знает, отчего этой тетке тут памятник воздвигли.

Нас все сильнее и сильнее завлакивало холодным туманом, и меня очень удивляло, что мои собеседницы не обращают на это никакого внимания. В горле пересохло, я потянулась за кринкой с компотом, из которой только что отпила Забава. Может, там и не компот вовсе, а какое-нибудь снадобье или настойка? Мне одной черт-те что мерещится? Из тумана вышел полупрозрачный маленький мужичок, довольно обычный на вид, но с рожками и хвостом, и протянул мне кувшин. В свете последних отравлений желание пить резко пропало. Но чертенок настаивал, упорно тыкал кувшином в лицо. Только я набралась смелости пожаловаться своим собеседницам на беспокоившие меня глюки...

– Вот ты где! – гаркнула над самым ухом Баба-яга.

Я и мои собеседницы вздрогнули, туман и черт исчезли. Тьфу! Померещится же такое!

– Я тебя по всему городу ищу, с ног сбилась, – заботливо и вкрадчиво, что, собственно, и вызывало опасения, высказалась

бабуля. – Пойдем, милая, домой пора. Щи с гусиком остынут, тебя, красавицу, ожидаючи. – Голос у бабули был нежный и сахарный, улыбка ласковая и добродушная, а в глазах плясали кровожадные бесенята, я так полагаю, по мою наивную душу.

– Это, э-э-того... – Я мямлила что-то невразумительное, планируя искать политического убежища у новых подруг, но барышни с такой скоростью соскочили и ретировались, что сразу стало ясно: перед Бабой-ягой они испытывают благоговейный ужас и в защитники ко мне не пойдут.

Оставшись в гордом одиночестве, я обреченно поплелась за Ягой домой. Прилюдно она меня поедать не стала. Впрочем, если старушка обеспокоена здоровым образом жизни, то мне грозит не стать гастрономическим изыском, а что-нибудь попроще – превращение в горшок или стул, ну, во что-то, полезное в домашнем обиходе. Емеля вчера, например, жаловался, что ему мебели не хватает.

Дома Яга радушно угощала щами с гусем, кидая в мою сторону недобрые взгляды. Я с дрожью в коленках ждала расправы. На этот раз обошлось. Буянила бабуля не сильно, проклятия и молнии не метала, так, отчитала, взывая к моей совести и надеясь в будущем на природную стыдливость. Смысл ее увещаний сводился к простым и понятным доводам: не ходила бы ты, девица, по незнакомым местам малоизвестного государства в не отведенное для прогулок время, пока тебя не отравили к чертовой бабушке. Объяснять заботливой старушке, что именно во имя торжества справедливости, для прекращения преступных покушений и подвергая себя неоправданному риску, я не решилась. Очень в тот момент хотелось жить. Поэтому я пообещала все, что Яга пожелала, и по-быстрому отправилась спать.

Вечер был безмятежен и тих, дул по-летнему теплый и приятный ветерок. Чучело отвешивало почтительные поклоны каждый раз, когда я выглядывала в окно. Привыкнуть к подобному проявлению уважения у меня никак не получалось. В общем, забыть, что я нахожусь в месте, где водятся русалки, водяные, Лихи одноглазые и прочая волшебная фауна, мне упорно не давали.

День прошел не зря. Список подозреваемых стал немного меньше. Всего пятнадцать невест, минус я, минус Забава. Скорее всего, минус Матрена – слишком глупа и нерасторопна, ее не интересуют ни царь, ни царство, она вообще не очень понимает, зачем участвует в

смотринах. Лукерья очень уверена в себе, считает, что корона у нее в кармане, точнее, на голове. К тому же, по ее логике, женой точно не станет чужестранка, следовательно, на Аленушку она покушаться не стала бы. Да и перед представлением во дворце вернулась она только утром, стало быть, накануне на меня напасть не могла.

Но я так и не увидела ни одного из ларцов для украшений. Может, завтра мне улыбнется удача? Мне непременно надо попасть во дворец. Вот только чем отвлечь Ягу? Вживаясь в роль обитательницы сказочного государства, я напомнила себе вечную сказочную мудрость – «утро вечера мудренее» – и уснула.

Во сне спокойствия не прибавилось. Я бежала сквозь густой и почему-то красный туман, сзади взвивались багряные всполохи огня, а впереди маячили рога чертей. По какой причине я так самозабвенно спешила им навстречу, непонятно. Но ни страха, ни ужаса я не испытывала.

Глава 12

Первое утро из всех, встреченных у Бабы-яги, не сопровождалось головной болью. Я проснулась свежей, бодрой и здоровой. Не знаю, по какой причине бабуля не будит меня с первыми петухами. Наверное, считает, пока сплю, от меня меньше проблем. В окно укоризненно светило солнце, дескать, обедать пора, а ты дрыхнешь. Определять по нему время у меня не получалось. Все-таки родилась, воспитывалась и прожила большую часть своей жизни в окружении часов, таймеров, телефонов и компьютеров. У местного населения вообще очень субъективное понятие о времени. Полдень, вечер, иногда полночь. Точнее идентифицировать сутки им не надо. Да, с часами здесь напряженка. Единственный циферблат видела на Дворцовой площади, но у меня сложилось впечатление, что это скорее элемент декора, нежели механизм определения времени.

Сладко потянувшись, я выглянула в окно. У народа жизнь кипела вовсю. Яга копалась на грядках, чучело отпугивало ворон, Тимофей грелся на солнышке, Аксинья читала книжку, одним глазом приглядывая за козой.

Впрочем, на мое пробуждение все-таки рассчитывали. Внизу меня ждал завтрак: миска творога, чашка ягод и крынка молока, прикрытые вышитой салфеточкой.

Судя по еще одной пустой и чистой тарелочке, была и сметана, но, видимо, пала жертвой чревоугодия Тимофея. Бабкин кот – единственное существо, ведущее незримый бой за мою талию, но только тогда, когда дело касается сметаны. Как только в него влезает?!

Когда я вышла во двор и уселась в теньке, ко мне подскочила Аксинья и потребовала выступить в роли слушателя. К счастью, она читала не «Войну и мир», а то после сытного завтрака меня точно сморил бы сон. Яга предупредила:

– На солнце не высывайся, обгоришь, цвет лица испортишь, – и нежно добавила, умильно глядя на питомца. – И ты, Тимошенька, ушел бы с солнышка-то. Кабы шкурка не подпалилась.

Тимошенька, не открывая глаз, переполз ко мне под бок и засопел снова. Самой Яге было вроде как все нипочем. Закутанная в меховую

жилетку, она споро полола, подвязывала, рыхлила и, к моему удивлению, даже не вспотела, хотя на солнцепеке впору было дымиться.

Если работающая старушка провозится на огороде весь день, мне ни за что не выбраться в город. Мысль о том, чтобы спросить официального разрешения покинуть пределы двора, не нашла поддержки у здравого смысла.

Пока ломала голову, как отвлечь Бабу-ягу, рассеянно слушала чтение Аксиньи, но и девочка читала невнимательно, запиналась, часто отвлекалась. Не успела поинтересоваться, почему она сегодня сама не своя, как та вскочила и убежала. Сначала я решила, это ее ухажер пожаловал, опять на козу покушается и Аксинья отправилась бить Ваське морду, но девочка побежала совсем в другую сторону, к калитке, там ее кто-то ждал. Я наблюдала за Аксиньей – как известно, любопытство не порок, а тяга к познанию. Гостя мне видно не было, его полностью скрывал широкий ствол дерева. Но он что-то передал девочке, и та почти запрыгала от восторга. Тут из-за дерева вылез длинный гибкий хвостик с кисточкой на конце, Аксиньин гость им весело помахивал, должно быть, выражал радость. А вскоре появился и обладатель чудного хвоста с кисточкой, а также рожек и копыт. Я обалдела. Во-первых, сейчас мне ничего не мерещилось – за деревом стоял чертенок, а во-вторых, моя маленькая подружка с ним беседовала как ни в чем не бывало, будто с самым простым мальчишкой.

– Чего это ты приклеилась с открытым ртом, словно статуя? – Любознательная Яга оперлась на плетень рядом со мной.

– Смотрю, с кем Аксинья общается. – Слова у меня не подбирались. – К ней черти в гости ходят. У вас здесь что, черти водятся?

– Конечно, водятся и черти, и бесы, и... – Бабуля прищурилась, вглядываясь в соседний двор.

– Предупреждать надо, – фыркнула я. – Ко мне вчера такой вот чудик рогатый приходил, так я решила, что у меня галлюцинации.

– Глюми... что? – переспросила Яга. – Кто к тебе приходил?

– Гал-лю-ци-на-ции, – повторила я. – Это образ, возникающий в сознании...

– Да черт с ним, – отмахнулась Яга. – Кто к тебе приходил? – Взгляд у старушки стал встревоженным и пытливym.

– Ну, чертенок приходил, – подтвердила я. – Когда в парке с девушками сидели, возле статуи с фонтанами, вот такой чертик ко мне подошел и кувшин протянул. Ну, я подумала, отравит еще, пить не захотела, а он настойчивый такой, в лицо мне кувшин тыкает, пей, мол, – сбивчиво рассказала я.

– Аксинья, поди сюда со своей нечистью, – громогласно позвала Баба-яга.

– И ты не выпила? – уже тише уточнила у меня.

– Нет, конечно! Вдруг он туда подсыпал что-нибудь? – возмутилась я, не понимая, почему Ягу заинтересовал этот инцидент, но раздражаясь. Она что, считает меня полной дурой?

Аксинья со своим гостем приблизились. Точнее, девочка привела гостя, держа за хвост! Чертенок повизгивал, посвистывал, хохотал и припрыгивал на месте. Строил нам рожицы, но недовольства варварским обращением не показывал.

– Смотри внимательно, – велела мне Яга. – Такой к тебе приходил?

– Ну да! – подтвердила я. – Только повыше, этот совсем маленький. Рожки другие. У этого прямые, а у того, как у барашка, завитые...

– Так это совсем другое, – негодуяще покачала головой бабуля. – Аксиньин дружок, это анчутка...

– Не дружок он мне никакой, – фыркнула девочка, всматриваясь в новую книжку, которую принес чертенок, и беззаботно помахивая его хвостом, что чертенка совершенно не смущало. Он корчил рожицы, висел на заборе, раскачивая его в разные стороны, грозя свалить ограждение на нас.

– Отпусти ты этого антихриста, ради бога, – возмутилась Яга.

Аксинья тут же вынула из кармана петушка на палочке и выпустила хвост из рук. Расшалившийся пленник схватил лакомство и ускакал.

– Анчутка хоть и нечисть, а существо безобидное. Дурное, но не злобное. Вроде как дитя малое, только помешанное, больное на голову, – продолжила повествование Баба-яга. – Сладкое до смерти

любит. С ним договориться можно. Вот Аксинье книжку принес, упер где-нибудь.

– Ага, у Прокопа Фомича, – довольно подтвердила девочка. Видимо, ее радовало не только собственное приобретение, но и пропажа у невзлюбившего ее учителя.

– А к тебе прихвостень приходил бесовский. – На лице Яги отразилась крайняя задумчивость.

– Кто?

Ответить мне бабуля не удосужилась, озабоченно покачивая головой, ушла в дом, позабыв про свой огород. Более удачной возможности могло и не представиться. На цыпочках я прошла следом за Ягой. Она заперлась у себя в каморке. В замочную скважину и щель под порогом просачивался зеленоватый дым. Бабка явно углубилась в колдовские обряды. Думать, для кого предназначается жутковатое зелье, что она сейчас заваривала, и из каких лягушачьих лапок она его варит, было недосуг. Я, также на цыпочках, вернулась на улицу. Аксинья все еще увлеченно изучала новую книжку. Предупредив ее на всякий случай, я выскользнула за ворота. Если Яга достаточно долго провозится со своими снадобьями, у меня есть шанс, что мое отсутствие останется незамеченным.

Резвым шагом довольно быстро добралась до Дворцовой площади. У меня сложилось впечатление, что в карете мы с Ягой ездиле кругами и через весь город, поскольку пешком до нужной цели можно было добраться преспокойно. Понятное дело, в столице Трисемнадцатого государства общественного транспорта не было, но его я и в Москве не очень жаловала. Хотя пешком ходить мне тоже не нравилось. Я заскучала по своей машине. Стоит несчастная возле московского ЗАГСа и не знает, куда подевалась хозяйка.

Я рассчитывала нанести визиты как можно большему количеству невест. Кроме того, если посету их в собственных покоях, у меня будет отличная возможность взглянуть на ларцы для хранения драгоценностей. Конечно, в придачу у меня еще есть и шанс быть отравленной, но кто не рискует, тот в гости к царевнам не ходит. Вдруг, пока я у Яги чай распиваю, всех невест перебьют как кутят?

Посреди Дворцовой площади, где еще пару дней назад цвели клумбы и били фонтаны, обеспечивая живописный вид, стояла каменная обветшавшая башня. Догадаться несложно – это обитель

Рапунцель. Опасно накренившись набок, башня свешивала из окна воздушную занавеску и ни грамма не стеснялась своей неуместности. Входа видно не было. Интересно, как сама Рапунцель туда забирается? Четыре внушительных колеса в основании... хотя я слабо представляла себе животное, которое потянет это сооружение, разве только четверка слонов.

Хихикнув, что, женившись на владелице башни, царю придется вписывать это архитектурное сооружение, достойное пизанских строителей, в дворцовый ансамбль, я прошла во дворец.

Все тот же кругленький и упитанный распорядитель радушно приветствовал и предложил экскурсию по дворцу. Стараясь проявить не меньшую вежливость, я попросила проводить меня в апартаменты Хозяйки Медной горы. Почему-то она вызывала наибольшие подозрения. Поднявшись по широкой лестнице, распорядитель повел меня вправо, в пустынный коридор, ничем особенным не примечательный, кроме синей ковровой дорожки, зеркал и картин. По пути мужичок разъяснял:

– Приезд невест стал для нас некоторой неожиданностью. Заранее подготовить апартаменты мы не успели, к счастью, многие оказались весьма непривередливы, даже можно сказать, с весьма заниженными требованиями. Золушка, например, пожелала поселиться ближе к кухне, в подсобных помещениях. Аленушка, та рядом с псарней обустроилась, не пожелала расставаться со своими козлами, то есть братьями. Но большинство невест живет в правом крыле.

Я понимающе улыбалась в ответ. Распорядитель с поклоном покинул меня возле расписной двери, перед которой дежурил мальчик в вышитой малахитовыми бусинами зеленой рубахе.

Да, Кикимора не зря болтала, что мужики у этой каменной женщины живут недолго, даже слуги мужского пола имели весьма тщедушный вид. Едва бледный подросток с кругами под глазами скрылся за дверью, чтобы доложить о моем приходе, как Хозяйка Медной горы вышла навстречу с широко раскрытыми объятиями, выражая пугающее дружелюбие:

– О, моя дорогая, я так рада тебя видеть!

Она довольно проворно перемещалась, если учесть количество навешанных на нее ювелирных изделий. И хотя сегодня платье на ней было явно облегченное, при дружеском приветствии я почувствовала

мощное давление чугунных тисков и щедрые уколы драгоценностей. Где-то я читала про такую пытку. Пройдя в покои Хозяйки, я очутилась в самой настоящей пещере. Будто и не во дворце. Каменные стены, малахитовая мебель, повсюду сундуки, ларцы и шкатулки, все облеплено самоцветными камнями. Кажется, мне даже послышалось постукивание молоточков. Видать, мастера всегда при ней и ваяют ювелирные диковинки без перерыва. Чай нам подала дородная, не в пример мальчику у входа, девка в русском сарафане. Очевидно, женщины у нее живут долго и счастливо. Посуда тоже из прозрачного синего камня, похожего на сапфир. Красиво, конечно, но жить как-то холодно. Хозяйка, наверное, хроническими простудами страдает.

– А я тебя с утра жду, – любезно щебетала Хозяйка Медной горы. – Здесь так тоскливо. Заняться совершенно нечем. Я уже и драгоценности все перемерила. Знаешь, меня это развлекает, успокаивает. Мне так не хватает гор. Я здесь задыхаюсь. Мастера мои день и ночь трудятся, две комнаты отделали. – Она обвела хоромы рукой.

Ага, значит, мне не послышалось, она тут глобальный ремонт затеяла. Вот батюшка-царь обрадуется!

Да, невесты в царстве шороху наведут. Одна башню на площади взгромозила, другая помещение под хлев для братцев во дворце выбила, эта перестройкой занялась.

– А у тебя интересные украшения. – Хозяйка взяла мою руку в свою, разглядывая браслет. Даже пальцы у нее были холодные, словно каменные. – Никогда таких не видела. Мне таких цветов даже первый мой супруг Данила-мастер не высек. Бился-бился, голубь сизокрылый, над цветами, но так себе – неживые. Не его, видать, конек, а вот посуду делал пристойную. Я хотела бы купить эти украшения или могла бы с тобой поменяться. – В глазах Хозяйки Медной горы горел безумный огонек. Ну, понятно – бабу клинит на побрякушки.

– К сожалению, не могу. – Я аккуратно выдернула свою руку из ее цепких пальцев. – Это подарок. Ты на меня не обижайся.

– О, я все понимаю. – Собеседница нехорошо прищурилась, заботливо налила мне чай в чашку.

Судя по маниакальному блеску в ее глазах, она совершенно ничего не понимала. Она видела цель – мои украшения. А я обеспечила себе еще пару-тройку покушений, теперь уже с целью

ограбления. В общем, чай я решила на всякий случай не пить, только пригубить для видимости.

Тему разговора менять было нельзя. Самое удобное – перейти от украшений к способу их хранения. Я обвела взглядом комнату.

– У тебя очень красиво, сразу видно, женщина обладает вкусом, стилем, на нее работают лучшие мастера. – В комнате стояло несколько сундуков, и, напрашиваясь на экскурсию, я планировала разглядеть их все. Долго уговаривать не пришлось.

– А-а, это мелочи, – махнула изящной рукой Хозяйка. – Небольшая переделка, чтобы не было так тоскливо. – Она повела меня по комнате, давая возможность рассмотреть отделку и диковинные предметы. Заметив мой интерес к сундукам, женщина жестом волшебницы распахивала крышки и доставала оттуда целые каскады драгоценных камней. От сияния у меня рябило в глазах, хотелось зажмуриться и сбежать. Хозяйка Медной горы все доставала и доставала украшения, завораживающе улыбалась и предлагала примерить.

Понять ее можно, она рассчитывала на взаимовыгодный бартер. Я же, не углядев ни на одном из ее сундуков даже слабо похожего рисунка, теряла интерес к происходящему и только вежливо улыбалась. К тому же ларцами эти гигантские, обильно инкрустированные драгоценностями комоды назвать было трудно, а уж поднять такой, чтобы кого-нибудь по лбу тюкнуть, – тут парочка профессиональных грузчиков нужна, а не слабая женская персона.

Минус еще одна подозреваемая из списка.

– Если ты царицей станешь, весь дворец переделывать будешь? – В ответе я не сомневалась.

– Это само собой, – пожала плечами Хозяйка. – Хотя я к горам, конечно, привыкла. Мне здесь неуютно. Впрочем, это решаемо.

На мой вопросительный взгляд женщина прищурилась, потом глубоко вздохнула, будто на что-то решилась, и хитро поманила меня в соседнюю комнату. Едва мы переступили порог, из комнаты удалились трое мастеров, надо заметить, весьма замученного вида. Хозяйка с гордостью представила моему вниманию огромный макет из камня, пышно отделанный драгоценностями. Некая гористая местность в уменьшенном масштабе, но из натурпродукта.

– Вот, это мой сюрприз для будущего супруга. Это мои горы, как раз на границе Тринадцатого царства. Вот тут к ним дворец пристроим, из камня, разумеется, дальше город ляжет, столицу туда перенесем. – Она упоенно демонстрировала модель спланированного ею государства. – Из камня строить надежнее и крепче.

Одна невеста религиозную революцию планирует, другая грандиозную перестройку, что дальше будет? Невесты из сказки о царе Салтане сразу показались милыми безобидными чудачками. Подумаешь – пир и пара километров ткани!

Слегка очнувшись от архитектурного бреда, Хозяйка вспомнила про мою скромную персону и как бы между прочим поинтересовалась:

– А ты чего необычного для царя приготовила?

Если учесть, что про сюрприз для потенциального жениха я услышала вчера от Забавы впервые, то мне осталось только пожать плечами.

– Ну, не хочешь, не говори, – слегка надула губки моя собеседница. – Сначала все невесты в тайне свои подарки держали, а сейчас все про всех все знают. Кому разведка донесла, кто тайну купил, кто проболтался.

– Я вообще только вчера узнала, что для царя надо подарок подготовить, не придумала еще ничего, – призналась я. – Поэтому и рассказывать мне нечего.

Хозяйка Медной горы сочувствующе на меня посмотрела. Понятно, как соперницу меня сразу скинули со счетов.

– Ну думай, – посоветовала женщина без особого участия. – Времени-то мало осталось.

Мы вернулись в гостиную, и молоточки снова застучали.

– Говорят, Алёнушку отравили? Как ты думаешь, кто-то из невест на это способен? – Я внимательно вглядывалась в лицо женщины, но не заметила даже тени каких-либо чувств. Полное безразличие к ситуации.

– Ерунда. – Хозяйка махнула изящной ручкой. – Кому она нужна? Что за надобность ее травить? Не соперница она. Царь на такую простушку не позарится. Сама небось чего-нибудь сожрала. Это у них семейное – в рот что ни попадя тянуть. Братец ее уже лет десять козленочком бегаёт – не из той лужи воды напился. Между нами говоря, у этой Алёнушки с ее козлятушками совсем крыша поехала.

Все ей ведьмы мерещатся, покушения на ее любимого братика-козленочка, а сама и не знает, который из этих козлов ее брат.

Даже забавно, что никого этот случай не испугал. Вот и Хозяйка Медной горы считала, что Аленушка сама чего-то наглotalась.

– Может, и так, – согласилась я. – Да только все равно как-то боязно.

– Чего-чего, а отравлений я не боюсь. У меня в стакане жабий камень всегда плавает, если яд, так он подскажет. Этот камень свойством специфическим обладает, при попадании в яд меняет цвет.

Я не стала дискутировать на тему мифической защиты жабьего камня от отравления и вспоминать о количестве народа, подавившегося этим самым камнем. Похоже, что вся информация, почерпнутая мной в дни юности из книжек как вымысел, здесь имела вполне реальное значение. И наоборот, правда жизни частенько носила мифический характер.

Хозяйка откровенно зевала, видимо, мне пора было уходить. К тому же то, что мне необходимо, я уже узнала. Вежливо распрощавшись и заверив друг друга в вечной дружбе, мы расстались.

Глава 13

Не тратя времени впустую, я решила сразу навестить и Шахерезаду. Тем более что ее апартаменты, судя по доносившемуся запаху благовоний, расположились рядом.

Здесь меня встретили тоже очень приветливо. Видимо, невесты дружили и мило общались, объединенные общей идеей выйти замуж за одного и того же мужика, пардон – царя. Либо просто предпочитали держать соперниц на виду. Упитанный арапчонок проводил в пышно украшенные в восточном стиле апартаменты. Среди развала ковров и дымящихся ароматических палочек на низком диванчике возлежала сама хозяйка. Томно покуривая кальян и блаженно улыбаясь, она предложила мне такой же диванчик со множеством подушек. Нам подали кофе в крошечных золотых чашках. От него исходил умопомрачительный аромат. Вот! То, чего мне так не хватало, – кофе. Устоять я не могла, даже допуская попытку отравления. Про возможное отравление Аленушки Шахерезада думала то же, что и Хозяйка Медной горы, попросту говоря, не верила в это. За свою жизнь она тоже не боялась – всю еду и напитки сначала пробовала прислуга.

Шахерезада говорила медленно, тщательно выговаривая и немного растягивая слова. С одной стороны, это можно было списать на плохо освоенный русский язык, но мне почему-то казалось, что дама просто-напросто обкурилась.

– Хорошо, что ты зашла. Я здесь ужасно скучаю. Остальные невесты полные дуры – ничего не понимают в удовольствиях. Все над подарками корпят, думают, царю их поделки нужны.

– А ты царю подарков делать не собираешься?

– Непременно собираюсь. – Восточная красавица хитро улыбнулась. – Только я, в отличие от этих глупышек, отлично знаю, что царю надо.

– Это большой секрет? – Даже если она не скажет, кто-нибудь из невест обязательно расскажет. Я уже убедилась, что секретов в этом царстве не существует.

– Да нет, конечно, все равно уже все знают. – Шахерезада сморщила носик. – Один из моих слуг продался, за что сурово наказан, впрочем, это дело прошлое, чего вспоминать-то? Я, моя дорогая, про мужские желания все знаю. – Она высокомерно вскинула голову, томно прикрыла глаза и вальяжно потянулась. – Все они одинаковые, похотливые развратники. – Восточная красавица аппетитно потрясла грудью. – Танцевать я буду, сказку расскажу, тысяча и одна ночь внимания мне обеспечена – проверено.

Об умении этой дамы рассказывать сказки я наслышана. Верю!

Каждая из встреченных мною невест была абсолютно уверена в своей победе. Каждая была убеждена, что трон – ее. Хотя это вполне могло оказаться обычной бравадой перед соперницами.

– Да, о восточных танцах наслышана, – закивала я собеседнице. – Говорят, впечатляет. Девушки надевают специальные украшения, и они очень соблазнительно звенят. – Я перевела тему в нужное русло.

– Дело не в украшениях, хотя это тоже, конечно, добавляет зрелищности. Весь секрет в самом танце. Ваши женщины ходят закрытыми. На них много одежды, поэтому ваши мужчины очень падки на наших неприкрытых женщин.

Я бы могла поспорить по поводу чрезмерной оголенности, но в данный момент меня интересовало совсем другое.

– А ты можешь мне показать украшения, которые собираешься надеть? – вкрадчиво попросила я. – Уж больно любопытно.

Шахерезада хлопнула в ладоши, что-то шепнула моментально появившемуся из ниоткуда толстенькому арапчонку. Через секунду трое таких же упитанных малышей в тюрбанах внесли внушительных размеров ларец. Восточная красавица грациозно встала и принялась демонстрировать побрякушки, подробно описывая, на какую часть тела что надевать и какой эффект это производит на большую мужскую фантазию. Могу поручиться, что Хозяйке Медной горы и в голову не придет украшать себя так подробно. Впрочем, я опять в пролете. Завитушки на ларце Шахерезады и отдаленно не напоминали закорючки, припечатанные к моему лбу. Хотя и плюсы тоже есть – список подозреваемых сократился.

Тем временем восточная красавица несла уже какую-то околесицу по поводу сексуальных мужских пристрастий, и, пока она не перешла к демонстрации порнокартинок и собственных достижений в этой

области, я решила удалиться. Шахерезада тут же плюхнулась на диван и, закурив кальян, впала в безразличие. Да, супруга из нее получится неплохая – танцует, сказки рассказывает, развлекает в постели, а нет, так кальян покуривает и не мешает. Удобно, практично, экономически выгодно. На месте царя я бы рассмотрела этот вариант, недаром за нее падишахи дерутся.

Голова уже распухла от пустой болтовни претенденток на престол, да и ароматерапия в апартаментах Шахерезады не добавила ясности сознанию. Но я все же решила посетить сегодня еще одну невесту – Василису Прекрасную.

К Василисе без какой-либо помпезности проводил проходивший мимо стрелец. Их много разгуливало по дворцу с бравым видом. Видимо, предполагалось, что они следят за порядком и обеспечивают безопасность. Перед дверью этой невесты никто не дежурил, поэтому я постучалась и вошла. На мой возглас из дальней комнаты раздалось протяжное: «И-иду!» Я приготовилась ждать. Довольно обычная, отделанная деревом и тканью комната. Сундуки в углах, лавки по периметру, стол и несколько кресел в центре. Похоже, Василиса никаких изменений от себя лично не внесла. Либо все устраивает, либо настроена на радикальные перемены сразу после того, как заполучит престол, и не растрачивается по мелочам.

Хозяйку апартаментов я ждала довольно долго. Мне слышались чьи-то приглушенные разговоры и даже ругань, а девушка все не шла. Я уже было решила уйти, видно, не вовремя с визитом пожаловала, но тут как раз Василиса вышла из соседней комнаты, немного растрепанная и какая-то растерянная.

– Я нянюшку на базар отпустила, одна хозяйничаю, – оправдывалась она. – Чай сама заваривала, через минуту подам.

– Ты только с нянюшкой на смотрины приехала? – Я думала, все царские невесты с эскортами прибыли. А тут такая скромность. А потом, я точно слышала, как кто-то разговаривает – ну не могла же девушка сама с собой разговаривать!

– Да, так получилось, – рассеянно улыбнулась красавица. – В Тридесятom царстве на конгрессе Василис была, про женитьбу царя узнала, так сразу и подъехала, мне много сопровождающих ни к чему.

– На конгрессе Василис? – Я представила себе скопище одноименных барышень с дипломами, удостоверяющими их имя и

принадлежность к Прекрасным. – Как интересно!

– А, ничего интересного! – отмахнулась собеседница. – Каждый год одно и то же. Премудрые и Прекрасные собираются в одном месте и как бы должны делиться опытом. А кто ж своими секретами делиться станет? Сейчас дурочек нет! Тем более что нас с каждым годом все больше и больше становится. Это Премудрых Василис по пальцам сосчитать можно, а нас, Прекрасных, по три штуки в год прибавляется, и всем дипломы дают, что они настоящие. Никакой перспективы! Ты лучше о себе расскажи, говорят, ты племянница Бабы-яги?

– Ну не совсем племянница, но родственница, дальняя. В гости приехала.

– Тоже царицей стать хочешь?

– Да не то чтобы... Но Яга сильно настаивает.

Василиса задавала вопросы как-то невпопад. Взгляд раскосых голубых глаз бегал из стороны в сторону.

– Вот, украшения подарила. – Я продемонстрировала браслет. – Говорит, волшебные.

– Красиво. – Василиса мило улыбнулась, а на драгоценности даже не взглянула. – Погоди, я сейчас чай принесу. – Она легонько вздрогнула, будто что-то вспомнила, и поспешно удалилась. Я тихонечко встала и на цыпочках прокралась к занавеске, за которой она скрылась. Василиса быстро прошла по соседней комнате, такой же, как та, в которой мы сидели, и, шикнув в сторону окна, ушла дальше. Мне показалось, что штора на окне шевелится и за ней кто-то есть, хотя с моей позиции видно было очень плохо, да это мог быть и ветер. Через несколько минут появилась Василиса с подносом, и, прежде чем вернуться на свое место, я краем глаза заметила, как она что-то сунула за занавеску. Что-то маленькое, круглое и блестящее сдавленно звякнуло при передаче. Точно, девушка не одна, там кто-то был. Надо непременно заставить ее показать свой ларец для украшений.

Василиса, улыбаясь, разливала чай.

– Думаю, мне надо приобрести шкатулку для украшений, – начала я беззаботно. – Раз у меня прибавилось драгоценностей.

– Да-да, конечно. – Василиса кивала и, по-моему, не очень понимала, что я говорю, но к чему-то прислушивалась.

– Может быть, посоветуешь, какой лучше выбрать?

– Что?

– Ты драгоценности и украшения в каком ларце хранишь?

– Ну, в простом. – Василиса пожала плечами.

Я подумала, что сейчас она сошлется на что-то типа головной боли и выпроводит меня отсюда, и перешла в наступление.

– Мне так интересно, какие украшения у дипломированной Василисы Прекрасной. – Я восторженно включила «дурочку». – Покажи! Ну, пожалуйста.

Потом поставила чашку на столик и нахально пошла к занавеске, за которой скрывались и таинственный гость, и, видимо, интересующий меня ларец.

– Нет! – Красавица вскочила, расплескала чай. – У меня не убрано, я же объясняла, что помощницы сегодня целый день нет. – Туда не стоит ходить, я сама принесу.

И более спокойно добавила с милейшей улыбкой:

– Ты здесь подожди, я быстро.

Василиса действительно вернулась очень быстро и принесла с собой небольшой сундучок красивой ковки.

Опа! А вот это интересно! На этом ларце рукой неизвестного мне мастера были выкованы те самые завитушки, что я имела удовольствие не так давно созерцать у себя на лбу. Вот почему Василиса не желала показывать мне свой ларец для драгоценностей, наверное, боялась, что я вспомню, чем меня по голове шибанули. Но только я решила приступить к дальнейшим расспросам, в комнату ввалились Забава, Марфа и Матрена собственными персонами. Мы с Василисой вздрогнули. Ну нет, так работать невозможно. Так никакого здоровья не хватит.

– Там на Базарной площади такое представление было, с ума сойти!

Судя по запыхавшемуся виду, они только что пришли оттуда.

– Емеля перед печкой на коленях стоял. – Марфа закатила глаза. – Цветы дарил, прощения просил.

– Ну и как, простила? – поинтересовалась я.

– Похоже, – кивнула страшно довольная Матрена. – Уехали вместе.

– А Несмеяна в комнате у себя заперлась. – Матрена аж причмокнула от восторга. – Рыдает в три ручья, ее нянька уже три ведра слез вылила.

Какие неординарные способности у девушки слезы производить!

– Золушка пирогов напекла. – Тема еды для Матрены была, как всегда, актуальна. – Всех чай пить зовет. Пошли?

– Ага, мы за вами пришли, – кивнула Марфа. – Хозяйка Медной горы нос воротит, Рапунцель свою башню навещать пошла. Ну а эту восточную бесстыдницу вообще не дозовешься, спит, наверное.

Обкурилась, вот и витает в другом измерении. Кто же знает, как заморские травы влияют на женский организм.

– Я с удовольствием, – хорошая возможность пообщаться со всеми невестами разом.

– Я тоже, – кивнула Василиса. – Вы идите, а я кое-что сделаю и вас догоню.

Я пошла следом за девушками, но, остановившись в дверях, оглянулась. Василиса уже выбежала из комнаты, а сундучок остался. В общем, не удержалась я, открыла крышку. Очень странно, замок на ларце для драгоценностей суперкрасавицы местного разлива был сломан, да и побрякушек для барышни, ценящей свой внешний вид превыше всего, маловато. Это все равно что инстаблогерша без фильтров. Что-то тут не то. Марфа заметила поползновения в сторону Василисиного ларца, я постаралась как можно спокойнее заметить:

– Красивый, тоже такой хочу приобрести.

– Да, удобный, – согласилась Марфа. – У меня такой же.

– И у меня, – добавила Матрена. – Давайте быстрее, есть хочется ужасно.

Толпа царских невест шумно вывалилась в коридор. Идея с рисунком на ларце потерпела полное фиаско. По меньшей мере у троих невест одинаковые, подходящие экземпляры.

– Может, Белоснежку позовем? – без особого энтузиазма предложила Забава. – Золушка всех звала.

– Она одна не пойдет, а этих злобных карликов не прокормишь, – фыркнула добродушная с виду Матрена. Видимо, когда дело касалось еды, она меняла взгляды на жизнь.

Глава 14

У Золушки было очень просто и очень мило, как на домашней кухне. Здесь уже всю хозяйничали Милолика и Лукерья, помогая расставить угощения и посуду. Я догадалась, что подобные посиделки тут случались регулярно. Тогда, на празднике, я не обратила на Золушку внимания, а сейчас вопреки ожиданиям и сложившимся стереотипам несколько опешила, увидев вместо хрупкой голубоглазой блондинки дородную мужеподобную брюнетку, одной левой разливающую чай из гигантского чугунного чайника. Впрочем, в общении она оказалась именно такой, как рисовала ее с детства известная сказка, – веселой и дружелюбной. Удобно рассевшись за столом, присутствующие царские невесты активно сплетничали об отсутствующих. Ничуть не сомневаюсь, происходило бы то же самое, если бы состав был другой.

– А вы представляете, у Шахерезады слуги только мальчики, – сообщила Лукерья. – Да-да-да! А еще она, когда перед царем танцевать будет, разденется. Она сама так сказала.

– И так голая шастает, – возмутилась Забава. – Чего еще снимать собралась? Фу, бесстыжая.

– У них так принято, – поделилась сведениями Марфа. – У них все женщины так ходят.

– Вот срамота-то!

– И жен у них можно иметь сколько хочешь. Можно три, а можно пять.

По округлившимся глазам и открытым ртам я догадалась, что с нравами народов Востока здесь мало кто знаком.

– Вот дикие!

– Зато тогда царь смог бы жениться сразу на всех невестах, – это я не удержалась. Сначала барышни притихли, видимо, обдумывали перспективу. Потом пошла волна протестов и возмущений. Слава богу, до рукоприкладства не дошло, но покричали изрядно. Понятно, царем и властью делиться никто не хотел.

– А ты колдовать умеешь? – спросила шепотом Марфа. Забава сидела довольно далеко, но на всякий случай ответ я подкрепила

отрицательным мотанием головы. А то неизвестно, кто тут на выборах победит. Заранее занимать очередь на костер мне как-то не хотелось.

– Нет.

– Жаль. – Девушка вздохнула. – Ты же родственница Бабы-яги, она по этой части сильна. Я вот раньше очень хотела ведьмой стать или знахаркой какой. Но не получилось – способностей нет. А Лукерья говорит, что умеет кое-что. И в травах разбирается.

– Врет, – отрезала Матрена с набитым ртом. – Это она себе солидности добавляет. Она четвертая дочка из одиннадцати, вот и хочет все время чем-нибудь выделиться.

Отлично! Девушки успевали сплетничать даже в присутствии друг друга. Сидя напротив меня, Милолика поименно перечисляла бывших мужей Хозяйки Медной горы и клялась, что та ровесница Кощея, а стало быть, ей почти тысяча лет.

Золушка рассказывала о неприличных картинках, развешанных у Шахерезады. Забава возмущалась, краснела и то и дело осеняла себя крестным знаменем. На вошедшую Василису Прекрасную внимания никто не обратил, что не помешало ей живо включиться в беседу.

– А у Рапунцель волосы не свои – наколдованные, – заверила она.

Ха! Это они еще про пластическую хирургию и силиконовые имплантаты не знают. Хотя одна Баба-яга со своими травками да нашептываниями запросто переплюнет всю современную индустрию красоты.

– Белоснежка раньше в Трипятнадцатом царстве жила, – продолжала Василиса делиться знаниями. – Только ее потом выгнали. Ну не ее, а гномов, а она с ними ушла. Уж больно они безобразничали. Законы и обычаи местные не соблюдали. Обманывали, оскорбляли и даже на людей нападали. Вот народ не выдержал и пожаловался царю. Тот их и выгнал.

Я содрогнулась, представив массовое нападение карликов. Вот жуть!

– И неудивительно! – согласилась Матрена. – Не каждое государство захочет эту ораву содержать. Их же все больше и больше становится.

– Как это больше? – не выдержала я. – Гномы же только мальчишки? – Вот черт меня дернул.

– И ничего не мальчики! – отмахнулась Матрена. Видимо про потенциальных претендентов на еду она знала все. – Просто их не отличишь. У них и мужчины, и женщины с бородой.

– Ага, а если еще учесть, что гномы по триста лет живут, так они хуже саранчи, – добавила Лукерья.

– Чудесно! – Я выдавила из себя слабую улыбку.

– А Несмеяна все рыдает! – сообщила Золушка без особого сочувствия. – Я мимо ее комнаты проходила, всхлипы слышала, страдает, бедненькая.

– Еще бы не страдала! – хихикнула Марфа. – Не каждый день тебя любимый на печку меняет.

Девушки засмеялись.

– Ну, понятно, девок много, а печка самоходная, может, в целом свете в единственном экземпляре! – язвила Лукерья.

Девушки опять захохотали.

– Няньку ее жалко, – посочувствовала Золушка. – Целый день тазы и ведра со слезами таскает.

– Если Емеля с печкой договорится, то Несмеяна передумает в царицы идти, – заметила Марфа. – Одной невестой меньше.

– Может, и не одной? Да, Милолика? – Лукерья хитро прищурилась.

– Болтушка ты, Лукерья, – протянула Милолика, отворачиваясь. – И завистница.

– Ой, было бы чему завидовать! – фыркнула Лукерья. – Скажите пожалуйста! Митька хоть жених и видный, хозяйство у него добротное и, говорят, с царем в родстве, вот только жениться он не спешит. Шашни со всеми, кто глянется, разводит, а замуж-то не зовет. И тебя не позовет, не жди.

Меня накрыло куполом смятения. Голоса зазвучали глуше. Краски поблекли. Сердце билось глухо и редко. Что же это со мной творится? Каждый раз от упоминания Митьки мир переворачивается.

– А я замуж за него и не хочу, не беспокойся! – сообщила Милолика. – Просто у нас интересов много общих.

– У него таких интересов общих с Катькой Петровой, с Анькой Сидоровой и с сестрами Ивановыми... – не унималась Лукерья. – С Аськой Ксенофоновой их ейный батюшка в сарае за таким

застукал... – Девушка закатила глаза. – Боярин первой гильдии! И все равно, жениться Митька не разбежался.

Это уже слишком! Слушать про Митькины подвиги на любовном поприще оказалось невыносимо. Меня бросало то в жар, то в холод. На лбу выступила испарина, но я не могла оторвать пальцев от фарфоровой чашки, чтобы стереть влагу. А самое мучительное, в чем я даже себе самой признавалась со скрипом, это то, что я с удовольствием пополнила бы список барышень с общими интересами.

– А сахарозаводчик Андрей Иванович Пряников дочку в деревню к тетке сбегрил от таких вот общих с Митькой интересов, – продолжала Лукерья.

– А ты так переживаешь, потому что на тебя не засматривается? Завидуешь? – Милолика не больно-то оставалась в долгу. На красивом лице девушки не отражалось совершенно никаких эмоций, будто колючки Лукерьи пролетали мимо.

Остальные барышни похихикивали и с любопытством наблюдали, чем разрешится перепалка. Вопреки ожиданиям спорщицы не подрались. Злючки покидались словесными шпильками в адрес друг друга и угомонились. Дальше разговор потек бодро и весело.

Сплетни-гадости сыпались со всех сторон. У меня было ощущение, что я присутствую на дьявольской оргии. Хотелось закрыть уши и завизжать. Я девушка с крепкими нервами, воспитанная в стрессах современного мегаполиса, поэтому сдержалась. А вот у кого-то психика не выдержала, потому что своды дворца огласил дикий визг. Уже предчувствуя, по какому поводу крики, подсчитывая в уме отсутствующих невест и прикидывая, кто из них пал очередной жертвой, я соскочила с места.

Надо заметить, сплетницы махом смолкли и, как форель на нересте, косяком ломанулись на крик. Слух невест не подвел, и на место преступления мы прибыли даже раньше стрельцов. В небольшой комнатке, в которой от толпы вбежавших девиц сразу стало тесно, на пушистом вышитом ковре лежал царский скоморох, наполовину прикрытый покрывалом. Рядом перепуганная девушка из прислуги пыталась что-то сказать.

– Тьфу, переполошила всех, напился он, – цинично заметила Марфа – Вот алкаш, даже до кровати доползти не смог.

Действительно, было очень похоже, что, залезая в кровать, скоморох потерял равновесие и упал на пол, стащив покрывало на себя.

– Это он с горя, – кивнула Лукерья. – Ему шуты заморские покоя не дают. Переживает, вдруг его таким вот акробатом-фокусником заменят.

Я заметила на покрывале пятно. Темное, увеличивающееся в размерах, но прежде чем успела что-то сказать, Лукерья подошла к скомороху и отдернула тряпку, внезапно открыв всем присутствующим нож, всаженный в мужчину по самую рукоять, и расплывшуюся лужу крови.

Глава 15

Почему от поднявшегося крика дворец не рухнул, я не знаю. Видимо, строили тогда качественнее, с расчетом на массовые женские крики. Вся гурьба девиц синхронно развернулась и побежала к выходу, столкнулась в дверях с отрядом стрельцов и благополучно снесла несколько человек. Но стрельцы быстро собрались, сгруппировались и успешно всех задержали.

Надо отдать должное, Фрол Авдеевич, серьезный импозантный мужчина и главный стрелец по совместительству, быстро и аккуратно переписал и даже опросил всех присутствующих. Точнее, одну Марфу за всех, остальные подтвердили информацию кивками, после чего были немедленно отпущены восвояси.

Немного успокоившись, царские невесты жаждали обсудить последние события и, не сговариваясь, вернулись к Золушке. Она оказалась единственным рассудительным созданием, которое не одолел стадный инстинкт, потому что, заслышав крик, не ломанулась со всеми. Хотя, скорее всего, у нее это просто не получилось, поскольку сейчас Золушка лежала на полу и рядом, по уже сложившейся традиции, валялась разбитая чашка.

Очередной истошный крик! Орава стрельцов, возникшая на пороге. Меня посетила не лишенная разумности мысль, что во дворце опасно отбиваться от стада.

Дальше началась неистовая оргия, как в психиатрической клинике. Понабежало народу, в том числе воевода, загораживающий весь обзор необъятным пузом, и Митя собственной персоной. Последний, кстати, лютовал особенно: шутил с исключительным цинизмом, допрашивал с пристрастием, сверлил меня неласковым взглядом.

Стрельцы опрашивали свидетелей, свидетели, они же царские невесты, завывали, заламывали руки и закатывали глаза. К смертям и отравлениям уже попривыкли и теперь активно вживались в роль жертв и героинь, оказывающих помощь. Каждая, желая очернить товарок, рассказывала такие интимные подробности, что у мужиков в форме краснели щеки, слезились глаза и вставали дыбом волосы.

Согласно показаниям, любую из царских невест можно было смело казнить через повешение сразу после четвертования, не ошибешься. А Чикатило в сравнении с этими барышнями нежного возраста был просто младенцем в кружевах и лентах. Помнится, я прислонилась к какой-то стеночке и первый раз в жизни взмолилась, чтобы эта вакханалия закончилась раньше, чем я умру. По соседству, тщательно вжавшись в стенку, Матрена разворачивала конфету, опасно озираясь по сторонам и стараясь не обращать на себя внимания – видимо, не желала делиться угощением.

Девушка существовала на чистом сахаре. По всей видимости, поэтому ее совершенно ничего не брало. Ни убийства, ни волнения, ни допросы. Потрясающее спокойствие. «Возможно, вред от употребления сахара сильно преувеличен», – подумала я.

Только собралась предупредить девушку, что не стоит брать в рот еду неизвестного происхождения, как на ее лице отразились обида, злость и разочарование одновременно. Фантик был пуст. Что ж, может, оно и к лучшему – одной жертвой меньше, а с эмоциями как-нибудь сама разберется.

Когда большинство стрельцов умаялось, а невесты расплзлись по своим апартаментам, Митька схватил меня за руку и поволок на улицу. Как-то я сразу догадалась, что дальше меня ожидает персональный бег с препятствиями без перерыва на обед.

– Ты какого лешего там делала? – заорал он на меня, едва мы оказались одни на пустой уже в этот час улице.

– Чай пить ходила, – честно призналась я.

– А Яга тебе чай не наливает?

– Меня пригласили, вот я и пошла, – оправдывалась я. А чего, собственно, оправдываюсь? – Ты чего вообще на меня орешь?

– Двоих убили, еще двоих чуть не отравили, неизвестно, откачаем ли. На тебя два раза покушались, а тебе все мало, – не унимался Митя. – Чего ты шастаешь по всему городу одна?

Парень тряс меня так, что сережки в ушах звенели.

– Я взрослая самостоятельная девушка, – сопротивлялась я. – Я могу делать все, что хочу.

Я даже ногой топнула для убедительности.

Он перестал меня трясти, но продолжал держать за плечи. От его крепких горячих рук по телу разливалось тепло. Мир вокруг мутнел.

Я чувствовала себя пьяной. Мне хотелось свернуться калачиком у него на груди и ни о чем не думать. Понимая, что теряю над собой контроль, усилием воли сдержала слезы и глупую улыбку.

Митя глубоко вздохнул, гася приступ гнева, еще крепче сжал мои плечи и, заглянув в глаза, тихо, медленно, по слогам произнес:

– Может, где-то ты взрослая и самостоятельная, а здесь ты наивнее Аксиньи, поэтому одна больше никуда ни ходи. Договорились?

И, не дождавшись ответа, прижал к себе, спрятал свое лицо в моих волосах. Я успела заметить, как металлический блеск в его умопомрачительных синих глазах сменился чем-то мягким, нежным.

– Я никогда не прощу себе, если с тобой что-то случится.

Чувство самосохранения подсказало, что спорить и сопротивляться не стоит, но любопытство всколыхнуло целую бурю мыслей в голове.

Он говорит, что не простит себе, стало быть, переживает. Да и нервничает так, и бесится неспроста. Значит ли это то, что так хотелось бы, чтобы значило? Я его беспокою, ведь обо мне печется, не о ком-то другом. Сделанные выводы приводили в щенячий восторг. От восторга в голове что-то звенело, а перед глазами сверкало.

Митя аккуратно отстранился от меня и, крепко обняв за талию правой рукой, держа за руку левой, повел домой, будто я пыталась сбежать или была буйнопомешанной. Поодаль вышагивала парочка стрельцов-сопровождающих, ставших невольными свидетелями сцены. А мне было все равно, близость Митино тела доставляла такое удовольствие, что я и не думала противиться. Интересно, если я сейчас предложу отправиться к нему, по местным обычаям это очень неприлично? И за измену царю не сойдет? Вариант привести к себе, точнее, к Яге на второй этаж, я не рассматривала. Проверять бабулю на стрессоустойчивость опасно для жизни.

Уже вечерело, зажглись фонари. Был теплый и безмятежный вечер. Суматоха во дворце, убийства и отравления остались далеко-далеко, казалось, что этого совсем не было.

– Если честно, я думала, ты меня растерзаешь, ну или самое малое – побьешь, – нарушила я молчание. – В гневе ты впечатляющ.

– А смысл? – беззаботно заметил Митя. Он вновь спрятал все чувства под безразличным цинизмом. – Я пока еще в своем уме и не

буду отнимать жертву у Бабы-яги.

Митя скосил на меня хитрый взгляд. Видя, что я ничего не понимаю, только глупо улыбаюсь, объяснил:

– Ты из дома когда ушла?

– Д-днем еще, – промямлила я, начиная догадываться, о чем это он.

– Тебе на дорожку Яга чего сказала? – безмятежно поинтересовался Митя с хитрющей улыбкой на лице.

– Мм... – потеряла я дар внятной речи, вспомнив бабусино: «За ворота ни ногой». В суматохе я совсем забыла про Бабу-ягу и ее запреты.

– Тебя Баба-яга сейчас собственноручно убьет. Котел, наверное, уже поставила.

Улыбка моментально сошла с моего лица, колени задрожали, по коже побежали ледяные мурашки.

– О, гляжу, дошло! – Митька хохотал и издевался. – Даже не знаю, что предпочел бы: «супчик из Дашки» или «жаркое из царской невесты». – Он ущипнул меня за бок и захохотал еще громче, увидев панику в моих глазах.

Еще секунду назад мне представлялось, что Митя нежный и заботливый, сейчас он казался чертом из табакерки, хотелось пнуть его, а еще лучше ударить чем-нибудь очень тяжелым.

Яга встретила нас как заправская повариха с чугуном половником. Удивительно, как эта немощная на вид старушка ворочала неподъемной поварешкой. Глаза метали молнии, доброжелательный оскал тоже не предвещал ничего хорошего. В избе кипел котел, я так полагаю, по мою душу.

– Я бы съела чего, – невпопад заметила я.

– Я бы тоже, – откликнулась Яга, помахивая кухонной утварью.

– День выдался суматошный, – буднично продолжила я. Про погоду, что ли, поговорить?

Митька отошел от меня в сторону, ехидно ухмыляясь. Понятно, от него помощи ждать не приходится. Стрельцы вообще предусмотрительно остались за воротами.

– Я бы раньше пришла, но столько событий произошло, а потом, я хотела тебя предупредить... Но ты была так занята и в комнату свою мне не разрешила заходить, а то вдруг я... в мышь, и... Тимофеем меня

съест. Я с невестами познакомилась. Вот, почти со всеми. И вообще, я нервничаю. Не могу я тут сидеть сложа руки и ждать, когда всех невест поубивают, беспокоюсь, понимаешь? Я же тоже невеста, как бы...

Запас оправданий иссяк, расстояние между мной и поварешкой опасно уменьшалось. Или сейчас, или никогда. Выбора у меня не осталось, пришлось бежать. В общем, бегала я от бабки с половником по всему ее обширному, тщательно ухоженному огороду, стараясь наступать только на выложенные серым камнем дорожки, чтобы впоследствии не огрести еще и за попорченные овощные культуры. Надо заметить, несмотря на костяную ногу и престарелый возраст, скорость передвижения старушка выдавала приличную. Митька, бесстыжий, хохотал до слез, да и стрельцы не стеснялись.

– Золушку отравили, – наконец изрек парень.

Глава 16

Бега вмиг остановились. И слава богу, поскольку я уже задыхалась, готова была смириться, сдаться на милость победителя и угодить в суп.

– На смерть? – Баба-яга уставилась на Митю, вешая половник на пояс.

– Нет вроде, сама бы взглянула. Вон... – Он кивнул на стрельцов. – Ребята проводят.

– Схожу, – мрачно согласилась бабуля. – С этой убогой до моего прихода посидишь?

– Не вопрос! – лучезарно улыбнулся Митя Бабе-яге.

– Глаз с нее не спускай, – велела бабка, передавая половник парню, видимо, как символ смены караула. – Да идите ужинать, стол накрыт.

Уплетая гречку с мясом, я осознала, что была жутко голодна. Еще бы, целый день одни чай. Митя покусился на пирожки с грибами и внимательно разглядывал меня через стол. Под таким пристальным взглядом мне грозило несварение.

– А ты замок амбарный повесь на дверь для надежности, – подколола я.

– А ты разве на метле не летаешь? – не моргнув глазом, парировал парень. – А то наверху окно открыто.

– Нет, Яга пока не научила. – Я показала ему язык.

Митя налил вина в два стакана, один поставил передо мной. Тимофей приглушенно пискнул, открыв один глаз. Интересно, здесь есть специалисты, лечащие алкоголизм, их услуги мне, похоже, скоро понадобятся. Я отметила, что хозяйничает Митя у Яги как дома.

Отпила, покрутила стакан в руке. Покосилась на парня. Митька выпил залпом. Тяжело вздохнул. Почему у него такой угрюмый вид?

– Спать пойдешь? – сухо спросил он.

– А ты истуканом возле моей кровати стоять будешь? – хихикнула я. – Мою репутацию порядочной девушки погубишь. Жениться придется.

– Ты жизнь свою не погуби, – зло произнес Митя. – А без репутации как-нибудь обойдешься.

Я встала со своего места и уселась на стол перед ним, чуть сбоку. Отпила еще немного вина. Для смелости мне алкоголя не требовалось.

На мой взгляд, мои намерения читались явно. Но кто их разберет в этом Тринадцатом царстве? Какие у них тут нормы соблазнения?

Митька потянулся ко мне, обнял за попу и колени, медленно, не поднимая взгляда, передвинул к себе, сдвинув мной чашку, миску, опрокинув пустой стакан. Рывком придвинул к себе. Положил голову мне на колени. Кожу обожгло горячим дыханием через ткань сарафана. По телу побежали мурашки. Меня кинуло в жар. Я легонько положила руки ему на голову, утопила пальцы в волосах.

Митька резко встал и, не глядя на меня, вышел во двор.

– Ладно, – прошептала я, закусив губу. Сдаваться я не собиралась.

Я пошла следом, села рядом на скамейку. Спать совсем не хотелось. У меня было игривое настроение. Может, от вина, может, от Митькиного присутствия. Парень же, напротив, моей щенячьей радости не разделял. Сидел мрачный и насупившийся.

– Я не понимаю, чего ты на меня сердишься? – дружелюбно спросила я, улыбаясь широко-широко.

– Вот именно, не понимаешь – слушай тех, кто понимает, – огрызнулся Митя.

Я сидела молча, болтала ногами. Ругаться не хотелось. Ну что я сделала не так? Чудесный вечер, теплый и приятный. Мошкара мирно кружила около фонаря, стрекотали кузнечики, пахло травой. Митя даже не смотрел в мою сторону.

– Ну, хорошо! – Я предприняла еще одну попытку. – Что ты хочешь, чтобы я сделала? Шушукаетесь с Ягой, как заговорщики. Планы какие-то строите. Может, если меня в известность поставите, я помогу? Я здесь, вообще-то, только три дня и ничего не понимаю. Яга в родственники к царю желает? Отчего так печется о том, чтобы замуж меня отдать?

– Я хочу, чтобы ты дожила до царских смотрин, – проговорил Митя медленно. – Не выберет тебя царь в жены – делай что хочешь.

– А выберет? – Я посмотрела ему прямо в глаза. – Окажется Яга права, и царь захочет на мне жениться. Что дальше?

– Будешь жить во дворце долго и счастливо, – отрезал Митя. – Любить царя. Рожать наследников.

– Наследников... – Я сглотнула ком, застрявший в горле. Широко распахнув глаза, уставилась в темное небо, едва сдерживая слезы. – А меня спрашивать не обязательно?

– А тебе есть что сказать? Ты знаешь, чего хочешь?

Повисло молчание. От этого вопроса, заданного в упор, я обалдела и почувствовала себя полной идиоткой. Бегаю тут, ищу какого-то убийцу. А ведь действительно, что мне, собственно, надо?

Я тихо ответила:

– Домой хочу, – и встала со скамейки.

Получается, что другого пути-то у меня и нет. Если я не могу вернуться домой, то самое лучшее решение – выйти замуж за царя. И вроде бы все так гладко получается, все верно решено. Только почему-то на душе скребут кошки, а на глаза наворачиваются слезы.

Все девочки нашего мира растут со страстным желанием стать принцессой, выйти замуж за принца. Мечтают втайне. Потому что мечты о сказке несбыточные.

А тут так повезло!

– Не плачь. – Митя подошел и обнял за плечи.

Я находилась в поле его видимости, и для контроля над моими перемещениями приближаться ко мне было совсем не обязательно. И вообще, лучше бы, если бы он ко мне никогда не приближался. Такой беспомощной и несчастной я еще никогда себя не чувствовала.

– С чего ты взял, что я плачу?

– Глаза блестят. – Он усмехнулся. – Того гляди ручьи хлынут.

– Мне в глаз что-то попало. – Я демонстративно потерла глаза.

– Дай посмотрю. – Он развернул меня к себе, нежно запрокинул голову. Я беззвучно заскулила. Слеза скатилась из внешнего уголка глаза и потекла прямехонько в ухо. Стало щекотно и противно. Я, не отрываясь, смотрела на Митю. В серебряном лунном свете он был таким красивым, мужественность проступала в каждой черте его лица, от ровных темных бровей до чувственного рта и высокомерно выступающего подбородка. От его простого прикосновения к моему лицу по телу покатилась будоражащая волна. Я дрожала. Замерла и не могла вздохнуть. Из немигающих глаз струились слезы, стекали по

щекам и вискам. Митя вытер мое лицо платком, легонько подул на меня.

– Все прошло? – Его голос звучал немного хрипло.

Я кивнула, поскольку не могла говорить.

– Пошли, я кое-что тебе покажу. – Митька заговорщицки мне подмигнул и потянул за руку в огород. – У Яги вишня обалденная, самая лучшая в царстве. Не без колдовства, конечно, но вкусная. Ты вишню любишь?

Я опять кивнула.

Пройдя мимо дремавшего на посту пугала, потом сарая, как оказалось, на этом владения Яги не заканчивались, мы попали в сад. В живописном беспорядке росли яблони и сливы, вишни и смородина, малина и крыжовник. На все это великолепие можно было любоваться из небольшой резной беседки.

– Красиво! – тихо сказала я.

– Мне тоже нравится, – мотнул головой парень. – Яга говорит, все само растет, как сорняки, а ухаживает за садом как за ребенком.

Митя усадил меня на лавку, а сам потянулся к ближайшей ветке. Собрав целую горсть ягод, предложил мне.

Все еще дрожа, чтобы не выдать себя, я сосредоточенно запихнула в рот сразу несколько штук. Красивые, как с картинки, и безумно вкусные.

– Мм? – вопросительно промычал Митька с набитым ртом.

– Мм! – подтвердила я вкус и качество урожая.

– У, еще малина! Уважаешь?

– Ага, – кивнула я с набитым ртом.

Он скрылся в зарослях неподалеку и вернулся с полными горстями ягод, прижатых к рубашке. Красный малиновый сок расплзся пятнами по ткани.

– Смотри, какая красотень! – Глаза у Мити были как у ребенка, дорвавшегося до конфет.

– У Яги удар не случится, если она узнает, что мы в ее саду хозяйничаем? – весело спросила я.

– Может, и случится, но ради такого удовольствия готов рискнуть здоровьем, – хохотал Митька.

Я уже брала губами малину из его рук – свои были заняты вишней.

– Мм... – Митя попятился назад. – Еще вишню не съела, уже на малину зарится. У тебя, красавица, губа не дура.

– Делись, жадина! – Я пыталась отхватить малины и не отдала вишню.

Митя измазал всю рубашку, я, наверное, испачкала все лицо, по рукам обоих тек сок.

– О, извадюкалась похлеще ребенка, а еще кто-то говорил – взрослая, самостоятельная, – подкалывал меня Митя, только насмешка в глазах сменилась чем-то другим, странным блеском чувственности и желания, которые он тут же спрятал.

– Царю не понравится, как я на тебя смотрю, – ответил Митя на мой немой вопрос. – Как разговариваю.

– Зато мне нравится, – тихо произнесла я не своим голосом. – Как ты смотришь на меня и как разговариваешь.

Он отвел взгляд, потом достал платок, посплюнявил, как заправская нянька, и потер мое лицо.

– Бесполезно. – Я сама схватилась за платок. Моя рука очутилась в его руке, я отшатнулась назад и уперлась спиной в балясину беседки. Митя крепко сжимал мой кулачок и всем телом прижимал меня к резному столбику. Я боялась шевельнуться, и от того, что его губы находились в предательской близости от моего лица, и от того, что он мог отстраниться и выпустить меня. Сердце стучало во всем теле. Так громко, что, наверное, эхо раскатывалось по саду. Время загустело, замедлилось. Я отчетливо чувствовала почти прикосновение его губ к своей щеке и интуитивно, слегка, повернула голову, давая возможность случиться тому, чего я так желала. Давно, страстно желала. Но он отстранился, чуть-чуть, но как будто на другой край вселенной.

– Слышишь? Журчание? – прошептал мне в ухо.

Я кивнула.

– За забором течет ручей, пошли, умоемся.

Все волшебство рассеялось. Предо мной опять был совершенно безразличный парень, которого приставила Баба-яга, чтобы несведущая в местных порядках девушка не сгинула в Тринадцатом царстве или чего-нибудь не натворила.

Через щель в заборе мы выбрались из сада. Весело звенящий, бурливый поток воды я бы с такой уверенностью не назвала ручьем. Скорее он походил на небольшую речку. Под прозрачной водой в

лунном свете на дне отчетливо виднелись камни, веяло холодом. Подобрав подол сарафана, я присела на краю. Руки обожгло ледяным потоком, пальцы немели. Но даже лед не мог смыть с моего лица жар и краску.

Не дожидаясь плескавшегося в воде Митю, я вернулась в сад. Теплый ветерок обсушил лицо и руки. Дышалось легко и свободно, на сердце сделалось пусто и безразлично. Он догнал меня на тропинке к дому. Больше мы не говорили, будто и сказать нам было нечего. От неловкого молчания спасла вернувшаяся Яга.

Мрачная и задумчивая с виду. Поймав вопросительный взгляд Мити, она угрюмо покачала головой. Понятно, людям поговорить надо, я мешать не стала. Поднялась к себе, пожелав спокойной ночи. Подслушивать разговоры Бабы-яги, которые она желает оставить в тайне, дело бессмысленное. Я разделась и залезла в кровать. Уснула моментально, но спала беспокойно. Мне снились кошмары. Не то я тонула в реке, не то пылала в огне, потом какое-то красномордое чудовище с рогами орало на меня: «Руку давай! Правую руку давай!» Затем я долго падала в бездонную пропасть.

Глава 17

Проснувшись от крика и сначала подумала, что от своего. Утирая испарину со лба, обнаружила, что вопят на улице. Протяжно, завывая и причитая. Узнав голос Бабы-яги, оторопела от любопытства. Что такое могло приключиться, если вызвало подобную реакцию у этой непробиваемой старушенции? Свесившись через окно, я обнаружила чудную картину. Протоптав себе дорожку по аккуратным грядкам Бабы-яги, возле сарая переминалась с ноги на ногу избушка на курьих ножках. На ее крыльце, печально понурив голову, сидел мелкий грязный старичок. Баба-яга в гневе металась перед избушкой, матеря на чем свет стоит не то старичка, коего она называла Феней, не то избушку, которую называла все больше неприличными словами.

Еще присутствовали люди добрые, они же народ. Охочий до зрелищ. Особенно до массовых выяснений отношений с возможным рукоприкладством, но озабоченный личным здоровьем, поэтому наблюдавший за всем издали. Отдельными смелыми личностями среди народных масс, поскольку находились ближе всего к искромечущей Яге, выделялись Емеля на печи, скусающе пожевывающий травинку, Кикимора, машущая на беснующуюся бабку платочком, и Аксинья, что-то старательно записывающая в блокнотик, надеюсь, не нецензурные речевые обороты, льющиеся из Яги, как из рога изобилия.

Из словесного потока бабули и слабых оправданий старичка Фени я выяснила следующее. Избушка на курьих ножках соизволила вернуться из дальнего путешествия, в коем сопровождалась домовым Феней или Феофаном, и, что особенно примечательно и за что избушка на пару с Феофаном огребали в данный момент, явилась ветхая строительная постройка не одна, а, так сказать, на сносях. Точнее, яйца она уже снесла, и на днях должно было произойти «вылупление».

Яга не стеснялась в выражениях, самыми приличными из которых были «шалашовка беспутная» и «блудница вавилонская». Феня раскаивался, рыдал и бился лбом о землю. Избушка тоже всем своим видом выражала сожаление и робко топталась на месте. Наконец словарный запас иссяк, бабуля, уставшая как после бури, плюхнулась

на скамейку. Понимая, что представление закончилось, народ стал потихоньку расходиться. Кикимора накапала подруге капелек из внушительного пузырька, видать, успокоительных. Емеля утешительно похлопал по плечу, явно намекая, что поорали и будет, сегодня еще не завтракали, после чего прошел в дом. Я тоже оделась и спустилась вниз. Стол был сервирован полностью: блины, пироги, сметана, творог, несколько сортов варенья, мед. Самовар надрывался. Видимо, Яга с друзьями собирались завтракать, когда прибыли дорогие гости. Тимофей безразлично сопел возле тщательно облизанной миски. Его происходящее совершенно не интересовало. Меня же радовало, что на повестке дня пришествие избушки, а не мои похождения. Роль девочки для издевательств утомила.

– Опозорила, на весь свет опозорила, – причитала Яга охрипшим голосом. – Курица бесстыжая.

Это я уже слышала, бабуля начала повторяться – верный признак наступления скорого успокоения.

– Ну что ты так переживаешь. – Кикимора все обмахивала подругу платочком. – Дети – это же счастье! А у тебя тройня будет!

– Не у меня, у нее! – гавкнула Яга.

– У нее, у нее, – закивала Кики. – Так ведь и она тебе не чужая. Радоваться надо. Через пару денечков избушата по двору забегают, весело станет. – Кикимора как в воду глядела, веселье предстояло еще то.

– Мне и так не грустно! – не унималась бабка. – Царевы невесты одна за другой мрут. Вон, дурная, непристроенная, сидит.

Пропустить меня Яга не могла. Я переняла политику Тимофея, то есть уплетала блины и делала вид, что меня это не касается.

– Дети, это хорошо! – с набитым ртом выдал Емеля ценное замечание.

Баба-яга тяжело вздохнула и отхлебнула травяного чая, заваренного заботливой Кикиморой.

– Три яйца! – Яга обхватила голову руками. – Это ж как... Это ж где она сподобилась? Иная изба за всю жизнь одного не снесет, а эта троих выдала.

– Так гордиться надо! – весело предложила Кикимора. – Счастье-то какое, подарок судьбы.

Наша бабуля посмотрела на Кики, как девственница на порнокартинку. Повисло молчание. Даже Емеля замер, соображая, новая буря надвигается или обойдется. Обошлось.

– Это да, – кивнула Яга, что-то прикидывая в уме. – Вообще, да. Она сызмальства способная была. Вот Клавдия Никифоровна в Тридевятом государстве три избушки себе нахапала, а ни одна ее потомством не наградила. Ой... – Яга зарумянилась и заулыбалась. – Весточку пошлю ей. Карга старая помрет от зависти.

Яга начала рассказывать историю избушки, начиная с момента, когда она ее, дикую и совсем маленькую, подобрала в лесу. Как выхаживала, растила и воспитывала. Не то чтобы присутствующих очень интересовала методика воспитания жилых построек, но уж лучше про дикую избушку слушать, чем бешеную Бабу-ягу лицезреть.

Я постаралась слинять под рукоплескание талантам недавно проклинаемой избушки на курьих ножках. Уже в дверях была снабжена указанием: «Со двора не ходить!»

Больно надо!

Во дворе Аксиныя увлеченно читала книжку. Не отрывая взгляда от страницы, безразлично поинтересовалась:

– Успокоилась?

– Ага.

– Легко отделались, – цинично заметило милое создание. – Ни пожара, ни града, ни землетрясения.

Я решила, что девочка шутит. Как-то не хотелось представлять подобные природные катаклизмы в масштабе одного двора. Меня немного мучила совесть, ведь я пообещала подружке сходить с ней в балаган. А теперь обещание сдержать вряд ли получится.

– Слушай, – начала, тщательно подбирая слова, – я с тобой в балаган сходить обещала. – Как-то у меня язык не поворачивался признать, что меня, как нашкодившую школьницу или особо опасный преступный элемент, посадили под домашний арест. Аксиныя догадалась сама. Смышленный ребенок.

– Яга не пускает? – В ее черных глазах плясали насмешливые искорки.

Я пристыженно кивнула.

– Хочешь отпрошу? – добродушно предложила девочка. – Со мной отпустит.

Чувствуя себя совершенно уцербной, я приняла предложение.

Не знаю, чего Акси́нья пообещала моей домомучительнице, может, водить меня на поводке, только Яга вышла на крыльцо и благодушно разрешила посетить город и представление под бдительным оком десятилетней девочки. Потом бабуля вручила литровую крынку с мутной жидкостью.

– Это тебе настойка из пустырника и трын-травы! – Яга сверлила меня испытующим взглядом. – Ты давеча на нервы жаловалась, на беспокойство. Так вот, пей тридцать капель три раза в день, и нечего шастать куда попало, – гавкнула она.

Спорить и сопротивляться я сочла нерентабельным. Тут же при ней плеснула немного жидкости – немного, это условно, поскольку сами как-нибудь попробуйте на глазок накапать тридцать капель из тазика в стакан.

Показательно выпила. Отдала крынку бабуле, она, гордо вскинув нос, ушла. Мы с Акси́ней поспешили со двора, пока Яга не передумала.

Глава 18

Надо заметить, что экскурсия по городу в сопровождении моей юной подруги-конвоира протекала довольно весело. Девочка тыкала пальцем направо и налево, рассказывая про встречающихся знакомых нелепые и забавные истории.

– Вон Матрена Федоровна. – Акси́нья указала на дородную краснолицую тетку с двумя корзинками. – Она на собрание старост прорывается, как на войну. Борется, чтобы бабы тоже принимали участие в важных городских делах и слово имели. А мужики ее обдурили. Поставили главной над благотворительным базаром в пользу больнички при церкви. Она как веретено крутилась, неделю все готовила и красоту наводила, а потом узнала, что благотворительная – это бесплатная. Ее, торговку с сорокалетним стажем, чуть удар не хватил. Мужики хохотали... Только и она не так проста. Ей дырявое лукошко не впаришь. Она выход с базара сделала платным, так что всему городу раскошелиться пришлось.

– А вон Гаврила Никитич. – Похоже, девочка знала все городские сплетни, впрочем, как и все в этом городе. – Большой любитель наливки. Так жена куда ее только ни прячет, а он все равно находит. Даже в землю зарывала. А как-то возвращается домой пораньше и видит – он за их Шариком следом ходит и приговаривает: «Ищи, Шарик! Ищи!» Гаврила Никитич спойл пса, и тот теперь наливку даже у соседей чует.

Балаган представлял собой огромный цветастый шатер. У входа толпился народ. Размалеванные шуты звенели колокольчиками и зазывали на представление. Мы купили по петушку на палочке и прошли внутрь. Не то чтобы мне нравился вкус жженого сахара, но попкорна и колы не оказалось в ассортименте. Ряды скамеек по кругу, каждая следующая немного возвышается над предыдущей. В центре крытая красным ковром арена. В общем, очень похоже на цирк.

Акси́нья в глубоком восторге разглядывала все вокруг, а на представлении и того пуще – замирала с открытым ртом в полном экстазе на грани обморока. Впрочем, в подобном состоянии находилось большинство зрителей. Позади нас парочка пацанов с

аптечной точностью пересказывала друг другу представление, слегка опережая события. Сколько раз смотрели, если наизусть выучили? Лично мне показалось, что лицедейство длилось чересчур долго, про антракт здесь, похоже, никто не слышал. Наконец, когда голова уже трещала от грохота музыки и фанфар, а взгляд перестал улавливать перемещение выступающих по арене, представление закончилось. Наградив артистов заслуженными аплодисментами, публика потекла на свежий воздух. Счастье, светившиеся в глазах моей спутницы, с лихвой искупало бесполезно и скучно убитое мною личное время.

– Здорово, да? – ликовала Аксинья. – Двенадцать кувырков через голову. Будто в самом деле летает. А собачек видела, тринадцать штук – все понимают. Умненькие такие и чудные.

Я старалась как могла поддержать беседу.

– Вот, я же говорила, на настоящем представлении все взаправду, и шутов ровно тридцать три человека. Не то что во дворце. У каждого по четыре бубенца на костюме и по пять конфет-застежек. – Счет Аксинье давался отлично.

Я хотела сказать девочке, что, наверное, во дворце не было возможности показать все представление полностью. И времени не было, и оборудование специальное необходимо, но в этот момент в двадцати шагах от нас появилась славная парочка – Милолика и Митя. Они так мило шептались, сладко ворковали и нежно обнимались, выходя с того же представления, что и мы. У меня сразу пропали настроение и дар речи. К счастью, Аксинья находилась под яркими впечатлениями от увиденного и не заметила моего превращения в безмолвную статую.

Где-то в желудке заворочался обжигающий шар ревности, разрывая сердце на части. Тупая боль разлилась по телу и почему-то сосредоточилась в кончиках пальцев. Смотреть на Митю и Милолику было невыносимо, я отвернулась. Аксинья тянула меня к ларьку с мороженым. Я не могла отказать, хотя уже предвидела, что сейчас нос к носу столкнусь с Митькой и его пассией. Он, не глядя вперед, увлекал хохочущую Милолику к мороженщику, видимо желая закрепить полученный от представления результат и обеспечить себе лично полный успех у дамы.

Мы оказались у ларька первыми. И я услышала знакомое бархатное: «Привет!» – над ухом, как раз получая в руки два розовых

рожка от усатого мужика в разноцветном поварском колпаке.

– Как вам представление?

Никогда я не была так благодарна Аксинье, как сейчас. Пользуясь подвернувшимися свободными ушами, она старательно завела восторженную песенку. Мне осталось только собрать всю волю и самообладание в кулак, нацепить на лицо вежливую улыбку и постараться не раздавить мороженое. Очень хотелось размазать сладкую ледяную массу по довольной наглой физиономии. Но мы, девушки с психикой, закаленной в дебрях асфальтовых джунглей, подобным образом себя не ведем. Мы напускаем на себя безразличие, окидываем высокомерным взглядом, тоскливо зеваем. Примерно то же самое постаралась проделать и я. Между нами говоря, актриса я так себе, но старалась изо всех сил. Нахальная улыбка с Митькиного лица сползла, то есть настроение я ему подпортила, что считаю личным достижением.

Сославшись на обещание вернуться пораньше, данное Яге, мы распрощались с парочкой. Митька не упустил случая ехидно подколоть:

– И то верно! Задерживаться не следует, а то Яга женщина боевая, поварешка всегда при ней.

Послав ему убийственный взгляд, я демонстративно попрощалась только с Милоликой.

Глава 19

Я корила себя за собственную буйную фантазию. Напридумывала себе невесть что. Большую сказочную любовь. Решила, что он за меня переживает, беспокоится. Да он так о каждой юбке беспокоится! Права Лукерья, к нему очередь и он, по всей видимости, ведет активный прием. Это у меня от него дыхание сводит и кровообращение переклинивает, а у него таких хоть отбавляй. И Митька по этому поводу сильно не заморачивается.

Я вспомнила, что вчера во время отравления в трактире мы ушли и не расплатились с хозяином. Нехорошо получилось. Аксинья со мной согласилась, и мы отправились в трактир, вернуть долг и поддержать владельца общепита, который после происшествия наверняка терпит убытки.

Впрочем, утешение ему не понадобилось. У дверей трактира толпилась кучка народа. Ждали, когда освободятся столики. Паренек в яркой синей рубахе бойко вел запись. Отравление посетителей привлекло, а не отвадило.

Я и не надеялась попасть внутрь. Но едва мы с Аксиньей приблизились к дверям, на крыльцо вышел сам хозяин и радушно, под локоток, проводил в трактир.

– Вот, полюбуйтесь, – восторженно представлял Аврек Афроимович. – Нововведение у нас. Народ на него жутко падок оказался. Все желают попробовать коктейль «Дарья».

Я потеряла дар речи. Мало того что я стала пособницей развития алкоголизма в Тринадцатом царстве, так еще каждый наверняка будет это знать. Нам подали стаканы с веточками смородины на краю. Аксинья тут же залезла в стакан любопытным носом. Я отняла у нее коктейль, проигнорировав надутую физиономию. Вот только еще при мне детей спаивать!

– Аврек Афроимович, – начала вкрадчиво, от чего мужик прям засветился, – дело в том, что этот коктейль называется по-другому.

Трактирщик задумался на секунду, потом опять расцвел непробиваемой улыбкой.

– И как?

– «Космополитен», – без зазрения совести выпалила я первое пришедшее на ум название.

– Нет, не пойдет! – отрезал Аврек Афроимович. – Наш народ это название не потянет.

– Ну, можно как-то по-иному назвать, более подходяще, – не унималась я.

– Так называли же уже! – Мужик лучезарно улыбнулся, куда я клонила, он искренне не понимал. – Людям нравится!

Я решила пойти кратчайшим путем.

– Аврек Афроимович, давайте начистоту! – быстро и по-деловому предложила ему. – Я вам напишу еще четыре рецепта коктейлей, и в названии ни одного из них мы не будем упоминать мое имя. Идет?

– Идет! – Он сразу же продемонстрировал соблюдение условий договора. Позвал девушку из-за стойки и переименовал напиток в «Дарину», поменяв веточку черной смородины на гроздочку красной.

От денег трактирщик настойчиво отказывался. Пора было уходить.

– Мы почти партнеры, Дашенька. Вы мой самый желанный гость. Приходите в любое время. Здесь вам всегда рады. Благодаря царским невестам мое заведение процветает. Даже тот неприятный инцидент в присутствии четырех из них... – Хозяин состряпал страдающую гримасу. – Не повлек за собой безжалостного разорения, потому что вы посещаете мой трактир.

– Трех, – автоматически исправила я. Понимаю, что хозяину хотелось преувеличить, но и того, что было на самом деле, вполне достаточно.

– Четырех, – не моргнув глазом уточнил Аврек Афроимович. – У меня отличная память, я всегда знаю, кто у меня в гостях.

Я насторожилась:

– Я, Забава, Лукерья... Был кто-то еще?

– Да, о чем я и говорю, Василиса Прекрасная обедала со своим знакомым. Они, конечно, хотели остаться инкогнито... Но какие у меня могут быть секреты от моего партнера?

Мы уже стояли в дверях и вежливо прощались. Какая-то мысль крутилась в голове, но мне никак не удавалось ее уловить. Надо вернуться домой и поразмыслить. К тому же в городе делать больше нечего. Обещание, данное Бабе-яге, стоило сдерживать, обстановка и так

взрывоопасная. Мы, мирно болтая, возвращались домой. Уже на нашей улице Аксинья встретила соседских девчонок и остановилась поделиться впечатлениями. Я, понимая невинную потребность похвастаться, остановилась немного поодаль, облокотилась на изгородь и сделала вид, что разглядываю чей-то сад. А потом, не признаваясь же первым встречным, что это десятилетняя девочка приглядывает за мной, а не я за ней и что она непременно должна сдать меня с рук на руки Бабе-яге. Солнце светило в полную силу, даже раскидистые деревья не укрывали от его палящих лучей. Сделалось невыносимо душно. Ком подкатил к горлу, в глазах помутнело, потом потемнело, мне показалось, я падаю в обморок. Ноги подкосились, я тихо опустилась на землю.

Вдруг рядом возникло странное и уже знакомое существо. Вроде мужичка невысокого роста, сильно заросшего, с кожей кирпичного цвета. В простой рубашке и штанах, заправленных в кожаные сапоги. На голове рожки как у барана, завитые колечком, только поменьше. Ну почему у меня все не по-человечески? Когда человек перегревается на солнышке, ему мерещатся шум моря и прохлада деревьев, даже к алкоголикам в белой горячке белочки приходят – милое животное, ко мне же черти зачастили! Гость дружелюбно улыбнулся и протянул мне руку. Как ни странно, головокружение и тошнота прошли, я прекрасно себя чувствовала и без малейших раздумий подала ему руку, думая, что он желает мне помочь подняться с земли. Что-то острое полоснуло меня по пальцу, и чертенок моментально приложил к ране белый платок. Ну вот, всегда так со мной! Рассчитывала на галантность, а взамен получила травму. Я отдернула пораненную руку и рассерженно ударила его другой, что-то блеснуло и выпало у него из лап. Чертенок попытался оставить себе платок, но он зацепился за браслет. Будто издалека я услышала голос Яги: «Даша! Дашенька!» Черенок перестал бороться за платок и, испуганно заморгав, быстро поковылял в сторону. Я пробежала за ним несколько шагов, даже не осознавая, что вокруг крошечная темнота, а дома, деревья, девчонки и забор исчезли. Рука Бабы-яги будто выдернула меня из черной пустоты, крепко схватив за локоть. Солнце снова обожгло жаром, улица вернулась на свое место, а вместе с ней и обеспокоенные глаза бабули. Она трясла меня за плечи, лупила по щекам и орала:

– Что, что ты видела?

– Да ничего особенного, – испуганно пролепетала я. – А ты, ты сама-то не видела, что ли? Он же только что был тут.

– Кто? Кто тут был?

– Ну, чертенок, коричневый такой, рогатый! – Я провела рукой по лбу. Вспомнила про царапину и платок.

Поднявшись, пошарила взглядом по земле, подняла осколок стекла с запекшейся каплей крови и протянула Яге. – Вот, он меня этим поцарапал и убежал.

Никогда бы не подумала, что у человека глаза могут вращаться на триста шестьдесят градусов и одновременно выпучиваться в глазницах. Хотя Яга, наверное, не совсем человек. Она нервно огляделась по сторонам и, беспардонно схватив меня, потащила в дом.

Там десять раз кряду я рассказывала, как наступила темнота, как выглядел чертенок, как он порезал мне палец, как я его ударила и как выпала стекляшка. Подробно, во всех деталях, которые только могла вспомнить, описывала вредителя, уже не надеясь вникнуть в сложную градацию от анчутки до бесов. Царапину продемонстрировать не получилось, но бабка поверила на слово и отнеслась к истории на удивление серьезно.

Потом объявился Митька, и я еще раз повторила все слово в слово. И еще раз. И еще. Они долго не мигая смотрели друг на друга – наверное, у них телепатическая связь. Мне так и мерещились радиоантенны у них в затылках.

– В наступление перешел, – наконец заключила Яга задумчиво. – Стало быть, боится. Поди, девонька, погуляй, подыши воздухом, отдохни, – не поворачиваясь ко мне, елейным голосом пролепетала бабуля. Понятное дело, выпроваживает, опять совет держать будут и опять без меня. Да ну их! Я вышла во двор.

Глава 20

Свернув за угол, я села на поленницу дров напротив чучела. Оно галантно приподняло шляпу с прорезами, приветствуя меня. Брр! Вроде чучело-то симпатичное. Почему оно мне фильмы ужасов напоминает? Здесь же на грядках копошился Феофан, старательно пропалывая огурцы и кабачки. Отрабатывал повинность, наложенную Ягой. Мужичок отмылся, причесался и переоделся. Сейчас он выглядел вполне импозантно и ухоженно. Избушка на курьих ножках тоже похорошела. Чистая и прибранная, с новым сеном на крыше, она смотрелась милым сельским домиком, а не одичавшей курицей, как после приезда.

Я не понимала, отчего Яга с Митей всполошились. Сейчас мне уже казалось, что чертенок мне вполне мог привидеться. Выяснить, кто невест травит, по-моему, гораздо важнее. Я постаралась сложить все известные мне факты в одно целое.

Самой подозрительной личностью выглядела Василиса. Во-первых, у Василисы сильно потрепанный ларец. Замок сломан, камешки отсутствуют, завитушки потертые. Замок вполне мог сломаться от того, что ларцом кого-то ударили, например, меня.

Во-вторых, я не помнила ее у скомороха. Она осталась с Золушкой и, пока никого не было, воспользовавшись случаем, отравила ее. И в-третьих, Василиса была в трактире, да еще с мужчиной. Значит, она имела возможность отравить меня и Забаву, если бы мальчик не оказался таким любопытным. Василиса или ее сообщник могли незаметно подсыпать отраву в стаканы. Когда я заходила к ней в гости, у нее кто-то был. Она... Бубенчик, точно! Василиса передала за занавеску бубенчик. Ее сообщник – шут из балагана. Так, все сходится. Нападали на меня как раз двое, мужчина и женщина. Пока шло представление во дворце и сама Василиса сидела на виду у всех, ее сообщник отравил Аленушку, она сопротивлялась и оторвала бубенчик с костюма, который и нашли в руке у девушки. Аксиныя сосчитала, одного шута не хватало на сцене. Василиса живет во дворце, умудрилась выкрасть улику – бубенчик, и передала своему помощнику, чтобы того не заподозрили. Как раз в момент передачи я и пришла к

ней в гости. В трактире, увидев нас с Забавой, она решила убрать сразу двух невест. Но ей помешал любопытный официант. Сегодня на представлении в балагане выступали все шуты, и у всех бубенчики были на месте. Аксинья посчитала, и конфеты...

Меня опять «щелкнуло». У Золушки Марфа развернула конфету, а в ней ничего не оказалось. Пустой фантик. Надо было тогда спросить у нее, где она конфету подобрала. Вот все и сошлось. Интересно, кто у них тут ордера на аресты выписывает? Царь, поди?

Только улики косвенные. Стопроцентных доказательств нет. Надо, конечно, все рассказать Бабе-яге и Митьке, но я на них злилась и совсем не хотела делиться с этими заговорщиками результатами, как мне казалось, удачно проведенного расследования. К тому же была вероятность, что они не отнесутся к моим умственным изысканиям серьезно. Надо самой придумать, как преступницу на чистую воду вывести. Солнце перевалило за полдень, и стена терема больше не спасала от палящих лучей. Феня, закончив работу, удалился в неизвестном направлении. Пугало безмятежно дремало. В избушке на курьих ножках, наверное, прохладно. Интересно, она не будет возражать против гостей? Одолеваемая любопытством и жарой, я тихонечко подошла к домику. В школе меня не учили разговаривать с ногастыми домиками, я вообще не была уверена, что избушки на курьих ножках разговаривают. Как с ней Яга общается, тоже неизвестно. Поэтому начать я решила традиционно, как с собакой или кошкой:

– Привет, – и нежно погладила ее по бревну.

Избушка легонько качнулась и свесила деревянную лестницу.

– Заходи, раз пришла, – отчетливо услышала я. – Не верти головой, меня слышат только те, с кем беседу веду.

Это хорошо, что она сразу прояснила ситуацию. А то я уже печально подумала о галлюцинациях.

Я вскарабкалась по ступенькам и зашла внутрь. А чего? Пригласили ведь. В доме было мило и чисто. Единственная комната, два окна на разные стороны, печь. Посередине огромное гнездо, в нем три разноцветных яйца внушительных размеров. Страусиных яиц я никогда не видела, но они бы точно обзавидовались.

– Как там Ягуша? Буянит? – лениво поинтересовалась изба.

– Да нет, успокоилась. Совет у них с Митькой. – Я внимательно разглядывала интерьер. Скамейки под окнами, цветок на окне, веник березовый, котелок чугунный и прочие мелочи русского быта.

– А, чем бы ни тешилась, лишь бы не орала, – небрежно высказала пожелания моя собеседница – Не люблю шума!

– Как путешествие прошло? – светски поинтересовалась я, присаживаясь на пол возле гнезда.

– Отлично! – В голосе избы послышался интерес. – Ух, я тебе скажу, погуляла я вдоволь. И на народ поглядела, и себя показала. А то сидела тут у Яги как в тюрьме. Нет, у Яги хорошо, как на квартирнике у барда, но и мир поглядеть надо. Что я здесь окромя ее огорода видела? Кроме Фени и пугала никакого общества. А там...

Дальше понеслось повествование о невиданных чудесах, чужедальних странах, об их неслыханных обитателях. Рассказ в моих замечаниях не нуждался. «Да ты что?» и «Здорово!» собеседницу вполне устраивало. Видать, я задала избушке вопрос, который она мечтала услышать, и теперь радостно и с удовольствием вещала о своем вояже. Я рассматривала яйца. Гладкие, разноцветные, с радужными переливами. Аккуратно размещенные в пушистом сене, заботливо обложенные множеством подушечек. Яга ругалась и ворчала, но о будущем потомстве заботилась. У родной мамыши я особого радения об отпрысках не заметила.

– ... ну, ухаживал он, конечно, умереть – не встать, – томным голосом вещала рассказчица. – Я прямо млела и таяла. Влюбилась в него как кошка, в огонь и в воду за ним пошла бы. Но оказался, как и все, сбег, еще и часть моей крыши с собой прихватил.

Я пропустила, о ком именно рассказывала избушка, переспрашивать же казалось как-то неудобно. А она все продолжала:

– В общем, пустилась я в погоню. Во-первых, крышу свою вернуть. Во-вторых, фасад его начистить. А в-третьих, я все равно в ту сторону собиралась. Переплываю я Царь-реку брассом, чувствую тяжесть. Ну точно, к вечеру вон эти появились. Делать нечего, пришлось домой возвращаться.

Как-то мне было неловко слушать интимные подробности из личной жизни деревянной постройки, я не знала, куда спрятать глаза.

– Ну ничего, вылупятся уже скоро, а там я второе путешествие начну, – поделилась планами изба.

Вот тут я сделаю вид, будто этого не слышала. В гнезде что-то блеснуло, сначала я решила, что монетка, но обнаружила очень забавный камушек. Ярко-красный, с золотыми звездочками.

– Яге, чтобы не скучала, избушат оставлю на воспитание...

«То-то бабуля обрадуется прибавлению в семействе», – подумала я.

А изба как ни в чем не бывало продолжила:

– А сама пойду доглядывать то, что еще не доглядела, показывать то, что еще не показала.

«Интересно, со сколькими отпрысками она явится после второго вояжа?» – пришла мне в голову забавная мысль. С такими талантами избушки на курьих ножках Яге скоро можно будет бизнес открывать. Так и виделась вывеска на заборе: «Питомник избушек на курьих ножках». По крайней мере, занятость Яге обеспечена. Чтобы избавиться от зловредных мыслей и сменить тему, я поинтересовалась, играя найденным камушком:

– Это сувенир из путешествия? Или на счастье в гнездо кладут?

– Понятия не имею, – безразлично выдала изба. – Ой! Мусор какой-то. Ой! Ой! Ой!

Из гнезда донесся стук.

– Ага, началось! – всполошилась изба. – Ну, чего сидишь как на именинах? Ой! Ой!

Яйца зашевелились, стало очевидно, что изнутри кто-то прорывается.

– Ягу зови! – гаркнула избушка так, что я чуть не оглохла и кубарем вылетела на улицу. Не то чтобы я очень шумно громыхнула со ступенек, но пугало встрепенулось и быстро завертелось вокруг своей оси. От этого вертолета у меня сердце упало в пятки, а желудок подскочил к горлу. Летевший на всех парах к избушке Феня по-хамски отпихнул меня локтем и окинул гневным взглядом. На ватных ногах, с замирающим сердцем я доползла до двери терема. Остановилась унять сердце, грозившее выпрыгнуть из груди. Прокашлялась. Мне казалось, у меня дар речи пропал после такого аттракциона. Через окно доносились бурные выяснения отношений.

– Отправь обратно! – орал Митька. – Не имеем мы права так рисковать! Тебя же совесть замучает, всю жизнь грех замаливать будешь!

– Ха! – фыркнула Яга. – Как бы не так! И не то вытворяла! Тебе, молодец, и не снилось, сколько я народу из-за прихоти своей сгубила! А тут во благое дело, царства-государства ради!

– Я не согласен! Не хочу я такой ценой!

– Глупости! Мелочи! Блажь! – рывкнула Яга. – Выпей трын-травы, все пройдет! И не дури мне, старой, голову! И так дел невпроворот, все в один узелок связать надо!

Я честно не собиралась подслушивать, да и бесполезное это дело. Едва ступила на крыльцо, разговор замер и Яга приветливо распахнула дверь.

– Случилось чего? – Улыбка у бабки была наинейшей, насколько это вообще возможно при наличии клыков.

– Ага! – кивнула я. – Да! Это... – Слова у меня как-то сразу кончились. – Того, они вылупляются.

Благо Баба-яга была женщиной догадливой и прозорливой, можно сказать, схватывала на лету. Быстрее молнии она пролетела мимо меня, я только и успела заметить, как бабка скрылась за дверями избушки.

Грозный и мрачный Митька сидел за столом. Пред ним стояла нетронутая тарелка.

– Там избушата вылупляются! – сообщила я ему, обретя наконец дар речи. Ответом меня не удостоили. Митя смотрел как будто сквозь меня. От такого взгляда жуткие мурашки пробежали по спине. Я тихонечко присела на скамейку, в очередной раз чувствуя себя виноватой и в очередной раз не понимая в чем. Разговор не заладился.

Попяпились некоторое время друг на друга, точнее, я на него, а он на стенку сквозь меня, потом Митька встал и вышел. Вот хам трамвайный! Даже не попрощался. Показав ему язык, я налила себе молока и взяла пирожок. Интересно, сколько Яга в избушке на курьих ножках провозится? Успею я до Марфы сбегать? Хотя где она живет, я не знаю, а вот если мое отсутствие заметят, меня уже ни одно расследование не спасет. Как ни крути, а придется завтра Аксинью еще раз в балаган вести.

В воротах показалась Кикимора. Вот я балда, даже не поинтересовалась, чем ее дело с русалкой Сюзанной закончилось. Хотя, судя по довольному и цветущему виду женщины, дела шли успешно.

– Здравствуй, милая. Яга-то где?

– Яйца у нее вылупляются, – сообщила я с набитым ртом. – В избушке она.

– Тут мешать не стоит! – Кикимора чувствовала себя у Яги как дома. Налила себе чаю, Тимофею молока. Правда, кот проигнорировал угощение. Еще бы, после миски сметаны! Она бы ему еще водички налила!

– Как Леший? Как Сюзанна? – поинтересовалась я для поддержания беседы.

– Ой, – всплеснула руками Кики. – Ты как в воду глядела! Все удалось, все сложилось. Емеля с печкой своей помогал, быстро управились. Вертихвостка эта поорала, конечно, для важности, но как только я пригрозила, что посреди леса на пеньке ее оставим, так сразу заткнулась и до самой реки не пискнула. Леший еще грустит. Глядит на золотую рыбку в аквариуме и вздыхает. Думает, его зазнобу заколдовал кто-то и надо ее расколдовывать, злодея побеждать. – Кикимора залиvisto засмеялась. – Вчера так даже в путь-дорогу собирался. Говорит: «Чем я Ивана Царевича хуже, за тридевять земель пойду за возлюбленной своей». А я ему: «Пойдешь-пойдешь, милый! Пойдешь-пойдешь, ненаглядный! Ты не хуже, ты лучше! Вот, выпей на дорожку!» Он стопочку снотворного хлоп – и на бочок! И порядок! Второй день спит. Ничего, проспится! – Кикимора довольно прищелкнула языком.

– Ну, поздравляю! – Я искренне радовалась за Кикимору и за ее отвоеванную семейную жизнь.

– У меня для тебя подарок есть, – заговорщицки прищурилась Кикимора. – В благодарность за то, что ты для меня сделала.

– Да пустяки, не стоит!

Не обращая на мое смущение внимания, женщина протянула мне маленький кружочек, похожий на тонкую стекляшку в крапинках и радужных разводах.

– Это рябая чешуйка из хвоста русалки, – объяснила Кикимора. – Говорят, она помогает правду и ложь различать, может, пригодится, может, на память останется. Не у каждой русалки бывает, а вот у этой вертихвостки отросла. Так я дернула. Сюзанна орала, конечно, но ничего, с нее не убудет.

– Спасибо большое. – Не очень понимая, как эта чешуйка действует, я положила ее в карман.

– А в городе-то чего творится! – Похоже, ей не терпелось поделиться последними новостями и сплетнями. – Гномы Белоснежку увезли!

– Куда увезли?

Дождались, из города началось массовое бегство!

– Сказали – в безопасное место. – Кикимора рассмеялась. – Царей, говорят, пруд пруди, в каждом царстве есть, а она у них – сокровище ненаглядное, в единственном экземпляре. Ее, дескать, уже травили раз, организм хрупкий, нежный. Иммунитет следующего раза может и не выдержать. Вот так! Пожитки упаковали и свалили всем низкорослым табором. Поминай как звали!

Вот дурдом! В рядах невест такие убытки, что я скоро одна останусь, и за отсутствием выбора царю придется на мне жениться.

– Рапунцель тоже, – как ни в чем не бывало продолжила Кикимора, – фортель выкинула.

– Что, тоже сбежала?

Это уже чересчур.

– Нет, хуже!

«Куда уж хуже, – печально подумала я. – Если только отравили».

– Заперлась в своей башне и выходить отказывается. Мол, обстановка у вас тут беспокойная. – Кикимора ухохатывалась. – Обещает три раза в день косу свою скидывать, чтобы царь мог по этой косе к ней взобраться. Да, видно, у девицы нервы сдают, путается больно. С утра косу блондинистую кидала, в обед рыжую, к вечеру народ черную ждет. Пока желающих к ней подняться нет. Люди к ее башне как на представление ходят, подозревают, что волосы не свои кидает, искусственные, – из глаз Кикиморы от смеха лились слезы. – Но! – давясь смехом, Кики вскинула вверх указательный палец. – Наш цирюльник, Семен Всеволодович, заверяет, что косы из настоящих волос. И раз никто по ним лезть не собирается, не пристало добру пропадать. Из каждой косы не меньше чем пять париков получится. Он уже и ножницы с утра точит.

Мы хохотали вместе.

– И то верно, – подытожила Кикимора. – Хоть на парик сойдут. Царь-то к ней все одно не полезет. Он высоты боится! Да и не пристало русским царям по стенам лазить.

Наше веселое времяпрепровождение прервали шум и грохот, донесшиеся со двора. Выбежав, мы остолбенели. Прибавление в семействе я представляла себе совсем иначе.

Глава 21

Яга и Феофан изо всех сил удерживали дверь избушки на курьих ножках. Оттуда кто-то активно рвался наружу, сопровождая бой за выход громким кудахтаньем. Кики бросилась на помощь. Втроем им наконец удалось захлопнуть дверь и запереть ее кочергой. Вспотевшие и обессиленные, все плюхнулись на крылечко. Изба ходила ходуном, из печной трубы летели пух и перья, из окон посуда и мелкая мебель, от двери начали отлетать щепки.

– Им загон нужен! – кричал Феня. – Дверь не выдержит долго.

– Сама знаю, что нужен, только какой загон этот ураган выдержит? – орала в ответ Яга.

– Строить некогда, колдуй чего-нибудь! – не унимался домовик.

– Сам наколдуй, если такой умный! – отвечала ему пунцовая бабка. – Здесь подготовка специальная нужна!

– А раньше ты об этом подумать не могла? Тоже мне, Баба-яга называется! – Феня сдаваться не собирался.

– А вы бы еще к вечеру приперлись и выводок свой мне в огород спихнули! – У Яги только искры из глаз не сыпались. – Когда я думать должна была?

Видимо, в этот момент избушка на курьих ножках решила вставить свое веское слово, скромно напоминая, что ее вот-вот разнесут. Очень некстати. Яга и Феня обернулись и разом гаркнули:

– Заткнись!

Этот возглас, наверное, по всему городу раскатился. По крайней мере, на мгновение настала гробовая тишина, даже птички перестали петь, а пчелки жужжать. Зато в следующий момент...

Дверь из избы вылетела с такой силой, что сбила Кикимору с крыльца, подхватила Ягу и Феню на себя, со свистом пролетела мимо обалдевшего чучела и под крики бабки и домового приземлилась на аккуратную грядку с огурцами. Не успела Баба-яга оценить ущерб, нанесенный ее огороду, и обругать кого-нибудь, в этом виновного, как в дверной проем избушки на курьих ножках выскочили три милых на первый взгляд избушонка.

Три точных копии бабкиной избы-путешественницы, различные лишь по цвету коньков на крышах – синий, зеленый и желтый – ростом чуть выше колена и шумностью выше всяких норм, замерли возле родительницы. Не успела я смахнуть слезу умиления, как эта ватага пошла вприпляску и вприскок по огороду ошеломленной Бабы-яги, оставляя за собой полный разгром и кавардак. У бабули пропал дар речи, она с открытым ртом глотала воздух и трясла головой. Феня бесследно исчез. Пугало, поняв, что путь-дорога этой низкорослой братии пролегает через него, продемонстрировало чудеса гимнастического искусства. Волчком взвилось вверх, выкручиваясь из земли, перекувыркнулось через голову и выпрыгнуло за забор. За дальнейшими событиями оно наблюдало уже из безопасного соседнего огорода.

Признаюсь честно, когда эти юные гиперактивные новорожденные постройки стали приближаться ко мне, играя в чехарду и перепрыгивая друг через друга, меня тоже посетила мысль – а не податься ли поближе к пугалу? Оно как-то даже стало привлекательнее на вид, особенно из соседнего огорода. Но такой прыжок я не потяну, а добежать не успею, поэтому я просто залезла на завалинку и постаралась как можно плотнее вжаться в стену. Пронесло!

Избушата скакали по огороду и двору Яги, круша все на своем пути. Бабка с Кикиморой бегали следом и безуспешно пытались отловить детвору. Но надежда справиться с тремя деревянными спиногрызами таяла на глазах. Мамаша предприняла слабую попытку прийти на помощь. Но едва она занесла ногу, дабы сделать шаг в сторону чересчур расшалившихся детишек, Яга гавкнула:

– Стоять! Тебя огород не вынесет! – На мой непрофессиональный взгляд огороду терять уже было нечего, его и так неравномерно перекопали. Но бабуле виднее.

Старшая избушка на курьих ножках ничуть не расстроилась, улеглась на место и, что называется, отвернулась к лесу передом, точнее, к нам задом.

Каким-то беспокойным задним умом я понимала, что народу надо бы помочь, но инстинкт самосохранения не давал отлепиться от стенки. Впрочем, совесть победила. Сказав себе, как Станиславский: «Не верю! Курицы – они и деревянные все равно – курицы!» – и

стараясь сохранять спокойствие, я ринулась в бой. Погорячилась конкретно. Избушата вмиг узрели во мне соперника. Их веселье приобрело смысл. Я для начала и уточнения экспозиций схлопотала коньком в бок. Как они только допрыгивают, паразиты? Потом получила фасадом под зад и, распластавшись на земле, почувствовала на спине пробежку нескольких пар лап. Видимо, для большего увеселения кто-то пробежал по мне пару раз. Я сразу сдалась и тихо поползла к дому. Для убедительности – не поднимаясь с земли, в слабой надежде, что избушата в курсе: лежачего не бьют.

Оглядевшись, отчетливо осознала: силы не равны. Наш отряд неизбежно падет. Точнее, уже пал. Кикимора отдыхала возле забора, на месте, где раньше красовалась поленница. На устах женщины играла блаженная улыбка, видимо, хорошо приложилась головой. Поленница в виде разбросанных дров теперь валялась по всему двору. Раньше тут чинно зеленела ухоженная травка. Теперь травка нигде не зеленела. Ее нещадно вытоптали.

По двору Яги словно прошел Мамай, причем неоднократно, да еще на пару с римской конницей.

Яга еще держалась. Схватив зеленого избушонка в охапку, она изможденно прислонилась к забору. Оставшаяся парочка крытых сеном бесенят готовилась к атаке. Наставив коньки на бабулю, они рыли землю куриными лапами, пуская дым из труб. Яга, быстро сообразив, что штурма не вынесет, отпустила избушкиного отпрыска, и вся троица, легко перемахнув через отчаявшуюся старушку, ускакала в огород Аксины.

– Нет, – выдохнула Яга. – Стара я стала для детей.

– Ироды это, а не дети, – подала голос Кикимора.

– А кто говорил: «Дети – это счастье, да еще тройня!» – передразнила ее подруга.

– Да кто ж знал, что эта тройня такая бешеная окажется, – искренне обиделась Кики.

Я в спор вступать не собиралась. Я изо всех сил старалась думать о будущем. В соседском огороде новорожденная тройня может долго не прорезвиться. А если дело и дальше так пойдет, то скоро от города останутся руины. А вокруг – опрятно перепаханное поле. Впрочем, вести охоту дальше просто некому. Потери в наших рядах очевидны. Яга хромала теперь на обе ноги, на лбу зияла здоровенная шишка,

сквозь разодранную одежду светились синяки и ссадины. Кикимора выглядела примерно так же, только еще ступала неровной поступью, держась за стеночку. Надежда оставалась только на неиссякаемые запасы настойки из мухоморов. Втроем мы сидели на крыльце в глубокой задумчивости. Сил спасти государство от нашествия беснующихся домиков не было. Подсчитывать нанесенные убытки рано. Зловредная интуиция подсказывала: это еще не конец.

– На цепь сажать надо, – наконец вынесла приговор Яга. – Пока загон не построим, цепь к дубу через дорогу, и каждого избушонка поштучно отловить и привязать.

– Дуб не жалко? – вяло поинтересовалась Кикимора.

– Жалко! – согласилась Яга. – И дуб жалко, и огород, и Аксинью, и Наталью, и весь город жалко, и тебя, дуру. А больше всего себя жалко!

– Дуб старый, вековой, чего ему будет, он и не такое видывал! – легко согласилась Кикимора.

Дело осталось за малым – отловить извергов на курьих ножках. Цепи бабуля брала на себя. С обреченным видом каторжников, идущих на смертную казнь, мы поднялись...

И тут с разудалым криком: «Э-ге-гей!» – в ворота въехала Аксинья верхом на избушонке на курьих ножках. Оседланный гаденыш с синим коньком скакал как взбеленившийся мустанг и изо всех сил старался скинуть девочку. Но ее это ничуть не смущало. Ловко угадывая все его маневры и легко удерживаясь в седле, точнее, на крыше, юная наездница прошла галопом по двору.

– Куда загонять, бабуля? – прокричала девчонка. – Второй в загоне для коров, а третьего я упустила. Убег, гад!

Бабуля подобрала челюсть с пола и поинтересовалась:

– В загоне для коров, говоришь? А коровы где?

– Коровы на летнем пастбище! – Аксинья являла чудеса джигитовки. – Мамка отвела, через месяц вернутся!

– А загон у вас крепкий? Эти чертенята не вырвутся?

– Куда им! – уверенно пообещала девчонка. – Для быка Вольки строили, а ему сам черт не брат!

– Аксинья, сдашь загон в аренду, пока мы свой не построим? – выступила Яга с деловым предложением.

– Берите, жалко, что ли?

– Ну, тогда давай домой, аллюром! – скомандовала бабуля.

– Э-ге-гей! Пошел, родимый! – Аксинье скачки явно пришлись по душе.

Как только наша процессия во главе с всадницей на избушонке выбралась за ворота, навстречу попался Митька с добычей. Парень нес брыкающегося избушонка на вытянутой руке. Мелкая строительная постройка старалась дотянуться до Митьки, изловчиться и лягнуть, но ножки были коротки.

– Бабуль, ваша пропажа?

– Наша, наша, а то чья же? – запричитала Яга. – Но ежели надо кому, отдам, за так отдам в хорошие руки... – Потом подумала немного и добавила: – В любые отдам.

– Спроса не было, от них одни убытки, – хохотнул парень. – Так что скоро с претензиями придут.

Баба-яга тяжело вздохнула:

– Тащи его к Аксинье в загон, касатик.

Обещанный вольер для скотины оказался действительно основательным и добротным. Тщательно сколоченные массивные доски, между ними щели в две ладони – все видно, а выбраться невозможно – образовали закрытое помещение со стенами приличной высоты. Судя по тому, что один избушонок все еще скакал внутри, не сумев выбраться, эту высоту они не возьмут. Троица сразу завозилась, засуетилась, заиграла, мы же с облегчением вздохнули. Мне на память пришла история с козой. В пылу ухаживаний за Аксиньей ее самоназванный жених вполне мог выпустить пленников на волю.

– Ваську предупреди, – сказала я, повернувшись к Мите, потирая ушибленный бок. – Если он выпустит этих чудовищ, я собственноручно оторву ему уши, четвертую и скормлю Змею Горынычу. – Общение с избушатами сделало меня кровожадной.

– Смертная казнь у нас запрещена. – Митька ехидно улыбнулся, оглядывая меня – грязную и сильно потрепанную в неравном бою.

– Тогда изведу на полевых работах у Бабы-яги, – отрезала я без тени улыбки.

– Понял! – кивнул парень. – Обещаю, покой вам обеспечим.

– Покой нам только снится! – кинула ему через плечо и пошла домой.

Глава 22

Умывшись и переодевшись, а также приняв пассивное участие в наезде Яги на Феню и хорошо приложившись к кувшинчику с настойкой трын-травы, я уже более спокойно и безмятежно смотрела на жизнь. Бабуля накладывала на домового епитимью в виде обширного списка дел – на вечер, на завтра, на ближайшие три дня. Я почувствовала такую смертельную усталость, что отправилась спать, когда солнце только коснулось макушек деревьев. Спала без задних ног. Мысли не посещали, сны тоже.

Проснувшись я с чувством жуткого голода, что естественно, обед пропустила в войнах с избушатами и уснула до ужина. На улице царил темная ночь, тишина стрекотала цикадами и журчала далеким ручьем. Надо спуститься вниз, найти какой-нибудь пирожок. С детства не могу спать на голодный желудок. Сарафан висел на стуле совершенно как новый. Все-таки домовые – полезная в быту штука. Я решила не одеваться, чего зря время терять. Ни Яга, ни Тимофей, поди, не из стеснительных, даже если проснутся. Ни одна из ступеней не скрипнула под босыми ногами. Внизу горела свечка, ее мягкий колышущийся свет отбрасывал на стены жутковатые тени.

– Теперь у него есть кровь и он заранее узнает результат, – услышала я тихий голос Яги.

– У нас тоже есть ее кровь, – так же тихо говорил Митя. – Мы можем узнать?

– Нет, – спокойно ответила Яга. – Его кровь тоже нужна. Ну или чаша жадеитовая.

Я замерла, прислушиваясь к беседе. Обсуждали, похоже, меня. Но у Яги слух, как у рыси, разговор сразу смолк. Раз уж мое присутствие все равно раскрыто, прикидываться смысла нет.

Я гордо вскинула голову и настроилась на прямой разговор.

– И кому понадобилась кровь? – вызывающе спросила у заговорщиков. – Моя, я так полагаю.

– Бесу, который тебя сегодня стеклом оцарапал, – спокойно ответил Митя. – Ему нужна капля твоей крови. Ты попалась, и теперь она у него есть.

Тут я проследила за пристальным насмешливым взглядом Митьки и смутилась. Стою перед ними почти в чем мать родила. На мне, кроме короткой рубашки, нет ничего. А он, нахал, беззастенчиво меня разглядывает. Я села на ступени и прикрыла подолом рубашки все, что смогла. От смущения мысли сразу перепутались. Я злилась. Он волновал меня, раззадоривал и заставлял нервничать. С ним я все время попадала в глупые ситуации, стеснялась и заикалась. Это сбивало с толку и бесило!

– Ну и что! Подумаешь, царапина! – фыркнула я. – Не велика ценность!

– Это кому как, – безликим голосом прокомментировал парень. – Ты чего встала? Не спится? – Тембр голоса поменялся, теперь в нем слышалась забота и почти нежность.

– Есть хочу! – призналась я и отвела глаза.

Вот ничего плохого не сделала, а чувствую себя виноватой. На меня гадости сыплются, как из рога изобилия. Митька с Ягой беспокоятся обо мне, опекают, огораживают. Без них я бы давно уже, как здесь модно говорить, сгинула. Спасибо большое за все. Только впечатление у меня складывается, что жизнь моя протекает без моего участия. Они перешептываются за моей спиной, планируют что-то, решают за меня. А я будто и ни при чем.

Митька вообще играет со мной, как кошка с мышкой. То нежен, заботлив и ласков, то отстраняется, окатывает холодом, издевается и посмеивается. Добавить к этому, что меня дважды пытались убить, это не считая покушений избушат и беса. Странно, что я еще не рехнулась!

– Так чего на ступеньках сидишь? Иди к столу, – засуетилась Яга. Она уже накладывала из котелка картошку с мясом и грибами. От одного запаха еды у меня закружилась голова.

Митька нагло белозубо улыбался, подпер руками лицо и внимательно на меня уставился, словно приготовился к увлекательному представлению. А я пыталась выбрать меньшее из двух зол: или подняться наверх, сверкая всеми неприличными частями тела, чтобы надеть сарафан, или спуститься вниз, освещая мрак избы голыми ляжками.

Исход представления решила Яга. Она протянула мне шаль со скамейки.

– Прикройся, бесстыжая!

– Я думала, здесь никого нет, – оправдывалась я. – Все уже спят.

– Тоже мне, Шахерезада, – ворчала бабка.

Я решила, будет лучше, если не стану продолжать эту тему. Обвязалась вокруг талии платком и уселась за стол. Есть хотелось безумно.

Когда я слопала целую тарелку наивкуснейшей картошечки под пристальным взглядом Митьки, впрочем, на моем аппетите это никак не отразилось, запила молочком и приготовилась к употреблению пряников с чаем, обиды исчезли.

– А может, и нет у вашего чертика моей крови, – с набитым ртом предположила я. – Стекло-то он уронил, я же его тебе, бабуля, показывала.

– А на платке? – сказала Яга. – На платке осталась.

– На каком платке? – переспросила я. В меня больше не помещалось ни кусочка еды. Сразу стало тепло и сонно.

– Ты сказала, что чертенок приложил к твоему пальцу белый платок, вытирая кровь, – медленно, по слогам, проговорила бабка.

– А, ну да! Приложил! – кивнула я, зевая. Меня клонило ко сну.

– Ну вот. Платок у него остался? – терзал меня Митька заинтересованным взглядом.

– Тех капелек, что он у тебя с пальца стер, ему хватит, – подтвердила Яга.

– Не осталось у него никакого платка. – Я опять зевнула. Что-то совсем на ходу засыпаю.

– А где он? – вкрадчиво поинтересовался Митя, сверля меня теперь уже недобрым взглядом.

– Кто? – Чего-то я не врубалась в ситуацию.

– Платок! Которым бес твой палец вытер! – повышая голос и теряя терпение, сказал Митя. Его глаза как-то нехорошо наливались кровью.

– А, платок? В кармане у меня. – Я дернулась, чтобы засунуть руку в карман, но наткнулась на шаль Яги и уточнила: – Ну, в сарафане.

Я не очень поняла, как это у Мити получилось. Но он мгновенно вскочил с лавки, схватил меня за руку и потащил вверх. Я спотыкалась о ступени, посадила пару-тройку синяков, больно ушибла коленку, он даже не обернулся, а в комнате бесцеремонно

кинул мне в лицо сарафан. Сначала я открыла рот, чтобы возмутиться, но, наткнувшись на его озверевшие глаза, решила смолчать для сохранения собственной жизни. Слава богу, платка домовой не тронул, все содержимое карманов было на месте. Я протянула Митьке платок.

– Он за браслет зацепился, – пояснила недоумевающая. – Бес хотел отцепить, а я не дала. Не знаю почему. Наверное, разозлилась из-за того, что меня поцарапал.

– Сразу почему не сказала? – сурово спросил парень.

– Забыла! – психанула я. В конце концов, чего они все от меня хотят? – Там, где я раньше жила, – заорала на Митьку, – меня ларцами по голове не били, черти со стеклами на меня не нападали, избушки на курьих ножках по мне стадами не бегали, а по утрам будил будильник, а не пугало. – Терпение мое лопнуло, и полившийся словесный поток совместно с рыданиями я уже не контролировала. Митька молчал, давая мне возможность выпустить пар. – Коктейлями разве что травилась, но не насмерть и сугубо добровольно, – закончила я.

– Понятно, – кивнул парень. – Все понятно. Тебе непросто, но все будет хорошо. Верь мне. – Он нежно и уверенно меня обнял. С ним было так спокойно и тепло. Я позволила уложить себя в кровать и укрыть одеялом. Голова сделалась тяжелой, вся комната подернулась мутной пеленой, я засыпала. Митька затушил свечку на комод и, уходя, низко ко мне наклонился, зажал одеяло так, что я оказалась в коконе и не могла пошевелиться, и шепнул:

– А рядышком полежать не приглашаешь?

В темноте светилась нахальная белозубая улыбка. Вот так всегда, только я почувствую себя в безопасности, разгляжу в нем нежность и заботу, он опять выкидывает что-нибудь эдакое.

– Только если будет дуть с левого бока! – свирепо зыркнула на него, не имея возможности пошевелиться.

– Ну, тогда спокойной ночи, красавица, – еще тише шепнул нахал и, поцеловав в нос, ушел. А я даже опомниться не успела, не то что запустить чем-нибудь вслед.

Определенно, общение с Митькой в больших количествах опасно для моей психики. С ним всегда, как на вулкане. Впрочем, с самого начала пребывания в Тринадцатом царстве мои нервы регулярно мотают, а меня подвергают агрессивным нападениям, в общем,

всячески испытывают на прочность и растяжение. И мне давно не помешал бы визит к специалисту.

Глава 23

Утро по привычке началось с криков. Голос Бабы-яги я узнала даже спросонок, но чтобы созерцать весь спектакль, пришлось выглянуть из окна.

Бабуля, не стесняясь в выражениях, отчитывала Феню, как я поняла, за неправильно рассаженные растения. Пугало качалось посреди разгромленного огорода и как ни в чем не бывало поддакивало Яге, всячески осуждая недогляд и некачественную работу домового, разжалованного в огородные. Феня тыкал в бумажку, выданную накануне домохозяйкой, и настаивал на правомерности своих действий. Уже высаженные растения бодренько подрастали. Такими темпами огород Яги довольно скоро приобретет первозданный вид. Магия – она и в огороде магия. Скучающие вороны, рассеянные рядком на заборе, всем видом показывали разочарованность как состоянием грядок, так и непрофессионализмом пугала: недоглядел, мол! Пугало конфузливо вертелось и прикрывало глаза потрепанной шляпой. Впрочем, разглядев активно растущие побеги, вороны взбодрились, обрели новые надежды и явно начали строить планы дальнейших атак.

Похоже, Яга целый день сегодня будет занята восстановлением двора и огорода. Несмотря на это, я не рискнула покинуть черту бабулиных владений. С одной стороны, хотелось посетить Матрену и разузнать, где она нашла конфету-пустышку. Ту, что у Золушки разворачивала. Это не простая обманка, это застежка от шутовского костюма. И во дворце она просто так оказаться не могла. Конфета отвалилась от наряда шута. А сластена ее подобрала. А с другой стороны, Матрена могла подобрать ее либо у скомороха, либо у Золушки. Все равно получается, что шут, с чьей одежды эта конфета-застежка оторвалась, причастен либо к отравлению Золушки, либо к смерти царского скомороха. Ну или к тому и другому сразу.

Яге рассказывать бесполезно, она и слушать не станет. Может, Митьке попробовать рассказать, он же как-никак стрелец, должны же в нем заговорить долг перед родиной, жажда справедливости и вера в торжество закона? А потом, я же только мыслями поделиться хочу, а не

участвовать в задержании преступницы. Самой мне к нему отправиться бабка не разрешит. Надо послать Аксиныю.

Девочку я окликнула через забор. Она настырно продолжала осваивать новый вид транспорта – синего избушонка. Чудо строительного искусства на курьих ножках несколько подросло за ночь и, видимо, вошло во вкус, потому что охотно подчинялось командам, скакало галопом, аллюром и занималось прочими элементами верховой езды.

Долго уговаривать не пришлось, получив задание, Аксиныя верхом на избушонке выехала за ворота, предвкушая восторги и удивления столичного народа. Мне оставалось только ждать и надеяться, что Митя не проигнорирует мое приглашение.

Яга тем временем вернула своему владению образцово-показательный вид. Все-таки с магией домашнее хозяйство вести гораздо проще, чем с самой навороченной бытовой техникой. Интересно, такому можно научиться или с этим надо родиться?

– Я со всеми этими делами... – Яга присела ко мне на скамейку. – Совсем запамятовала. Тебе еще надо придумать, чем ты нашего царя, жениха твоего, удивлять будешь, ну или подаришь ему чего.

– Красотой своей неписаной и редкостными умственными способностями, – предложила я.

Яга шутку не оценила.

– Ну красотой тут никого не удивишь, а наличие ума еще доказать надобно, – без тени улыбки отмела она мое предложение. – Придумать надо что-то особенное, небывалое.

Настроение для мозгового штурма у меня было не самое лучшее. Замуж за царя тоже тянуло не очень. Поэтому хотелось только хамить и говорить гадости. Но бабуля отставать не собиралась и явно планировала довести дело до конца.

– А давайте я безвозмездно, то есть даром, – кривлялась я, – сделаю подарок всему вашему государству. А может, и не только ему, это уж как пойдет.

– Это чем же ты осчастливить нас хочешь? – прищурилась Яга.

Я быстренько прикинула, каким достижением цивилизации наградить жителей Тринадцатого царства-государства.

– Слушай, бабуль, – начала издалека, – у тебя блюдечко с наливным яблочком есть?

– Ну есть, – осторожно согласилась Яга.

– А простую тарелку заколдовать можно, чтобы она то же самое, что и твое блюдечко, показывала? Без яблочка, так просто передавало картинку?

Яга задумалась, ища подвох.

– Ну можно, – наконец выдала она. – Но только твоя тарелка, чего прикажешь, казать не будет, а лишь то, что мое волшебное блюдечко показывает, повторит. Поскольку мое волшебное блюдечко, это чудо, оно самовольно родится...

– Вот и отлично! – обрадовалась я. И начала нараспев: – Тогда подарю я вашему Тринадцатому царству великое счастье и невиданную заразу – телевидение.

– Это что это? Это как это? – заинтересовалась Яга.

– А так: вешаем в каждой избе по простой тарелке, и каждый день эта тарелка в определенное время будет показывать то, что показывает волшебное блюдечко. Новости рассказывать, показывать дальние страны, указы царские передавать.

Бабка замерла, прикидывая полезность изобретения. Я почти слышала скрип мозгов. Отлично понимала, что подкидываю конкретную подлянку целому царству, но удержаться не смогла.

– Это что ж, царь-батюшка велит чего, и по тарелкам всем сразу передать можно?

– Ага!

– Дно морское все поглядеть смогут?

– Ага!

– И представление скоморошье?

– Если блюдечко его покажет.

– И...

– Да! – прервала я перечисления потенциальной программы передач.

– Это дело! – согласилась Яга. – Это хороший подарок! Царский!

– Вот и ладненько, – пожалала я плечами. – Только тебе дел добавится, главное-то блюдечко у тебя.

– Ничего мне не добавится, – фыркнула Яга. – У царя тоже такое есть. Без дела лежит. Вот пусть его распорядитель этим и занимается или Наталье помощника дадут. Да хоть бояре! Все одно бездельничают. А ты только расскажешь да покажешь, как оно будет.

Я согласилась. Приятно, скажу я вам, присутствовать при зарождении телевидения в государстве!

Яга подумала и предположила:

– За такой подарок государству тебя вся дума боярская в царицы выберет и народ ее поддержит. Так что, сдается мне, у царя и хода-то другого не будет, только на тебе жениться. Иначе бунт поднимется. Хорошо-то как выходит! И люд наш сразу благодарным сделается царице-матушке, – прикидывала Яга пользу моего изобретения.

– Люд ваш и проклинать меня потом будет за это изобретение, – закатила я глаза.

Глава 24

Аксинья вернулась с группой поддержки. Ватага девчонок и пацанов сопровождала лихую наездницу и клянчила разрешения прокатиться, суля за удовольствие немислимые богатства: речные камешки, цветные стеклышки, бусики и прочие безделушки. Когда же всадница раздобрилась и решила устроить массовый аттракцион, смельчаков сильно поубавилось. Даже Васька мялся в нерешительности, опасливо разглядывая строптивного избушонка. Мне Аксинья привезла лаконичный ответ:

– Придет!

– Когда? – Разумеется, мне хотелось побыстрее.

– Не сказал!

Кто бы сомневался. Я оставила девочку в покое, в конце концов, она тут ни при чем. Если уж Митьке представилась такая возможность, то он не упустит своего, ожиданием поморит вволю.

Яга активно готовилась к смотринам. Три простых тарелки подверглись заклинанию и исправно транслировали картинку блюдечка с наливным яблочком. Довольная Яга напевала и пританцовывала от восторга и предвкушения эффекта, который, по ее мнению, произведет мое изобретение. Потом она красиво упаковала тарелки в корзину и перевязала шелковыми лентами.

Я восторгов Яги не разделяла. Мне до сих пор слабо верилось, что меня вот так запросто сосватают царю и выдадут за него замуж. Еще меньше хотелось верить, что Митька со спокойным сердцем позволит мне пойти под венец с другим. Неужели я ошиблась? Мне померещились и трепетное беспокойство, и нежная забота, и неистовая страсть?

А действительно, чего я ожидала? Что неисправимый холостяк и бабник за несколько дней влюбится настолько, что рискнет увести невесту у царя? Это измена. А он несет государеву службу. Хотелось плакать и ругаться. Но и то и другое не даст видимых результатов, так что пришлось ограничиться глоточком настойки трын-травы, кувшины с которой Баба-яга наставила по всему дому, намекая на мою излишнюю нервозность и неугомность.

Примерно так я промаялась весь день. Почти ночью Митька все же надумал почтить меня своим вниманием. Я сразу подметила, что настроение у него дрянное, взгляд пасмурный и на разговоры он не очень-то настроен. На мой рассказ он отреагировал вяло:

– Доказательств никаких. Одни догадки. За что прикажешь Василису арестовывать?

Ну, понятно, интересоваться методами расследования и законодательной базой смысла не имеет.

– А ты предлагаешь подождать, когда представится возможность застать ее над еще теплым трупом? – зло уточнила я.

– Василиса – подданная другого государства, – сверля меня глазами, произнес Митя. – Приехала официально, с мирными целями. Для ее ареста нужны неопровержимые доказательства. Кто ударил тебя, ты не видела?

– Нет! – вынуждена была признать я.

– В трактире тоже никто не видел, как подсыпали яд, – продолжал рассуждать парень. – Мимо стаканов проходили все, кто там обедал. В принципе подсыпать мог любой.

Я кивнула – он, конечно, прав.

– Ларцы такие у половины невест, и вообще у половины царства. Их наш мастер кует, они большим спросом пользуются.

– Ага. – Весь мой пыл исчез. Сейчас все действительно выглядело неправдоподобным и притянутым за уши.

– Такие бубенцы, как на шутах, на каждой лошади висят, да и не видела ты толком ничего. Доказать наличие у нее сообщника невозможно. Аврек Афроимович упрется и ни за что не выдаст тайну своих клиентов. Репутация для него дороже всего.

– Почему у нее ларец такой потрепанный? – ни на что особо не надеясь, поинтересовалась я.

– Да бог ее знает! Пользуется часто, уронила случайно, да мало ли...

– Она жаловалась, что Василис Прекрасных с каждым днем все больше, и что они уже не нарасхват, и что замуж ей очень надо.

– У всех, кто приехал свататься, есть корыстные причины, чтобы желать выйти за царя замуж, – отмел мой последний аргумент Митька. – Следовательно, у всех есть мотив.

– Я не желаю, – тихо возразила я.

На это он ничего не сказал.

– Завтра смотрины, – подвел итог Митя. – Наш государь царицу себе выберет, и преступница вынуждена будет покинуть Тринадцатое царство несолоно хлебавши. Этим дело и кончится. Аленушка и Золушка оклемаются, Яга гарантирует.

– Почему ты уверен, что царь не выберет в жены как раз отравительницу? – спросила я. – И не факт, что этим дело кончится. До завтра еще половину невест отравить можно. Их не так уж и много осталось.

– Это точно, в рядах невест потери, – усмехнулся Митя. – Вот и не ешь ничего до завтра, и не пей, и от Яги ни на шаг! Пошли к ручью, прогуляемся. Яга тебя, поди, весь день дома держит.

Я промолчала, пошла следом. Через быстро растущий огород, через пышный сад, мимо будоражащей сладкие воспоминания беседки. Мы молча вышли к воде, направились протоптанной тропинкой вдоль ручья. Нас окутывала влажная свежесть, нам стрекотали кузнечики, а дорогу освещала ясная луна. Мне стало легко и хорошо. Вот так шла бы рядом с ним и шла, пока совсем не ушла из этого царства. Куда-нибудь, где ни царя, ни Яги, ни оравы невест.

– Не забивала бы ты себе голову ерундой, – наконец заговорил Митя.

– Два человека погибли, еще двое лежат без сознания! И это, по-твоему, ерунда?

– Нет, не ерунда! – уточнил Митя. – Но поиском преступников занимаются специально обученные люди. Это их работа. Они наделены полномочиями. К тому же есть масса деталей, о которых тебе не известно.

– Это каких же?

– Разных! – отрезал Митька. Было бы странно, если бы он выболтал все тайны, которые знает. – Тебе не следует лезть в это дело.

– А что мне следует? – тихо и обреченно проговорила я. Сил на спор уже не осталось. – Безропотно, как корова на заклатие, явиться во дворец, принести царю дары, выйти замуж и всю оставшуюся жизнь ублажать мужика, которого я хоть и не видела ни разу, а уже терпеть не могу?

– Это не так ужасно, как ты говоришь, – сухо возразил парень. – Участвовать в празднике, стать царицей, править Тринадцатым

государством.

– От перестановки слов смысл не изменяется, – печально подвела я итог.

А вот интересно, что он будет делать, если я сейчас признаюсь ему, что его люблю? И замуж хочу за него? И даже почти уверена, что он тоже ко мне неровно дышит. Поднимет на смех? Холодно отстранится? Или произнесет вслух то, что давно витает в воздухе, – сделаю несчастным его, а не только себя? Потому что уже ничего нельзя изменить, потому что он стрелец и верен царю, потому что Баба-яга уверена и убедила всех, что именно я больше всего подхожу на роль царицы.

То ли отравиться, то ли утопиться, то ли замуж выйти – что, в принципе, одно и то же.

Тропинка внезапно кончилась. Впав в задумчивость, я почти стукнулась лбом в стену появившегося откуда ни возьмись сарая. Если бы не вовремя удержавший меня Митя, завтра на смотрах преподнесла бы царю не только телевидение, но и свою физиономию с синяком и шишкой на лбу.

– Здесь сено и траву для коров держат. Яга, Наталья, еще кто-то из соседей, – объяснил Митя, разворачивая меня к себе лицом.

Действительно, пахло свежескошенной травой. Захотелось упасть в стог с этой травой и закрыть глаза, наслаждаясь запахами и звуками. Хотя, помнится, в бытность проживания в городе мне казалось премерзким валяться на сене или в траве. Не люблю жучков, паучков всяких, пыль, песок. Я облокотилась на стену, вглядываясь в темноте в Митькино лицо. Как он себя поведет, если я сейчас устрою сцену откровенного соблазнения? Хотя, судя по рассказам, «тронул девушку – женись» – не его принцип.

– Тсс... – Митька поднес палец к губам. – Слушай...

Из сарая доносились шепот и приглушенный смех. Говоривших было двое, мужчина и женщина. Женский голос казался очень знакомым.

– Я за тобой хоть на край земли, – шептал слегка осипший бас. – Оставлю службу и за тобой.

– Как же так, все бросишь? – отвечал женский голос с томным придыханием.

– Я уже и преемника воспитал. Да и на пенсию мне пора. Ты только того, не подумай, что я стар! Это у нас, у военных, пенсия ранняя, работа нервная.

– Воевода, Гордей Потапович, – шепнул Митя мне в самое ухо. От его горячего дыхания по телу побежали мурашки и мозг переключился совсем на другие мысли.

– Я еще о-го-го какой молодец! – продолжал мужской голос.

Я вспомнила пузатого красномордого воеводу. Его внешность никак не вязалась с образом героя-любownika.

– Не сомневаюсь я, – тихо и переливисто захохотала дама. Было в этом хохоте что-то...

– Хозяйка Медной горы... – почти разом догадались мы с Митькой.

– Я тебе сейчас докажу, на что способен... – грозил пузатый ловелас. Следом послышались характерные чмокающие звуки и опять нежный переливистый смех Хозяйки Медной горы.

Мы тихо-тихо отошли от сарая, стараясь не обнаружить себя и не спугнуть милующуюся парочку. Хотя я предпочла бы оказаться на их месте.

– Невесты царя одна за другой покидают финишную прямую, – нарушила я молчание, когда мы отошли довольно далеко и журчание ручья стало громким.

– Да, так ты скоро вообще без конкуренток останешься, – хихикнул Митька.

– Две в коме, Белоснежку увезли гномы, – начала перечисление. – Хозяйка Медной горы с выбором определилась, Рапунцель из башни спускаться отказывается...

– Несмеяне Емеля уже предложение сделал, через месяц поженятся, – подхватил Митя. – Может, еще Спящая красавица проспит...

– Так действительно кроме меня и выбрать некого будет, – фыркнула я безрадостно.

– Да уж, одна надежда на тебя, красавица, – хихикнул Митя. – А то останется наш царь без супруги, а государство без царицы-матушки.

Я шутки не оценила.

– А если изложить царю все мои мысли? – На самом деле я уже давно собиралась это сделать. Только нужно, чтобы представилась такая возможность. Но с Митей я все же решила посоветоваться. – Он может волевым решением арестовать Василису? Он же царь?

– Не знаю, – пожал плечами мой собеседник и глубоко вздохнул. По его лицу явно читалось – возобновление этого разговора ему не нравится. А то, что я не выкинула из головы эти мысли, ему нравится еще меньше. – К царю не так просто попасть. Надо вескую причину иметь, зачем тебе его видеть. Я с таким заявлением не пойду. Но у тебя завтра будет возможность с ним поговорить.

А вот эта мысль не нравилась мне. Я вообще хотела как-нибудь отвертеться от завтрашнего визита во дворец. Как провести Бабу-ягу, я еще не сообразила, но обязательно придумаю.

В саду нас поджидала Яга. Злобная старушка стояла на страже, будто прочитала мои мысли.

– И чего это вы, на ночь глядя, разгулялись? – ворчала бабуля. – Что, утра для прогулок не будет?

Если завтра царь выберет меня, то, по всей видимости, у меня больше вообще не будет времени гулять с Митей, ни утром, ни днем, ни вечером.

– Дарье спать давно пора, – не унималась старушка. – Не хватало только кругов под глазами.

– Иду-иду, уже ложусь, – пообещала я, чтобы больше не слышать о том, что я должна сделать завтра. Не прощаясь, ушла в дом и уже у самых дверей услышала Митин голос:

– Погоди-ка, бабуля, разговор есть.

Глава 25

Эти бесконечные тайны, секреты и заговоры. Как я от всего устала! Всмотриваясь в туманное, освещенное только свечой зеркало, я видела грустное уставшее лицо. Надо же умудриться довести себя до такого состояния переживаниями! А ведь раньше я вообще не верила ни в депрессии, ни в нервные срывы. На все любовные тревобления подруг и коллег только посмеивалась, считая, что они маются бездельем.

Я разгуливала по комнате, отхлебнула настойки трын-травы, заботливо оставленной бабулей на сундуке. За последнее время успокоительный напиток прочно вошел в мой рацион. Хорошо хоть у Бабы-яги все ингредиенты натуральные и мне не грозит язва желудка.

Самое странное, что этими отравлениями Василиса практически ничего не решила. Даже с учетом всех покинувших ряды царских невест, девушек-соперниц все равно предостаточно. Глупо как-то получается. Что-то не клеится в этом деле... С улицы донесся громкий шепот Мити. Они с Ягой ругались, стараясь произвести как можно меньше шума. Я, тоже стараясь производить минимум звуков, на цыпочках подошла к окну.

– ...не пойду на это, даже нечего обсуждать, – шипел парень.

Парочка находилась довольно далеко, легкий ночной ветерок доносил только обрывки фраз.

– ...поздно, уже все решено и выполнено, – упрямылась Яга. – Да и времени придумывать что-то другое – нет.

– Думай... – судя по теням, Митька еще и активно жестикулировал. Интересно, в чем они никак не могут прийти к согласию? – ...сделки не будет!

Через секунду хлопнули ворота. Митька ушел. Я поспешила улечься в кровать.

Вопреки сказочному обещанию «утро вечера мудренее», пробуждение не принесло ни одной умной мысли. Надежда найти веский аргумент, чтобы покинуть ряды царских невест, испарилась, будто утренняя роса, так же как и упование на крайнюю меру – побег. Под окнами дежурило пугало, внизу караулила бабуля. Все, ловушка

захлопнулась, как челюсти бульдога. Отступать некуда – впереди дворец и царь. Раз уж попала в мышеловку, пойду, доем хотя бы сыр.

С другой стороны, плюсы можно найти в любой ситуации, даже в самой сложной. Да, количество невест неприлично уменьшилось за последнее время, но все-таки есть шанс, что выбор царя падет не на меня. Да и пусть на меня. Представится возможность побеседовать с самодержцем в частном порядке, поговорить, так сказать, по душам, про Василису рассказать. Заодно самолично объясню, что я тут случайно, проездом, и замуж мне за ненадобностью. На него вон очередь стоит. Пусть осчастливит своим выбором другую.

Во дворец пригласили к полудню. Присланное официальное приглашение на гербовой бумаге с сургучной печатью красовалось в красном углу бабкиной избы. Под пристальным оком Тимофея. С раннего утра Яга развела подготовительную работу. Купания, причесывания и прочие прихорашивания. Все испытания я выдержала с неприсущим мне терпением и совершенно отсутствующей у меня с детства покорностью. Особенно тяжело далась баня.

Помнится, в бытность моего проживания в цивилизованном мире я даже от сауны в фитнес-клубе отказывалась, ссылаясь на несуществующую болезнь сердца. А тут пар со всех сторон, жара такая, что мозги плавятся, и нахальный Феня с березовым веником, дескать, он домовый, его стесняться нечего. Это за какие прегрешения мне подобное наказание? Изнывающая от жары и красная, как запрещающий сигнал светофора, я выползла из бани, проклиная Феню, царя, Ягу и государство в целом. Но ничего, через часок отошла, подсохла, жизнь опять приобрела яркие краски и нормальную температуру.

Отлично понимая, что чувствуют висельники перед эшафотом, я все же позволила надеть на себя праздничный наряд. Потрясающе красивый, расшитый золотом сарафан, практически ювелирной работы туфли, вплести в косу что-то ажурно-драгоценное и довольно тяжелое. От чего затылок сразу потянуло назад. Теперь я понимаю, почему у древних красавиц такие гордо вскинутые носы и высокомерный вид. Яга была жутко довольна результатом, аж приплясывала.

– Карета подана, – объявил Феофан.

И мы вышли на улицу. Я – как в последний путь.

Феофан, всячески стараясь показать важность момента, отчего все время запинался и заикался, торжественно погрузил корзинку с будущим телевидением Тринадцатого царства. Яга, разодетая во все парадное, благословляла и наставляла. Аксинья выпустила эскорт из трех подросших и выдрессированных избушат. Повезло, что толпа не сопровождала криками и приветствиями. В городе кипела обычная жизнь. В моем кортеже народ больше всего интересовали избушата. Завидев их еще издалека, люди торопились расступиться и вообще отойти подальше. Многие в недалеком прошлом на себе ощутили силу куриных лап избушкиных отпрысков, поэтому, потирая ушибленные бока, повторять встречу не желали.

Во дворце никаких особых изменений не наблюдалось, было чисто и буднично, будто событие вовсе и не событие, да и вообще, чего выпендриваться, не свадьба же! У меня сложилось впечатление, что высшее руководство государства желало провести мероприятие как можно тише, спокойнее и поскорее закруглить.

Сильно урезанные в количестве невесты расположились в том же зале, где недавно шло представление. Каждая в строго отведенном персонально для нее месте – как боксеры на ринге по своим углам, одаривая друг друга примерно такими же неприветливыми взглядами. А еще пару дней назад хихикали и обоюдно сплетничали. Ну надо же, что с людьми творят конкуренция и нервное напряжение! Им бы на входе бабулиной настойки трын-травы наливать для успокоения и обретения радостного настроения!

Шахерезада раскинула полупрозрачный мини-шатер и окружила его малолетними арапчатами. Спящая красавица привычно посапывала между настороженными родителями. Рапунцель так и не соизволила покинуть башню, а ее представитель, маленький пузатый господин, одиноко восседал на высоком стуле, болтал в воздухе коротенькими ножками и откровенно не понимал, зачем он здесь. Милолика напряженно сидела в окружении двух насупленных девиц. Ха, явилась! Стало быть, и ее Митька замуж не позвал – не удержалась я от злорадства. Василиса Прекрасная нервно постукивала ножкой и все время оглядывалась по сторонам. Ее нянюшка сидела чуть поодаль и зевала, очевидно, пыл конкуренции ей был неведом, а результаты выборов безразличны. Забава боязливо косилась на своих спутниц – двух строгих монахинь, не то приставленных отцом для безопасности,

не то жаждущих препроводить барышню в отдаленную мирную обитель сразу после мероприятия. Сейчас мне показалось, что сказка, рассказанная мне о жажде уединения, сильно приукрашена. У девушки на лице откровенно читались паника и желание сбежать. Матрена сидела с неизменным леденцом на палочке и суетливым отцом, что-то беспрестанно говорящим дочери. Лукерья пришла в сопровождении многочисленной высокомерной родни. Впрочем, сам батюшка-воевода сие собрание присутствием не почтил, так же как и Хозяйка Медной горы. Судя по тому, какую прыть проявляли возлюбленные вчера, их медовый месяц начался задолго до свадьбы. Несмеяна тоже не явилась, должно быть, плюшки Емеле печет. Накануне долго выпрашивала у Яги рецепт, в итоге уперла целую кулинарную книгу. Марфа гордо восседала в оцеплении многочисленных сестер с еще более многочисленным выводком. Судя по плодовитости этой семейки, в случае, если выбор падет на Марфу, наследником царя обеспечат в кратчайшие сроки.

Выход царя, надежды и оплота Тринадцатого царства-государства, сопровождался торжественной музыкой и долгими аплодисментами. Сильно зашкуренный в праздничные наряды мужик взгромоздился на подготовленный по случаю трон, и долгожданное представление под названием «Кабы я была царица...» началось.

Аниматоры в пятизвездочном отеле в Турции бывают активнее и напористей. Царь скучал, публика откровенно зевала. Матрена демонстрировала фигурную выпечку и сложные кулинарные шедевры. Лукерья щеголяла начитанностью и образованностью. Марфа обещала родить целую роту. Забава пребывала в ударе. Хотя от ее инквизиторских замашек содрогнулась не одна я. Яга за моей спиной даже поплевала через левое плечо. Дочь священника произвела на старушку неизгладимое впечатление. Народ несколько оживился, глядя на танец Шахерезады. Лицо царя я по-прежнему толком разглядеть не могла, но все присутствующие мужики, неприлично замаслясь взорами, явно заинтересовались процессом и подались вперед. Хотя, между нами говоря, самая известная восточная красавица могла бы устроить представление и покруче. Зрители осуждающе перешептывались. Сестры Марфы демонстративно закрывали глаза своим младенцам. На деле ничего особенного. В современных стрип-барах и барышни поголенней, и фигурки более точеные встречаются.

А про откровенность интернет-ресурсов я вообще молчу. Хотя неискушенная местная публика мужского пола осталась довольна.

Следующей выступала я со своими телетарелками. Когда вручала царю один из предметов посуды, показалось, что он мне кого-то напоминает. Впрочем, от волнения у меня все плыло перед глазами. До меня только сейчас дошло, что я выступаю с откровенным магическим номером и в случае коронации Забавы как раз сейчас и укладываю первый камушек на дорожке в костер. В целом выступление прошло удачно. Царь и присутствующие бояре по-детски радовались игрушке. Соперницы, еще минуту назад смотревшие волчицами, восторженно обмирали и ахали. Надо заметить, Яга постаралась: телепередачки подобрала на любой вкус. Продемонстрировала Базарную площадь соседнего царства, сокровищницу Кошеля Бессмертного, диковины с морского дна, процесс выпекания торта для царя Тридевятого царства и пьяную драку. Еще бы трансляцию из женской бани выдала, тогда и Шахерезада была бы тарелкам не соперница. Обсуждение перспектив массового внедрения в жизнь специально заколдованной посуды затянулось. Народ искренне радовался магически-техническому новшеству, не подозревая, что теперь в сутках у них будет на несколько часов меньше. Зараза под названием «телевидение» быстро и незаметно внедрится в каждый дом, отодвинет на задний план друзей, родственников, домочадцев, займет место работы, отдыха, увлечений. Меня даже слегка мучила совесть из-за совращения неокрепших умов.

После впечатления, произведенного моим подарком, презентация Василисы Прекрасной прошла незаметно, даже я не очень поняла, каким счастьем она собирается наделить царя и государство в целом. Спящая красавица похвалилась обширной и знатной родословной, видимо намекая на значительную иностранную протекцию в случае своего восхождения на престол. Собственно, на этом представление как-то скомканно закруглилось.

Царь с боярами удалились для принятия окончательного решения. Невестам же, дабы скрасить ожидание, устроили небольшой фуршет. Добры молодцы в красных рубахах прытко внесли накрытые столы, большой чан с квасом и принялись активно обслуживать гостей. Я старалась не сводить глаз с Василисы Прекрасной. Она вела себя крайне подозрительно: ничего не ела, ни с кем не общалась, только тревожно озиралась по сторонам и что-то нервно теребила в кармане.

Меня как по лбу стукнули. Осенило! Точно! Вот сейчас она и отравит разом всех претенденток. Кувшины и стаканы наливаются из одного сосуда! Это потом я подумала, что такое глобальное отравление слишком явно ее обличит. Здесь уже не отвертишься. Да и яду надо не пузырек, а трехлитровую банку. Но тогда мне эта идея показалась не просто удачной, но и единственно верной. К тому же разливающий отвлекся, а Василиса быстрым шагом ринулась к чану с квасом. В общем, недолго думая я ломанулась наперерез преступнице через весь зал, снося тех, кто попадался мне на пути. Слегка не рассчитав силы, я поскользнулась на начищенном до блеска полу и, наткнувшись на неожиданно остановившуюся Василису Прекрасную, рухнула на пол. Василиса покачнулась, выронила что-то блестящее и плюхнулась прямиком в чан с квасом. Я всего лишь хотела продемонстрировать присутствующим наличие пузырька с ядом в руках вероломной отравительницы, но уж больно сильным получился толчок в спину.

Позже оказалось, что от моей пробежки по залу пострадала не только она. Один из задетых мною столов перевернулся и накрыл Шахерезаду, Матрена подавилась пирожком, к счастью, без вреда для здоровья, а Забава просто рухнула на пол, выронив крошечный пузырек. Пузырек на глазах у застывшей публики с легким звоном прокатился по всему залу и уткнулся в лапоть Бабы-яги. Добрая женщина тут же вынесла приговор, опознав в содержимом тот самый яд, которым были отравлены мальчик и две царские невесты.

– А вот и отравы, – всплеснула руками бабка, подобрав пузырек и понюхав. – Что ж ты, ведьма, творишь?

Лукерья шумно рухнула в обморок, видимо, догадалась, что эта самая доза, которую реквизировала Яга, предназначалась именно ей. У Забавы тряслись руки. Народ замер. Первой очухалась Милолика, она прытко подскочила к преступнице и, скрутив руки за спиной, перемотала их шнуром от штор. Тут уж и стрельцы подоспели. Они-то и выловили Василису Прекрасную из чана с квасом. Барышня, конечно, нахлебалась изрядно, но ничего, не утонула, прочихалась. К моему великому удивлению, стрельцы ее тоже повязали «Именем царя...». Фрол Авдеевич вменял ей в преступление тот самый маленький блестящий предмет, что она теребила в кармане и выронила при моем налете – золотой ключик.

Глава 26

Когда из покоев государя появились бояре, дабы объявить волю их величества относительно предстоящего брака, невест убавилось еще на две штуки, а обалдевшая от стремительных событий публика уже забыла, зачем здесь собралась.

– Царь-государь Тринадцатого царства-государства Дмитрий Васильевич милостью своей... – К середине речи народ стал припоминать, по какому случаю мероприятие, и массовое молчание и ступор в зале сменились волнением и перешептываниями.

Конец спича оказался предсказуемым и фатальным.

– ...а посему супругою своею и царицей видит Дарью... – Тут глашатай из рода бояр несколько смутился, видимо, ему очень не хватало каких-то регалий, которые полагались царским невестам, но эту часть моей легенды Яга проработала плохо, и поэтому даже отчество мое осталось неизвестным. Впрочем, конфуз заглушился возгласами, криками и прочими звуковыми сопровождениями эмоций.

Сразу замечу, возгласы рокотали разные. Кое-кто поздравлял, другие искренне удивлялись, некоторые требовали справедливости и пересмотра дела, отдельные личности гордо удалились. Яга сияла, будто сама под венец пойдет. Впрочем, я бы с удовольствием доверила ей это ответственное мероприятие.

Лично на меня напало полное оцепенение. Присутствующие, разумеется, решили, что это у меня от радости.

Даже преступницу отыскали! Целых двух! Можно сказать, план перевыполнен. Цель моего визита достигнута. А вот незаметно сбежать из дворца не удастся. Объявлять всем собравшимся, что я тут случайно и вообще не по этому делу, а кандидатуру надо бы переизбрать, было как-то неловко. Оставалось только проследовать за распорядителем в покои государя. Мне все-таки полагалось более близкое знакомство с будущим супругом. И на том спасибо. Я бы уже не удивилась, если бы по местным обычаям супругам полагалось встретиться в спальне в первую брачную ночь.

На прощанье Яга подмигнула и лучезарно улыбнулась, оголив оба клыка. Меня проводили в небольшую, пышно отделанную расписным

шелком комнату и оставили в гордом одиночестве. Со стен взирали нарисованные павлины или жар-птицы, прячущиеся в зарослях пышных цветов. У стен стояли пара колченогих диванчиков, сундук, большое зеркало, низенькие скамейки. Вот и все убранство апартаментов, в которых должна будет состояться сакральная встреча. Видимо, мне предлагалось морально подготовиться к знакомству с будущим супругом, потому что я ждала – но никто не шел. Разглядывая завитушки на стенах и мебели, я прикидывала последствия моего отказа царю. В сущности, я про него ничего не знала. Может, он неврастеник. Сошлет на плаху без раздумий за пренебрежение царской милостью, вот и все последствия. Надо было кувшинчик трын-травы прихватить – не ему, так мне, точно пригодился бы. Но не попытаться уладить недоразумение я не могла. Ну не могу я замуж за него выйти, я люблю... Тьфу! Наглая довольная Митькина физиономия всплыла в воспаленном сознании, нахально улыбнулась и уплыла обратно.

Время шло, я уже измерила шагами всю комнату, подробно изучила всю обстановку и достоверно определила, что все двери заперты. Легкое раздражение начало переходить в буйное возмущение, когда наконец одна из дверей отворилась и пожаловал сам государь. Все в таком же обильно расшитом золотом сюртуке, с высоченным, до самой макушки, воротником и внушительной, отороченной мехом шапке, натянутой по самые глаза.

Как-то сразу мне что-то показалось странным, но выяснять, что именно, было не время. Чувствовала я себя очень неловко. Он стоял в одном конце комнаты, я в другом.

Местному этикету Яга меня не обучила. Как обращаться к царю? Кто должен заговорить первым? Вообще, о чем с ним говорить?

– Добрый день, – все-таки начала я, поскольку обоюдное молчание затянулось. В ответ получила кивок головой. Ну что ж, для начала не так плохо. – Мне сказали, что вы меня в супруги выбрали. – Еще один кивок головой. По всей видимости, он так и не удосужится со мной поговорить. Мне подумалось, что тянуть некуда, раз уж пришла объясняться, так чего уж теперь. – Я как раз по этому вопросу. – Слова очень тяжело подбирались. – Я в вашем государстве и вообще в этом... м-мире... совершенно с-случайно. Не совсем понимаю, как тут все устроено, с обычаями не знакома... с правилами.

Баба-яга, она настояла, заверила, можно сказать, за ручку привела. А я, я не уверена, то есть я так не думаю. – Истукан в парадной одежде на другом конце комнаты по-прежнему смотрел на меня, не шевелясь.

– О, господи, ну как я в это вляпалась? Вы не подумайте, я ничего не имею против вас лично и Тринадцатого царства вообще, но я не могу стать вашей супругой. – Ну вот и сказала.

Царь кивнул. Видимо, ожидал продолжения тирады. Но как-то не вовремя закралось подозрение о царской глухоте. Он меня вообще слышит? Я продолжила:

– Я хочу сказать, когда Баба-яга выступила с предложением пополнить ряды невест, я всерьез не отнеслась к мероприятию, в чем сейчас очень раскаиваюсь. Потом отказываться было поздно. Яга, она вообще ничего слышать не желала, а тут невест стали травить. Я сначала хотела выяснить, кто преступница. На меня тоже покушались. – Я нервно ходила по комнате, активно жестикулируя, пытаюсь донести суть своих объяснений до этого истукана в царских одеждах. Я все объясняла и оправдывалась, а царь кивал и молчал. Бред какой-то! От волнения меня бросало то в жар, то в холод, тряслись руки, заплетался язык. – А сейчас и преступницы найдены, и вообще, все зашло слишком далеко, а я не могу выйти за вас замуж. – Не в силах больше созерцать безмолвные кивки и, похоже, полное непонимание, я отвернулась к окну. – К тому же в моей жизни произошло событие, которое совершенно точно препятствует моему замужеству. – Наверное, не очень красиво признаваться в любви к другому мужчине, но у меня уже кончились доводы в пользу расторжения будущего брака. – Я полюбила другого человека, и чтобы не изменять царю и государству, свадьба не должна состояться.

– А вот с этого момента поподробней! – произнес смеющийся и знакомый до боли голос над самым ухом. – Кого ты там полюбила?

– Др-др-другого человека, – повторила я, медленно обернулась и не сдержала взгласа изумления. Почти вплотную ко мне стоял Митя. В царской одежде, только без шапки, и, как всегда, нахально улыбался.

– Ты? Ты что здесь делаешь? – Вот почему мне царь казался странным и в то же время знакомым – потому что он очень напоминал Митьку.

– Как что? Встреча у меня с будущей женой, – беззаботно ответил парень.

– Это у вас в целях безопасности? – пришла в голову бредовая идея. – Чтобы царь лишней раз не рисковал своей персоной, ты под него рядишься и на публике выступаешь? Вот, значит, какие у тебя особые поручения и тайные задания?

– А проще и логичней тебе в голову ничего не пришло? – Митька откровенно подтрунивал надо мной. А я злилась, путалась, волновалась и от такого разнообразия чувств даже не обратила внимания, что он крепко обнимает меня за талию, прижимая к себе.

– Какая логика? – громко возмутилась я. – Да во всем вашем государстве логика и рядом не ночевала!

Митька хохотал.

– У тебя в этих апартаментах что? – хитрюще прищурив глаза, спросил он.

– Свидание с царем... – медленно проговорила я.

– Кроме меня ты здесь кого-нибудь видишь? – опять поинтересовался он.

– Нет!

– Значит, я кто? – Он смотрел на меня как на круглую дурочку.

– Хам, бесстыдник и обманщик! – огрызнулась я.

Митька тяжело вздохнул.

– Царь я, – признался он.

Его глаза были так близки, руки так сильны, а дыхание так жарко. У меня мутнел разум, подкашивались ноги, по щекам потекли слезы. Если бы он не держал меня, я бы обессиленно сползла на пол. Но волна негодования и досады захлестнула хрупкие ростки нежности и надежды на счастье. Как он мог так безбожно меня обманывать, так долго водить за нос, смеяться надо мной?

– Обманщик! Интриган! Чудовище! – бросалась я обвинениями. – Как ты мог! Я верила тебе, ты воспользовался моей наивностью! Я чуть с ума не сошла, думая, что стану царицей и никогда тебя не увижу! Мне уже виселица мерещилась за то, что я царя отвергну из-за тебя!

– У нас гильотина. Француз одну идею продал. Чисто, быстро, говорят, безболезненно. Сам не пробовал, – усмехнулся Митька.

– А я уже пять раз представила, как попробую. Ты все знал! Ты видел, как я страдаю и мучаюсь, и врал мне! – Я, захлебываясь воздухом и возмущением, лупила по нему кулаками. Злилась на него,

на себя, на всех, сожалея, что не могу достаточно сильно его ударить, потому что нахожусь к нему очень близко, сердясь, что не могу выбраться из его объятий, и ненавидя себя за то, хочу остаться с ним навсегда.

Митька молча терпеливо наблюдал мою истерику. Не отворачиваясь и не оправдываясь, хотя пару раз я все-таки умудрилась довольно основательно заехать ему по физиономии. Потом он поймал мою руку за запястье и, не тратя времени на никому не нужные слова, закрыл рот поцелуем, нежно, настойчиво. Я на миг замерла, задыхнулась, но злость и возмущение угасли, я прижалась к нему еще сильнее, удивляясь, как же долго ждала этого момента.

Глава 27

Все остальное растаяло, как утренний туман под палящими лучами солнца. Я видела только его синие, как море, глаза, почувствовала трепетные и страстные губы, ласковые и требовательные руки. Осыпая шею легкими, как прикосновения крыльев бабочки, поцелуями, он стянул сарафан с плеча. Робея от происходящего, но не находя сил противиться, я расстегивала пуговицы на его камзоле, царапая пальцы о золотую вышивку и не чувствуя боли.

Крепко прижавшись друг к другу, будто боясь, что все исчезнет, стоит чуть-чуть отстраниться, мы опустились на ковер. Митин запах будоражил меня, голова кружилась от чувственной сладости, горячие объятия будили волны наслаждения, заставляя тело извиваться, а сознание погружаться в состояние, близкое к обморочному. Время перестало существовать, я не понимала, где нахожусь, мир вокруг меня изменился. Я не принадлежала себе. Я принадлежала ему, и от этого меня уносило куда-то в небеса.

Очнулась я на небольшом диванчике, в комнате, расписанной цветами и павлинами, на плече у дремлющего Митьки. Нашу наготу прикрывал вышитый золотом царский кафтан, целый ряд пуговиц впился мне в тело, но я боялась шевельнуться, чтобы не разбудить Митю и не разрушить очарование мгновения. Оказалось, достаточно легкого движения ресниц – он открыл глаза, долго разглядывал меня с усмешкой на губах.

– Ты действительно царь? – поинтересовалась я, чтобы нарушить молчание.

Он неопределенно закатил глаза.

– Как-то не по-царски все получилось, – заметила, отклеиваясь от пуговиц и спинки дивана. Митя не шевелился.

– Замуж пойдешь? – коротко спросил он.

– Пойду, – просто согласилась я.

– За Митьку или за царя? – ехидно улыбнулся парень.

– За тебя! – ответила я такой же улыбкой.

Митька захохотал, сгреб меня в охапку и перевернулся, оказавшись сверху. Нежно поцеловал в нос.

– Сюда никто не войдет? – обеспокоенно спросила я, смущаясь и одновременно наслаждаясь тяжестью его тела. Нравственные нормы этого мира я все еще не уяснила до конца.

– Побеспокоить царя? – Митька возмущенно вскинул брови. – Нет, не осмелятся. Но выходить к народу я бы рекомендовал тебе одетой.

Я чмокнула его в подбородок, куда достала, и, соскользнув с дивана, принялась натягивать на себя одежду под его пристальным взглядом, ничуть не смущаясь и чувствуя себя абсолютно счастливой.

Перед самым выходом в зал Митька привлек меня к себе.

– Все должно было случиться не так, – тихо сказал он. – Не впопыхах и не здесь.

Я улыбнулась, какое это имеет значение?

– Должна же в моей жизни быть экзотика? – пошутила я. – На царскую кровать и шелковые простыни я и так обречена после свадьбы!

– Не только, – загадочно прищурился Митя. – Мы вернемся к упущенным возможностям в саду Яги и в стогу сена.

Зардевшись, как школьница, больше от неожиданно свалившегося на меня счастья и удовольствия, чем от смущения, под руку с любимым я вошла в зал.

Стоит заметить, финала знакомства дождались не все. Несколько бояр, вездесущий распорядитель и жутко довольная Яга. Закончились официальные поздравления, перед нами распахнули двери, ведущие на балкон. На площади шумела толпа, я даже не успела подумать, что совершаю первые шаги в роли царицы и публичной личности. Все, что происходило со мной, так стремительно закручивалось, так быстро менялось. И в этом калейдоскопе событий я не всегда понимала, что происходит. Эйфория уступила место прозрению ближе к вечеру. Когда неугомный распорядитель стал набрасывать список ближайших дел. Мне предстояли переезд во дворец, официальные визиты и знакомство с важнейшими государственными персонами, примерки нового гардероба, утверждение списка гостей и составление меню свадебного стола. Моему благоверному, кроме подготовки к празднику, предстояло

разобраться с преступницами. Я просила, чтобы мне разрешили принять участие в допросах. Митя остался неумолимым, но обещал рассказать все в мельчайших подробностях.

Пока Наталья устраивала меня в новых апартаментах, состоящих из небольшой уютной гостиной, внушительной спальней комнаты, еще пустующей гардеробной, расписанной полубившимися мне павлинами и цветами, и дополнительной комнаты, не обремененной назначением, так сказать, «про запас», Яга тщательно обеспечивала безопасность – читала заклинания в каждом углу, окуривала какой-то травкой, капала специальными зельями по периметру. Зачем мне это сейчас, если преступницы пойманы, я спрашивать не стала. Спорить с Бабой-ягой – дело, накладное для психики. А моя психика и так потрясалась с утра, как при землетрясении.

Наталья приставила ко мне двух горничных, Веру и Татьяну, расторопных шустрых девиц, обещавших всячески мне помогать. Яга настояла на дополнительной охране – стрельцах возле дверей. Суета вокруг собственной персоны меня уже порядком утомила, а Яга и Наталья все обсуждали, устраивали, планировали и решали. Я уже начала подумывать, а не воспользоваться ли мне будущей царской властью – топнуть ножкой, хлопнуть кулаком по столу и выпроводить всех из своих покоев – как объявился Митька и избавил моих попечительниц от первого проявления власти будущей царицы. Царь желал отужинать в обществе будущей супруги. Будущая супруга, то есть я, тоже очень этого желала.

Удобно расположившись в креслах перед мгновенно накрытым столом, мы наконец остались одни.

– Тебя еще вниманием и заботой не замучили? – хихикнул Митька.

– Не насмерть, но существенно, – в ответ пошутила я. Сейчас он был немного растрепанным, слегка уставшим, одет в просторную рубаху без царских регалий, как я и привыкла.

– Я в Митьку ряжусь не от хорошей жизни. Иногда протоколами, этикетами и трепетной заботой с ума сводят, – с улыбкой жаловался парень на горькую жизнь.

– И что, никто так и не догадался, что Митька и царь Дмитрий одно лицо?

– Кое-кто знает: Яга, Фрол Авдеевич, некоторые бояре, – беззаботно перечислял мой будущий супруг. – Осуждают, волнуются, стараются сохранить тайну и обеспечить безопасность. А остальные царя в глаза не видели, в жизни о подобной интриге не подумают.

– Значит, дуришь народу голову?

– Или пекусь о его благополучии. Узнаю о его тяготах и проблемах, живу одной с ним жизнью, – прищурившись, поправил Митя.

Я рассмеялась в ответ. Было легко и хорошо сидеть вот так, напротив него, и болтать обо всем. А еще хотелось бегать, прыгать и громко смеяться от того, как все удачно сложилось. Какая у меня удачная сказка и счастливый сказочный конец! Нет, совсем не конец. Наоборот, самое начало.

– Ты обещал о Забаве и Василисе рассказать? – потребовала я. – Кто из них настоящая преступница?

Нам меняли блюдо за блюдом. Я толком и не понимала, что ем. Жаркое в горшочке, перепелки, утиные ножки с грушевым соусом, наверное, что-то еще. Двух прислуживавших молодых парней я видела впервые. Больше никто не беспокоил.

– Обе, – вздохнул Митя. – Только преступления разные.

Видя, что я ожидаю продолжения и ни за что не отстану, Митя рассказал:

– С Забавой все просто. Батюшка ее, отец Лазарь, с детства воспитывал дочь в строгости и любви к Богу. Планировал сделать из нее монахиню и в этом году собирался отправить служить Господу Богу в монастырь на Малиновой реке. Но что-то в педагогическом процессе не заладилось, поскольку в монашки Забава идти отказалась. Только с отцом Лазарем не поспоришь, он нравом покруче Яги будет. В общем, каким-то немислимым способом Забава с матерью упростили его дать девушке отсрочку и позволить участвовать в смотринах царских невест. Так что у Забавы остался выбор – или в монашки, или в царицы. Вот она любой ценой дорогу себе и расчищала. С ведьмой спуталась, та ей яд приготовила. Аленушку она отравила, только той повезло – та с козлами едой делится, вот и квас отравленный не весь выпила, поэтому до смерти дело не дошло. В трактире в коктейли тоже Забава яда сыпанула. Шла мимо в дамскую комнату, стаканы на стойке стояли, она и сыпанула, пока никто не видел.

– А как же сама? Она же и сама отравиться могла? – удивилась я. Очень хорошо помнила, что исключила Забаву из преступниц, потому что покушение планировали совершить и на нее.

– А она пить не собиралась, – пояснил Митька. – Она бы задержалась подольше, тебе бы напитки принесли, ты бы выпила, а отраву в ее стакане с нее подозрение сняла бы. А если бы еще немного повезло, одним махом от Лукерьи или Марфы избавилась.

– Да, все продумала, – печально согласилась я, вспоминая мальчика, спасшего мою жизнь ценою собственной.

– Золушку тоже она отравила, пока все у скомороха были. Только с дозой ошиблась. Золушка девушка крупная, ей обычной порции оказалось недостаточно.

– Значит, и Аленушке, и Золушке повезло, если так можно сказать?

– Еще как повезло, – заверил Митя. – Яга их своим противоядием напоила, обещала, что вот-вот очухаются. А у Забавы теперь есть возможность замолить свои грехи. Отец ее в монастырь повез, там она и останется навсегда. Кстати, отец Лазарь нас венчать будет, вернуться он успеет.

– Подожди, Митя, а кто меня ларцом ударил, кто скомороха убил?

– Это совсем другая история, – ехидно улыбнулся мой суженый. – И если бы ты слушалась старших и умных, она вполне могла бы обойтись без тебя.

Я показала ему язык. Похоже, то, что я пыталась расследовать самостоятельно, не принесло никакой пользы.

– Ларцом тебя Василиса Прекрасная огрела, на пару со своим сообщником. Точнее, наоборот – тут она сообщница. Это дело рук все того же ключника Фильки, вруна, мошенника и вора, что два года назад служил у меня. Поймали его на воровстве за руку, с поличным. Отправили наказание отбывать в крепость на острове Буяне. Полгода назад он сбежал. Видимо, в соседнее Тридвенадцатое царство. Там, на слете Василис, он с нашей Василисой Прекрасной и познакомился. Влюбилась она в него без памяти, он жениться на ней обещал, только сначала им карту раздобыть надо было.

– Это ту, которая древняя и на ней границы другие и какие-то чудеса и тайны? – Что-то смутно припомнилось из рассказов Емели и Яги.

– Ту самую, – подтвердил Митя. – Там граница действительно проходит в другом месте, остров Буян Тридвенадцатому царству принадлежит. Правит там царь Андрей. Так вот, он Фильке свободу, деньги и подданство обещал за эту карту. Ну, про Андрея-то все ясно, его интерес к карте понятен. Желает расширить границы своих владений за счет оттяпанного от нашего государства куска.

Только Фильку у нас каждая собака знает, ему без сообщницы никак. Вот он Василису и завербовал. Она на смотрины поехала, шутов сюда зазвала и Фильку к ним пристроила, чтобы его разряженного никто не признал. Драгоценностей своих не пожалела, продала, чтобы все расходы оплачивать, поэтому ларец у нее пустой и потрепанный.

– Это они меня ларцом с картой огрели? – догадалась я.

– Точно, – кивнул Митя. – Они его как раз в ту ночь стащили, открыть пытались. А тут ты появилась очень некстати. Только ларец заколдованный так просто не откроешь, особый ключ нужен. Вот они и рыскали по дворцу в поисках ключа. Видимо, скоморох мой Фильку узнал, а может, просто, увидев шута, шум поднял. Филька его и зарезал. И у Василисы в комнатах ты Фильку видела. Василиса ему бубенчик передала – улику, которую возле Аленушки нашли. Аксиныя потому и не досчиталась на представлении во дворце тридцать третьего молодца, Филька ключ разыскивал, а не на сцене выступал.

– Ключ Василиса выкрала, пока все невесты свои подарки показывали, – подытожила я.

– Да, у них только-только все сладилось, и ключ украли, и ларец. Она сбежать собралась, а ты ее в чан с квасом уронила, – хохотал Митька.

– Я у нее в руках что-то маленькое увидела. Подумала, что пузырек с ядом и Василиса всех отравить хочет, – вздохнула я. – В квасе топить ее я тоже не собиралась, само получилось. И Забаву я нечаянно задела, она на пути попала.

Митька до слез хохотал:

– Милолика, опытный агент под прикрытием, со спецсредствами, полной поддержкой силовых структур, разработанным планом, две недели невесту изображала, доказательства собирала, а ты одной пробежкой по залу двух преступниц разоблачила!

– Это случайно, – тихо сказала я.

– Конечно, случайно, специально так не сделаешь.

В памяти всплыла сцена – Митька с Милоликой в обнимку. И хотя выбор царя пал на меня и вроде бы я вышла победительницей в борьбе за его сердце, ревность горячей волной всколыхнулась где-то в животе.

– Между прочим, какой она агент на задании, еще доказать надо, а вот как ты с ней обнимался, сама видела! – не выдержала я.

– Ба, да это никак ревность? – довольно улыбнулся Митька. – Значит, оставить Шахерезаду придворной танцовщицей ты тоже не разрешишь?

Я сверкнула на суженого злобным взглядом и запустила скомканным фантиком от конфеты. Митька от фантика увернулся и заулыбался еще ехидней:

– Если уж кому и ревновать к Милолике, так это мне – тебя!

– То есть? – Я ничего не поняла, но злость прошла.

– Вон она как тебе глазки на смотринах строила!

– Что?

Наконец Митя перестал смеяться.

– Тайна у Милолики есть!

– Какая? – быстренько оживилась я.

– Ее мужчины не интересуют, – шепотом сказал парень. – Никакие. Ни бессмертные, ни цари. – И, заметив мои округлившиеся глаза, добавил: – Разумеется, это большой секрет.

Я все еще пребывала в замешательстве. Как-то это чересчур для сказочного царства-государства. Еще припомнились недавние разговоры, и воображение живо нарисовало недоумение Кощея Бессмертного в момент, когда он выяснил, на ком хотел жениться. В общем, тайну я поклялась хранить как зеницу ока.

За окном уже давно наступила ночь. И на улице, и во дворце стихли голоса. Невидимые слуги зажгли свечи, мягкие тени от них заплясали по стенам, в миниатюрных чашечках остыл кофе. За разговорами ужин грозил перейти в завтрак. Митька встал, подошел к моему креслу сзади и обнял за плечи.

– Я пойду, – тихо сказал он, зарываясь в мои волосы. – Завтра непростой день.

– Видимо, как и каждый следующий, до самой свадьбы, – согласилась я.

– Ничего, это явление временное, потом у нас будет долгая, спокойная, счастливая жизнь, – пообещал он. Поцеловал в макушку и вышел, пожелав спокойной ночи.

Уставшая и абсолютно счастливая, я улеглась в кровать. Множество подушек мягко приняли меня в свои объятия, простыни пахли лавандой, шелковый полог слегка колыхался от теплого ночного ветерка, влетающего в распахнутое окно. В такой спальне снятся только сладкие сны. На ум пришло старое заклинание: «Суженый, ряженый...» Я улыбнулась сама себе: мне это ни к чему, я уже знаю ответ.

Глава 28

За полупрозрачными кремовыми шторами явно угадывался мужской силуэт. Небольшой человечек сидел на подоконнике, сложив ноги домиком. Он не желал входить и не собирался исчезать. Я не чувствовала страха, лишь легкое смущение от того, что за мной столь нахально наблюдают в собственной спальне. Подойдя ближе, я заметила у ночного гостя рожки и длинный хвост с кисточкой. Периодические визиты чертей уже вошли в привычку. Пора знакомиться и выяснять, чего им от меня надо.

– Ты кто? – шепотом поинтересовалась я, наблюдая за гостем сквозь шелковую занавесь.

– Твой гость.

– Проходи, – пригласила вежливо.

– Не могу, – просто ответил ночной гость.

– Тогда я присяду с тобой рядом, – предложила я. Почему-то это показалось мне довольно вежливым. Чертеночек любезно подвинулся и убрал хвостик.

Я осторожно присела на подоконник рядом с ним.

– Как жизнь? – беззаботно поинтересовался гость.

– Хорошо, – просто ответила я.

– Замуж собираешься? – не меняя тона, продолжил расспрашивать чертеночек.

– Ага!

– А за кого выходишь, знаешь? – прищурился гость.

Я рассердилась. Да что они, стоворились, что ли? Эти вечные намеки на то, что все знают лучше, чем я. Тьфу! Надоели!

– За любимого! – отрезала не думая.

Чертеночек пристально посмотрел на меня черненькими умненькими глазками, будто хотел что-то высмотреть в самой глубине души. Потом тяжело вздохнул:

– Значит, сердце Дмитрию отдашь и руку.

Ну что за маниакальные брачные наклонности! Тоже мне, вручение супового набора!

– На части не делюсь, – попыталась пошутить я. – Либо все, либо ничего.

– Значит, душа еще при тебе и никому не обещана? – оживился чертенок и даже завил кисточкой на хвосте. Вынул из кармана зеркальце, ткнул мне в лицо. – Что видишь?

«Что за абсурд? Какое сердце, какая душа? Сижу с чертом на подоконнике, несую какую-то чушь в ответ на какой-то бред. Может, все-таки галлюцинации?» – с надеждой убеждала я себя.

Из-за горизонта появился первый солнечный луч, розовый и стремительный. Чертенок исчез.

Проснулась я в своей кровати. Точно, привиделось. Привидится же такое! Должно быть, нервное. На сундуке стояла любимая крынка с настойкой трын-травы. Заботливая Яга побеспокоилась о моих нервах. На подоконнике лежало зеркальце, простое, в деревянной оправе на тонкой ручке, то самое, что достал чертик. Я погляделась в него, поправила волосы. Значит, все же не привиделось. А что, извините, я должна увидеть в зеркале, кроме собственного отражения? Мои размышления прервали горничные. Вера и Татьяна внесли сарафан и сообщили, что Яга и распорядитель уже ожидают в гостиной.

День действительно начинался суматошно. Сначала официальное представление боярам и приближенным государя будущей царицы, то есть меня. Можно подумать, со вчерашнего дня в городе остался хоть один человек, который не знал, на кого пал царский выбор. Проблема с моими фамилией и родословной осталась, Яга посчитала лишним что-то придумывать. Все равно, дескать, через неделю царицей будешь, а у цариц вообще фамилий нет – за ненадобностью. Представляли меня теперь Дарьей, царской невестой и грядущей царицей Тринадцатого царства-государства. Скромно замечу, быть «грядущей» мне очень нравилось. Бесчисленный ряд бояр слился в одну толстую краснощекую физиономию, ну не я же, в конце концов, виновата, что все они упитанные, дородные и высокомерные! Имена бояр перемешались в голове, я практически никого не запомнила, но Наталья, заметив мое смущение, шепнула:

– Их все одно каждый раз полностью представляют, со всеми прародителями и крестителями, так что в голову не бери.

Такая куча информации при всем желании в голове не поместится. Я вежливо улыбалась, терпеливо кивала и изо всех сил старалась не зевнуть. Время ползло как старая больная черепаха, зато бояре прибывали и текли сплошным потоком. Наконец наступил долгожданный обед. Вопреки моим ожиданиям трапезничать мне предстояло в гордом одиночестве. Митька исчез сразу после официального представления. Потом меня долго мучили портной и десяток его помощниц, поставившие себе цель за предстоящую неделю сшить мне не только «умопомрачительное» свадебное платье, но и «приличный» царский гардероб. Андрей Парамоныч старался всюю.

– О, май далинг, – щебетал он почему-то на сильно исковерканном английском, хотя при знакомстве ссылался на французское происхождение. – Это великий честь для меня – раздеть – о! – одевать царица, – ну, до этого, я надеюсь, мы не дойдем. – Мои шедевр выставят вас в лучший свете, ви будет бьютифул красавица.

Яга, весь день следовавшая за мной по пятам, безапелляционно заявила:

– Свадебное платье должно быть белым!

– Это скучно и не фешн, не модно, – возразил кутюрье. – Сейчас замуж ходят в кремовом, розовом, теплый оттенок чудно подойдет к ее дивной коже. – Он умиленно потрепал меня по щеке.

Не успела я себя представить в фиолетовом. А что? Всегда хотела выйти замуж в чем-нибудь очень ярком и необычном – раз уж можно, чего ж не воспользоваться! – как Яга отрезала:

– Я сказала, в белом!

Спорить дальше представитель большой моды не решился. Мне осталось пожать плечами.

Девушки Андрея Парамоныча, казалось, ползали по мне, как муравьи, измеряя каждый сантиметр тела, тыкали в нос наброски, сделанные великим портным за прошедшую ночь, и оборачивали меня в разномастные ткани. Дабы прекратить этот кошмар раньше, чем иссякнет последняя капля моего терпения или, запутавшись в тряпках, я упаду на пол и забьюсь в истерике, пришлось предложить решение, устроившее всех. Андрей Парамоныч шьет мне десяток нарядов на свое усмотрение и без моего участия. Я полностью положусь на его вкус и чувство прекрасного, доверюсь его чутью и профессионализму.

Перед моими дифирамбами портной не смог устоять и согласился. А после свадьбы, никуда не торопясь, мы выберем фасоны, все решим и обдумаем. У него будет возможность изучить мой царский вкус, а у меня – желание и время вникнуть в модные тенденции нынешнего сезона. На том и порешили. Забив послеобеденное время на примерки свадебного платья – его без моего участия он шить отказывался – мастер иголки и нитки, заботливо оберегаемый помощницами, удалился. Не то чтобы я не любительница красивой одежды... Любительница, и еще какая! Но столь бурные примерки отнимают слишком много времени и сил. Мысль о ежедневной экзекуции окончательно меня подкосила. Изнемогая от еще не царского бремени, я рухнула в кресло. Яга велела подать чаю.

– Мне показалось или Андрей Парамоныч собирается сшить платье за неделю? – Я вдруг вспомнила важную деталь, проскользнувшую среди тысяч слов портного. – То есть к свадьбе? Значит, свадьба назначена через неделю, на следующую субботу?

– Ну да! – кивнула Яга. – А чего тянуть-то? Долго протянешь, гостей из других царств-государств звать придется. Понаедут, возни с ними не оберешься! – отмахнулась бабуля. – А праздник устроим как положено, не переживай, – заверила Яга. – Свадьба будет честь по чести. И платье загляденье, и пир горой, и гулянья до утра.

Старушка прихлебывала чай из блюдца, глаза горели как лампочки. Я не стала ее разочаровывать, хотя, как по мне, чем свадьба скромнее, тем лучше.

– Что-то ты бледненькая какая-то, – прищурилась Яга, внимательно меня разглядывая. – Тебе надо отдохнуть, вздремнуть. – Она потащила меня в спальню. – Полежи перед ужином. А я пойду, своими делами займусь. А то дом на Феню оставила. Он хоть и домовитый, а пригляд за ним все одно нужен. – Бабуля заботливо взбивала подушки, отмахнувшись от помощи появившихся горничных.

– Откуда это у тебя? – изменившимся голосом спросила Яга. В руках она держала то самое зеркальце с деревянной ручкой, которое я утром нашла на подоконнике.

– А, нашла. – Я поведала ей и о странном сне, и о неожиданной находке. Яга слушала очень внимательно и напряженно. Отдала зеркало мне, глухим голосом спросила:

– И что ты в нем видишь?

– Ну что можно видеть в зеркале? – Вот опять этот странный вопрос. Я уже улеглась в кровать и сладко зевнула. – Себя. Я вижу в нем свое отражение во всей красе.

– И ничего странного в отражении не находишь? – не унималась Яга.

– Нет, ничего странного, – заверила я. – Хорошее зеркало, не кривое.

– А чертику ты это сказала? – уже более беззаботно поинтересовалась Яга.

– Нет! Не успела, он исчез. А чего они ко мне ходят, черти всякие? – задала я давно интересовавший меня вопрос.

– Да в нашем царстве и во всех остальных этих чертей хоть пруд пруди! – отмахнулась Яга. – Вот и шастают по честным людям без дела. Глупости всякие рассказывают, гадости делают. А может, тебе действительно это приснилось с непривычки да от волнения. Не обращай внимания. Спи, деточка, спи.

Яга еще некоторое время что-то вынюхивала возле окна, шептала и возмущенно сопела, а я погрузилась в сладкие объятия Морфея.

Глава 29

Разбудила меня Наталья. Обе горничные были здесь, крутились возле манекена, на котором висело новое, видимо, только что доставленное платье. Восторженно ахали, разглаживали несуществующие складки и сдували невидимые пылинки. Восхищаться было чем. Простое серое платье с широкими рукавами украшали немыслимой красоты птицы и цветы в розовых и малиновых тонах. Облачившись в этот наряд, я стала похожа на неземное существо. Грудь казалась пышнее, талия тоньше, ноги длиннее, спина изящней. Кажется, я начала входить во вкус. Иными словами, местная мода мне очень нравилась.

В моей гардеробной появились зеркала от потолка до пола, по-настоящему королевские. И несколько сундуков. Они предназначались для хранения одежды. Складывать сногшибательные наряды, сшитые Андреем Парамоновичем, в эти громоздкие и прожорливые погреба, пусть и отделанные кожей, шелковой тканью и резьбой, было святотатством. Все требовалось срочно менять. Не рассчитывая найти в городе магазин «Икея», я самостоятельно начертила систему хранения вещей. А потом еще объяснила, что, как и зачем, нарисовала плечики для одежды и опять объяснила. После многочисленных иллюстраций, толкований, пояснений и вразумлений горничные наконец пообещали доставить мой заказ к столярных дел мастерам и проследить за исполнением каприза царицы. Лично я ничуть не сомневалась в визите столяра и повторной дискуссии на ту же тему, но намеревалась довести дело до конца и получить приличную гардеробную.

– Стол накрыт, все собрались, – докладывала Наталья. – Но царицу подождать не грех. Пусть привыкают, она теперь здесь главная.

Я вертелась перед зеркалом. Андрей Парамоныч действительно мастер. Такое платье сшить за несколько часов – фантастика!

– Зайдешь, легонько поклонись, – наставляла Яга, сопровождая на ужин. – Сядешь по левую руку от царя. Это пока невеста. Потом будешь напротив супруга сидеть.

Думаю, когда стану царицей, несколько упрощу местный этикет, по крайней мере, в будние дни.

– До свадьбы праздничных застолий не предвидится, так что пока все скромно, по-простому.

Не знаю, где в понимании Яги простираются границы простоты и скромности, но, когда я вошла в зал, там было по меньшей мере человек тридцать. Все дружно обернулись в мою сторону и отвесили мне почтительные поклоны. Ответив вежливой улыбкой и легким кивком головы, как учила бабуля, холодея от волнения, я замерла. «По левую руку от царя», – передразнила про себя Бабу-ягу. А с какого конца стола? Вовремя подоспевший Митька спас меня от возникшей неловкости, увлекая за собой. Дальше все пошло проще. Впрочем, если у них такой многолюдный ужин каждый вечер, мне это не нравится. Хотелось бы иногда проводить вечера тихо, по-семейному... Выяснилось, что публичная трапеза никого, кроме меня, не смущает. Бояре уплетали за обе щеки многочисленные блюда, коими был обильно заставлен стол, щедро запивали напитками, хмельными и не очень, вели неторопливую беседу. Мне неоднократно подливали коктейль «Дарина», и через некоторое время происходящее приобрело добрый и даже забавный характер. Никифор Федорович, правая рука моего будущего венценосного супруга, сидевший по правую сторону от государя, аккуратно напротив меня, показавшийся мне вначале суровым и серьезным, после небольшого возлияния вовсю шутил и рассказывал смешные истории из детства и юности Митьки. То есть Дмитрия, пора уже привыкать. Фрол Авдеевич, временно уступивший мне место и сидевший слева от меня, хвастался знанием щекотливых подробностей из взрослой жизни царя. Мой благоверный метал взглядом грома и молнии, что ничуть не смущало собеседников.

Вечерняя трапеза затянулась. Когда все разошлись и Дмитрий провожал меня в покои, любопытная луна уже заглядывала в дворцовые окна. Он легко чмокнул меня в щеку и удалился. Стрельцы под белы ручки волокли за нами хмельную сопротивляющуюся Ягу. Что-то она буквально поселилась во дворце. И хотя Митя рассказал мне все и про карту, и про ключника, с Ягой они шептаться и ругаться не перестали. В мое сердце закралась непонятная тревога, но я быстро перестала думать о плохом – слишком счастливой себя чувствовала.

Отослав заспанных горничных, села на подоконник, тот самый, который делила с чертенком во вчерашнем сне. Спать не хотелось совершенно. Признаться, что жду в гости чертей, я не решалась даже себе. Повертев зеркальце, еще раз вспомнила подробности полуяви-полусна и почти уверовала в нереальность событий. Зеркало и до моего поселения в этой комнате могло преспокойно лежать на подоконнике. Зацепила краем глаза, вот и приснилось от всех этих волнений. Во рту пересохло. Надо будет позже завести буфет или небольшую кухню. А то тоже мне царские покои, даже графина с водой нет. Горничных будить было как-то неловко. Теперь дворец мне дом родной, пора привыкать. Хоть экскурсию провести по царским хоромам мне еще никто не удосужился, но неужели я кухню не найду? Вот и прогуляюсь перед сном. Я тихонечко выскользнула за дверь. Не в пример мне, охранники-стрельцы несли службу – дремали, опершись на бердыши. Я на цыпочках прошла мимо. Скромно замечу, что внутри дворец был больше, чем казалось снаружи. Мои апартаменты располагались в правом крыле на третьем этаже. В левом – покои царя. На втором этаже праздничный и тронный залы, комнаты для гостей. По логике, кухня и прочие подсобные помещения должны были находиться на первом. Я спустилась вниз на один пролет. Коридоры дворца заливал серебристый лунный свет, лившийся через высокие окна и витражи. Растения в кадках отбрасывали причудливые тени. В пушистой ковровой дорожке приятно утопали тапки, я сняла их и немного прошла босиком. Во дворце я чувствовала себя уютно и комфортно, как дома. Улыбаясь самой себе, собиралась спуститься этажом ниже, но тишину нарушил громкий шепот. Голоса я узнала моментально: Митька и Яга. Вот неугомонные! О чем может спорить эта парочка глубоко за полночь? Я не собиралась подслушивать, но, пройдя десяток шагов, остановилась перед дверью в тронный зал. Заглянуть в щелочку не смогла – двери были плотно закрыты, но разговор гулко разносился по коридору.

– Меньше двух недель осталось, – упорно объясняла Яга. – Столько сил потрачено, дел переделано, заклинаний наложено, народа изведено. Первый раз за пять веков шанс появилось проклятие снять, а ты из-за глупостей на попятную идешь?

– Это не глупости, – громко шептал Митька. – Это моя жизнь. Личная жизнь! И ты в нее не вмешивайся!

– Царство! Вот твоя жизнь! – гавкнула бабка. – И личная, и вся остальная. Ты государь! Твое дело – забота о государстве! Или ты своему сыну желаешь такого же наследства, что и тебе досталось?

– Твоими стараниями его может вообще не быть! – злился мой суженый.

– О, будет! Еще как будет! – отмахнулась Яга.

Мне сразу не понравилась эта перебранка. Что происходит? Что они скрывают? Какие такие заклинания наложила Яга? У нее, конечно, дня без колдовства не обходится, но чтобы вот так упрекать... Это значит, она большую работу проделала, сильно постаралась. Пить расхотелось, слушать дальше было как-то неудобно, да и смысла не имело, Яга все равно вот-вот обнаружит лишние уши. Входить в зал – поздно. Я тихонечко вернулась в свою спальню. А не меня ли, случаем, Яга приворожила, а Митька, пардон, царь Дмитрий теперь из благородных побуждений требует снять с меня заклятие? Митька желает строить семейные отношения по-честному. А Яга на попятную не идет. Вот ведьма старая! Злости на нее не хватает!

Промаявшись в раздумьях почти до утра, прикидывая и так и эдак, я так и не нашла правильного решения. С одной стороны, как-то странно было осознавать, что совершенно потрясающее чувство полета, которое я испытывала последние несколько дней, возникло благодаря колдовским навыкам старушки с темным прошлым. С другой стороны, я точно помнила, что Митька мне глянулся сразу, в первый же вечер. Ну не могла тогда Яга меня приворожить, не успела еще. А с третьей стороны, мое ночное бдение и мучительный мыслительный процесс очень похожи на народную женскую мудрость – сама придумала, сама обиделась. Совсем запуталась, ничего не понимаю.

Солнце неизбежно поднималось из-за леса, черневшего на далеком горизонте, неизбежно, метр за метром, освещая город и подбираясь ко дворцу розовыми упрямыми лучами. С наступлением рассвета в залитой светом спальне я ощутила острый недосып. Отражение в зеркале тоже жаловалось на бездарно проведенную ночь. Темные тени легли под глазами. Взгляд мутный и уставший.

Я решила пока ничего не предпринимать, в конце концов, никаких достоверных фактов у меня нет. Пусть все идет, как шло, а там видно будет.

Глава 30

С каждым днем добавлялось суматохи и волнений. Шла активная подготовка к свадьбе. Яга расцвела как ягодка, пребывала в необъяснимом волнении и везде совала свой крючковатый нос. Ни одно дело не обходилось без ее тщательного контроля. Дмитрий же, напротив, ходил мрачнее тучи и кидал на бабушку недовольные взгляды. Впрочем, со мной был по-прежнему нежен и ласков. Только иногда его задумчивый вид вызывал у меня приступы тревоги. На мои вопросы и попытки аккуратно выяснить, что именно его беспокоит, будущий супруг отшучивался и все приписывал предсвадебному волнению. Вроде как он хоть и невозмутимый глава государства, а все одно, женится не каждый день.

Мне предстояла очередная примерка свадебного платья, которая вопреки традициям должна была состояться без Бабы-яги. Старушка оказалась занята. Я смотрела в окно – на Дворцовой площади возводили шатер. Именно на руководство этим процессом и отвлеклась бабуля, к превеликому облегчению горничных и Андрея Парамоныча.

– О, этот ужасный дженщин! У меня исчезает вдохновения, когда она оценивает мою работу, – лепетал взволнованный мастер, расправляя на мне обширную юбку. – Моя муза ее боится и фыр-р. – Портной помахал короткими ручками, изображая не то пчелу, не то птичку.

Со двора доносился громогласный голос «дженщины», от которой муза великого портного «фыр-р»:

– Шатер должен стоять крепко. Чтоб ураган прошел, дом твой, бестолочь, снесло, а шатер устоял. Ураган я тебе лично обеспечу.

Не знаю, какой природный катаклизм планировался как основное развлечение на нашей свадьбе, но беднягу, на которого орала Яга, я искренне жалела.

Андрей Парамоныч вздрогнул, но дело свое не забыл. Мои оголенные плечи обвила увесистая кружевная лента, расшитая камнями.

– Вот так, я думаю, осень карашо! – Мастер умиленно всплеснул руками. – А вам? Вам нравится?

Мне очень нравилось.

– Да, великолепно. Думаю, так можно оставить.

После вчерашней перепалки Андрея Парамоныча и Яги, когда с потолка сыпалась штукатурка, слетала хлопьями позолота и тряслись стены дворца, я уже была готова на любой вариант, лишь бы подобное не повторилось. Но платье оказалось действительно прекрасным, совершенно идеальным. Снежно-белое, длинное, узкое в груди и талии, внизу оно расходилось воздушными волнами и шлейфом. Довольно глубокое декольте обрамляла изысканная, тонкая, вышитая камнями кружевная лента. Такая же лента шла по краю плетеной накидки – верхнему слою платья – которая распахивалась книзу, открывая юбку из перламутрового шелка. Широкие рукава из того же блестящего шелка украшали крошечные капельки прозрачных камешков, очень похожих на бриллианты. Настоящие ли в наряде использованы драгоценности, я спросить не решилась, но от меня расходилось сияние и летело множество солнечных зайчиков на стены и потолок.

– Завтра ваше величество получит его законченным, – пообещал портной.

– Благодарю вас. Вы маг и волшебник своего дела, – любезно расточала я комплименты, кстати, совершенно заслуженные.

Когда мы закончили обмениваться любезностями, поклонами и приседаниями, я наконец осталась одна и собралась насладиться представлением под названием «установка шатра».

Внизу на площади суетилось около трех десятков человек, растаскивавших в разные стороны кремовую, расписанную цветами ткань, стараясь, чтобы ее не забрызгали фонтаны. Процессом руководил худющий и высоченный господин в темно-зеленом камзоле. Господином руководила вредная и горластая Баба-яга, не достающая ему даже до пояса, что не мешало ей понукать его, как собственного ослика. Сочувствуя господину и радуясь за себя, вспомнила шутку: «Можно бесконечно смотреть, как течет вода, горит огонь и работают другие, идеальное зрелище – пожар». Мне для совершенства картинки не хватало огня. И только я подумала... Раздался жуткий треск, стены содрогнулись, земля затряслась. Откуда-то из-под дворца вылетела огромная струя пламени, следом под чей-то дикий смех в центр Дворцовой площади выскочил дракон, стряхивая с себя обломки,

расправляя крылья и окидывая испуганным взглядом разбегающуюся с криками толпу.

Золотисто-песочное трехглавое существо с зелеными зубцами на хребте и стрелообразным хвостом оторопело оглядело местность. Обнаружив вокруг себя пару разбитых каменных фигур, пылающий свадебный шатер и пунцовую от злости Ягу на ступенях чудом уцелевшего дворца, животное робко поклонилось всеми тремя головами:

– Здрас-с-сти!

И, пользуясь случаем, пока бабуля не собралась с силами, Змей Горыныч, а это был он, взмыл в облака. Только эхо донесло дикий залиvistый хохот, издаваемый крошечным существом в лохмотьях, сидящим у него на шее.

Яга так и не нашлась, что сказать, хотя долго рычала, хрипела и пускала носом пар не хуже дракона. Когда бабуля успокоилась и приняла свой «естественный окрас», я снова получила зрелище, недотягивающее до идеальности. Шатер потух естественным образом, залитый водой из фонтанов, а сбежавшая толпа вернулась ликвидировать последствия происшествия.

Позднее выяснилось, что удрал не только Змей, понукаемый Лихом одноглазым, Василиса Прекрасная тоже умудрилась смыться, не дождавшись конца следствия. Преступную барышню объявили в межгосударственный розыск и сосредоточились на более важном в этот момент событии – свадьбе.

На вечернем совете решили ни в коем случае свадьбу не откладывать. Причем именно Баба-яга неумолимо настаивала на своем. Ни на день не желала переносить знаменательное событие, будто сама под венец собралась и боялась, что жених передумает. Митька, к моему удивлению, почти не спорил. Вызывающе поглядывал на бабуку и зловеще улыбался, словно хитрость какую придумал, точно на кривой козе ее обскакал. Бояре вообще реагировали слабо, в основном кивали. Глиняные мастера брались за ночь изготовить новые фигурки для фонтанов, а портные – сшить новый шатер. Яга бралась лично все проконтролировать и, если понадобится, поддержать колдовством, что особенно пугало.

В эти предсвадебные дни Митю я видела очень редко. Ничего не скажешь, скучала и рассчитывала, что после свадьбы у царя найдется

для меня больше времени. Иногда он заходил поздно вечером пожелать мне спокойной ночи. Однажды я не удержалась и пожаловалась, что почти его не вижу.

– Если бы я был простым купцом или ремесленником, мы бы проводили гораздо больше времени вместе. Но тогда, увы, ты не стала бы государыней, – просто заметил Митя в ответ.

– Ну и что! – возмутилась я. Неужели он думает, что я выхожу за него, потому что он царь? – Ты действительно полагаешь, что мне очень хочется быть царицей? Если так, то ты глубоко ошибаешься.

– И ты спокойно отказалась бы от трона? И стала бы жить простой, не отмеченной властью жизнью? – поинтересовался Митя.

– С тобой – легко, – кивнула я.

– А если серьезно? – С Митькиного лица исчезла улыбка. Он внимательно вглядывался в мое лицо. – Назначу преемника и уеду в деревню. Поедешь со мной?

Я с улыбкой добавила:

– Можешь смело отказываться от престола. Уедем в деревню. Как ее? А, Подберезовку. Ты будешь пахать и сеять, а я печь пироги и кормить гусей. Научусь прясть и вышивать крестиком...

– По-моему, ты преувеличиваешь свои способности, – рассмеялся Митя. – Яга говорила, ты даже не знаешь, с какой стороны к коромыслу подойти.

– Но я способная и быстро учусь! – шутливо надулась я.

– Мне не придется пахать, а тебе прясть. Боярский дом, достойный быт, слуги и достаток... Я подумаю.

– Так тоже согласна, – ответила уже серьезно.

Он поцеловал меня страстным и долгим поцелуем, будто в слиянии черпал силу.

– Спи давай. Спокойной ночи.

Глава 31

В предсвадебный день полагалось провести девичник. Подруг в этом городе я не завела, так что, не превращая мероприятие в массовое гулянье, решила провести его в доме у Яги. Наталья, несмотря на свою круглосуточную занятость во дворце, обещала изысканный стол, Тимофей, хоть и не предполагавшийся на девичнике по половой принадлежности, но обязательно присутствовавший по месту прописки, со слов Бабы-яги, готовил развлекательную программу (надеюсь, речь шла не о стриптизе). Не раздумывая долго, я отправила приглашительные всем знакомым женского пола, не считая тех, кто уже отбыл на родину или находился в бегах. А там уж кто придет, с тем и повеселимся. Матрена, Лукерья, Марфа сразу ответили согласием. Несмеяна – хоть я и не была с ней близко знакома, но обойти невесту Емели приглашением не могла, – тоже обещала быть. Из бывших заграничных невест царя только Золушка еще не уехала. Она вызвалась помогать с приготовлениями к свадьбе и с радостью приняла приглашение. Приглашение для Милолики вернулось обратно – та отбыла по спецзаданию. Ну что же, наша служба и опасна, и трудна. Осталась Аксинья. Сначала я посчитала неуместным присутствие маленькой девочки на предсвадебном собрании взрослых девиц – мало ли какие разговоры могут возникнуть! Но вспомнив, что невинное создание за словом в карман не лезет, частенько употребляет неподобающие девочке ее возраста выражения, а порой оказывается очень даже взрослой и сообразительной, я решила, что вряд ли она услышит что-то новое, к тому же изначально ничего неприличного не планировалось.

Баба-яга, снаряжая и наставляя перед ответственным мероприятием, всучила корзинку с рукоделием – пряжа, спицы, пальца, нитки, иголки. На мой вопросительный взгляд чинно ответила:

– У всех девушек разные пристрастия, что из этого пригодится, не знаю. Ты хоть ничему и не обучена, а внимательно к остальным приглядишься и чего-нибудь сотворишь. А больше тебе это и не понадобится. Царицам не обязательно шить да вязать.

Я несколько иначе представляла проводы девичества, но Яга моего недоумения не заметила и как ни в чем не бывало продолжила:

– Помню, сестру мою замуж выдавали, так мы и двух крестиков не вышили. Уж больно распелись. Хорошо я по молодости пела, голосистая была.

Я еле удержалась от заверения, что бабу и сейчас издали слышать. То есть с голосом проблем никаких.

– Ну что ты смотришь на меня, как баран на новые ворота? – возмутилась Яга, потом, подумав, добавила: – Государыня. Самое дело для юной невесты на девичнике шить да вязать.

Спорить с Ягой и раньше было делом накладным, а сейчас, когда бабуля была обременена хлопотами по подготовке к свадьбе и находилась в состоянии неадекватного возбуждения, это вообще стало опасным для жизни. Поэтому, заверив наставницу, что я неплохо вышивала крестиком в пятом классе, запомнила сообщить, что под «неплохо» подразумеваю два цветочка на фартучке, сгребла корзинку и ушла.

Итак, стол ломился от угощений и напитков. Пять внушительных кувшинов с новомодными коктейлями и парочка просто с настойками, малиновой и рябиновой – презент от Аврека Афроимовича. Я выполнила свое обещание и написала несколько рецептов алкогольных коктейлей, разумеется, трансформировав их под местные ингредиенты. Все изобретения пользуются спросом. Мой партнер по бизнесу остался доволен и исправно выполнял добровольно взятые на себя обязательства – регулярно поставлять свои фирменные напитки к царскому столу. При этом торжественно поклялся не разглашать личность своего партнера даже под пытками.

Тимофей явился в парадно-выходной красной бабочке. Нарядные гости в предвкушении праздника, у каждой в руках по корзинке. В корзинках те же составляющие – нитки, спицы и иголки, в глазах недоумение и легкое любопытство, судя по которому я здесь не единственная, кто впервые видит пальцы.

Мы торжественно расселись по местам. Сначала натянуто и смущенно выпили за невесту, потом за жениха, затем за удачную свадьбу. После возлияния разговоры потекли легче, секреты раскрывались быстрее, сплетни лились рекой. Семь раздумывавшихся

барышень хохотали и делились самым сокровенным. Рукоделие благополучно дремало в дальнем углу.

– Ой, девочки у меня же мачеха новая! – хихикнула Лукерья. – Хозяйка Медной горы. Они с батюшкой обвенчались и отбыли в ее самоцветные горы. Мне на радостях венец преподнесла, матушка-то моя названная. – Девушка показала на очень красивое, обильно осыпанное камнями украшение у себя в волосах. – Еще накидку на платье, кованную из золота, всю в драгоценных камнях. Только ее носить под силу разве что силачу из цирка. Как она в таких ходит – ума не приложу, они же весят пуда три.

– Она шестерых мужей уморила, – округлила глаза Марфа. – Ты за батюшку не переживаешь?

– Не шестерых, а только пятерых, – невозмутимо поправила Аксинья. Щеки девочки горели не меньше, чем у остальных сплетниц, хотя перед началом застолья она поклялась, что крепче компота ничего пить не будет. – У страха глаза велики, – резонно подытожила юная специалистка по мужьям.

– Она у батюшки тоже не первая, – отмахнулась Лукерья. – Он вдовец со стажем. Хозяйка у него не то четвертая жена, не то пятая. Я уже сама со счету сбилась. Только моя маменька самой умной из всех оказалась, в монастырь от него сбежала, а теперь вот вернулась и живет припеваючи. А остальных он по-честному до гробовой доски любил. Хотя нет, еще одна моя мачеха от него сбежала, но ту не нашли. Так что, кто там кого в горах одолеет, вопрос спорный.

Девушки захихикали.

– Что бы церковь ни вещала, мало кто одним браком ограничивается, – высказалась Матрена. – Даже цари и то по два раза женятся. У отца нашего царя Дмитрия две жены было.

– А мне дед рассказывал, – вспомнила Марфа, – что прадед нашего царя первый раз в жены вообще какую-то монашку взял.

– Не монашку, а послушницу из монастыря, – уточнила Лукерья. – В монастырь она и вернулась.

Я слушала, открыв рот, – вот дал бог родственничков!

– А Милолика-то опять, говорят, к Кощею отправилась. По специальному приглашению, – поделилась «жареными» сведениями Несмеяна. – Мало ему показалось прошлого раза. Когда он ее в

прошлый раз в полоне держал, его чуть удар сердечный не хватил. Чуть не помер, уж не знаю, как оправился.

– Так он же бессмертный? – переспросила Лукерья.

– Конечно, бессмертный, только нервы-то не железные, такое узнать, это же сколько мужества надо! – хитро прищурилась Матрена. – Я вам по секрету скажу, сама недавно узнала – Милолика, она того, ей замуж не надо.

– Это как это не надо? – удивилась Лукерья. – Она же к царю сваталась, да и с Митькой шашни крутила!

Я усилием воли заставила себя улыбнуться и промолчать.

– Она того, ну совсем того – по девочкам, – поделилась знаниями Матрена.

Девушки дружно прыснули в платочки. Видимо, скоро тайна Милолики станет общественным достоянием. Хотя женщины, конечно, умеют хранить тайны – группами человек по сорок.

– Зато теперь понятно, что у них с Митькой общего, – хихикнула Лукерья. – Им обоим девки по вкусу.

– Ага, только у Митьки шансов больше, – подхватила Матрена. – К нему девки сами липнут, а на Милолику еще любительницу найти надо.

Повисло недолгое молчание, потом барышни опять захихикали.

– Теперь понятно, почему Кощей ее выпустил. – Лукерья не унималась. – Здоровье ему такая потенциальная невеста пошатнула. У него, поди, таких осечек тысячу лет не было.

– Да он на плахе не признается, от чего с сердечным приступом слег.

– Ему плаха не страшна! – засмеялась Марфа. – Он яйца с иголкой боится.

Негромкое, но настойчивое «кхе-кхе» прервало общее веселье. Кот Тимофей торжественно залез на край стола. Одной лапой он ловко швырнул кусок пряжи в патефон, примостившийся в углу на табуретке, видимо изъятый из бабулиных кладовых. Пластинка завертелась.

– К вашему вниманию, барышни, первый номер развлекательной программы! – произнес диктор с пластинки, а Тимофей раскрывал пасть и торжественно махал лапами, изображая, что вещает он сам.

Мы замерли, удивляясь способностям кота. Тот жестами предложил пересесть лицом к печке.

Мы все, хихикая и толкаясь, пересели на одну лавку. Перед печкой уже была натянута простыня, за которой мерцали свечи, довольно равномерно ее освещая. Простыню разрисовали деревьями и кустами, имитируя декорации. Нам, по всей видимости, предстояло увидеть постановку театра теней.

В общем, началось все довольно традиционно – постановка известной сказки «Колобок», разумеется, в интерпретации режиссера.

Почему кот Тимофей выбрал для показа «Колобок», для меня осталось загадкой. Почему в его постановке «Колобок» оказался триллером, тем более. Представление происходило под скрипучий патефон, в полной темноте и сопровождалось феноменальными по местным меркам спецэффектами.

Рыданиям старухи по сбежавшему чуду выпечки сопутствовало выразительное журчание – гости упоенно поддержали его всхлипами. Смех милейшего круглого существа звучал глухо и устрашающе, Тимофей дурным голосом орал не то в ведро, не то в лейку. Зрители пребывали в экстазе. Обещание каждого животного «Колобок, Колобок, я тебя съем» сопровождалось впечатляющим клацаньем, не иначе как капкана. Как-то во времена студенчества я посещала учебный театр, смотрела постановку «Вий» одного очень креативного режиссера. Он там тоже всякого намудрил. Без особого предупреждения я бы ни за что не признала в действе, развернувшемся на сцене, известное гоголевское произведение. Вышла тогда со спектакля в полубморочном состоянии и полном культурном шоке. Долгое время думала, что меня уже ничем не удивить, не испугать. Но Тимофей, можно сказать, обновил, освежил и усовершенствовал мое эмоциональное восприятие современного искусства.

Общее впечатление от представления выразилось холодным потом на лбу и мурашками по всему телу. Поэтому, когда ветром захлопнуло окно, а это было не по сценарию, я честно вздрогнула. Впрочем, мой сдавленный вскрик потонул среди полубморочного обмирания соседок по скамейке. Пока адреналин впечатленных барышень не стек под лавку, надо было заканчивать. К счастью, Колобок уже повстречал лису. Предвкушая бурные овации, Тимофей разошелся вовсю. Простыня тряслась от накаляющихся страстей,

отбрасывая жуткие тени на стены и грозя свалиться и накрыть всех актеров. Интересно, как он заставлял двигаться бумажные фигурки? Неужели один умудрялся и подыгрывать рассказчику с пластинки, и передвигать героев, и громыхать специальными предметами?

И вот, когда должно было прозвучать последнее «кляц», зрители замерли в ожидании развязки, а я – в восхищении от сюрреалистического таланта кота и впечатлительности местных жительниц, экран упал. Пока мои гости соображали, что произошло, открылись многие секреты постановки, в том числе личности актеров. Не знаю, каким образом Тимофею удалось выдрессировать или договориться на взаимовыгодных условиях, но актерами в спектакле оказались две огромные крысы в бумажных масках. В принципе я тоже не испытываю великой любви к этим грызунам, но такой бурной реакции я все же не ожидала. Мои захмелевшие гости завизжали, замахали руками, запрыгали. Запрыгали в буквальном смысле. Золушка, довольно крупных размеров девушка, залезла на стол, да не очень удачно, поскользнулась и рухнула на пол, потянув на себя скатерть. Лукерья, вскочив на скамейку, задела свечку и подпалила салфетку. Актеры мигом разбежались, прихватив с собой реквизит. Тимофей недоуменно обозревал происходящее, находя понимание только у Марфы, безучастно жующей пряник. С перепуга от происходящего и в ужасе от последствий, которые меня ожидают, как только Баба-яга узрит погром, я схватила ведро ледяной воды и одним махом потушила пожар и успокоила беснующихся.

Ничуть не умаляя накала, с таким же эмоциональным надрывом гости расставили пострадавшую мебель по местам, смели осколки посуды, вытерли лужу на полу и потребовали продолжения веселья.

– Кхе-кхе! – прокашлялся Тимофей. И знакомый голос рассказчика с пластинки объявил:

– К вашему вниманию, барышни, второй номер развлекательной программы!

Жестом волшебника кот достал из мешка блюдечко с наливным яблочком. Восторженные девушки наградили мохнатого демона такими аплодисментами и благодарными объятиями, что его морда от смущения и удовольствия приобрела цвет бабочки на шее. Пока девицы размещали тарелку на стене, рассаживались по кругу и

наливали себе по очередной порции коктейля, я тихо, но настойчиво зажала бабкиного кота в углу.

– Яга знает или без спроса упер?

Кот многозначительно закатил глаза.

– Узнает – на полевых работах загоняет, отдаст к Фене в рабство.

По абсолютному безразличию в раскосых глазах бесстыжего зверя я поняла, что любовь шести барышень действует на него не слабее пузырька валерьянки. Надеюсь, третьим номером у него не запланированы танцы. Моя психика этого не выдержит. Волшебная тарелочка уже начала закрытый показ без цензуры.

– Даш, ну иди, где ты там. – Лукерья нетерпеливо похлопала по пустому стулу, поставленному специально для меня.

Я залпом выпила стакан коктейля «Дарина» и робко взглянула на экран.

Что могли заказать хмельные девицы у блюдечка с наливным яблочком? Ничего приличного! Ни дно морское, ни сокровищницы тайные их не интересовали. Слава богу, время еще было не очень позднее и не все жители улеглись в кровать, так что у юных срамниц был не очень широкий выбор порносцен. И вообще, Господи! Если ты сейчас наблюдаешь за нами, пожалуйста, отвернись на минутку!

Скопище русалок на берегу острова Буяна произвело впечатление даже на меня. Штук двадцать рыбихвостых нудисток лениво развалились на отмели, и чешуя, как жар горя, весьма слабо прикрывала их прелести. Очень повеселила беготня разъяренного старичка в одних портках – царя соседнего государства. После репортажа из мужской бани Тридевятого государства пришло время закруглять показ телепередач, пока буйная фантазия моих гостей не довела нас до политического конфликта. Эту мысль очень вовремя поддержал Тимофей, поскольку от Аксины поступило предложение поглядеть, как кто-нибудь из местных ловеласов за девками бегает, а Лукерья тут же предложила кандидатуру Митьки.

Пока я в панике придумывала, чем отвлечь не на шутку разошедшихся девиц, пластинка, включенная заботливой лапой Тимофея, объявила:

– К вашему вниманию, барышни, третий номер развлекательной программы!

Заиграла зажигательная музыка с элементами русских народных мотивов, девушки тут же пошли в пляс. От наших танцев пол ходил ходуном, стены подпрыгивали в такт музыке, но терем Яги выстоял. Позже мы и до песен дошли, что-то же должно было состояться согласно традициям! Заливистое многоголосье разнеслось далеко за пределы владений Бабы-яги, лишив сна соседей и вогнав в ступор местных соловьев.

Разгулявшихся подруг невесты глубоко за полночь развозил с девичника Емеля на печи. Прощались, заверяя друг друга в нежной дружбе и глубоком уважении. Договорились вскоре собраться на девичнике у Несмеяны, так что Емеле было уже не отвертеться от свадьбы. Корзинки с рукоделием остались Бабе-яге – в качестве компенсации за нанесенный ущерб и на память о знаменательном дне.

Глава 32

Утром я бы, конечно, предпочла поспать подольше. Но даже по случаю собственной свадьбы мне это не позволили.

– Скажи спасибо, что не с первыми петухами разбудили, – проворчала Баба-яга. – Дел невпроворот, спать некогда.

– Спасибо, – благодарно ответила я. Моего чудесного настроения не испортит даже ворчливая старуха.

Яга, распределив обязанности между горничными и, «в случае чего», пригрозив всеми муками ада, отправилась удостовериться в готовности всего остального.

Я благодарно улыбнулась ей вслед. Бабка, конечно, злобная, только старается она для меня. Девушки моего умиления не разделяли, но к делу подошли со всей ответственностью. Умывали, наряжали, украшали, причесывали со всей тщательностью и торжественностью. К назначенному часу я сияла свежестью и красотой. Яга самолично приколотла к волосам легкую фату, которую во время венчания заменят на корону. В церковь ехать она наотрез отказалась, только поцеловала в лоб и смущенно пожелала удачи.

Фрол Авдеевич со своими молодцами в праздничных нарядах сопроводили меня к карете. Горожане высыпали на улицы и приветствовали будущую царицу громкими криками. Как и наставляла бабуля, я с легкой улыбкой на устах махала им ручкой. Карета в очередной раз стала всего лишь символом соблюдения этикета, поскольку Светлый хоть и столица Тринадцатого государства, а город небольшой. За пару часов можно пешком обойти. Но, согласна, царской невесте являться на венчание пешком как-то не комильфо. Кучер вел карету очень-очень медленно, а от дворца до церкви рукой подать. Так что я не успела ни прическу потрепать, ни нервы. Карета въехала в распахнутые кованые ворота и остановилась у самого входа в церковь. Во дворе собрались представители местной знати, у всех на лицах сияли самые что ни на есть счастливые улыбки. Ко входу в церковь вела лестница, устланная праздничным красным ковром. На каждой ступеньке по обеим сторонам стояло по стрельцу, для придания моменту торжественности и безопасности, все – с

улыбчивыми не по регламенту физиономиями. Слегка растерянная и смущенная от такого пристального внимания, я в сопровождении отряда стрельцов вошла в церковь, где меня ждал любимый и царь Тринадцатого царства по совместительству. Я и до этого считала Митьку обладателем того редкого типа красоты, которая поражает, радует глаз, но не дает усомниться в мужественности и силе. Но сейчас, на ступеньках собора, он был великолепен. Статный, величественный, за подчеркнутым спокойствием скрывались жизненная воля и решительность. Солнце огнем горело в золотых праздничных одеждах. Взгляд безмятежный и властный. Безупречен. Рука об руку мы прошли к алтарю.

Обряд венчания совместили с обрядом коронования, поэтому он длился бесконечно долго, хотя был торжественным и красивым. Все плыло перед глазами, запах ладана дурманил голову. Объявления нас мужем и женой я дождалась почти в обморочном состоянии. Нервное возбуждение усилилось до предела, когда я, повторяя за отцом Лазарем, произносила клятву, обещая беречь честь государства и радеть о благополучии народа. Я ни разу не запнулась и не заикнулась, чем горжусь. На голову мне водрузили тяжелую, усыпанную драгоценностями, корону. Митя все время нежно поддерживал меня под локоток, не давая упасть. Сердце бешено колотилось в груди. Биение его заглушал величественный звон колоколов, оповестивший округу о появлении царской четы. Бояре с супругами и придворные кинулись нас поздравлять, закидывать цветами и мелкими монетками. Кто-то обнимал, целовал, желал счастья, я уже не различала череды лиц. Спускаясь к карете по ступеням, изо всех сил старалась не упасть. Длинное платье путалось под ногами, огромные букеты загораживали обзор, корона опасно пошатывалась на голове. На лестнице копошились мальчишки и девчонки, подбирая разбросанные монетки.

Вдруг из толпы вышла девушка в простой рубахе и сарафане. Мое внимание привлекли ее будничные черты лица, мрачный взгляд и очень знакомые черты лица. Но когда я узнала ее, было уже поздно – она быстро вынула из рукава тонкий кинжал и кинула в Дмитрия. За то мгновение, пока острое лезвие летело к любимому, перед моими глазами пронеслась вся моя короткая прошлая жизнь, а также длинная будущая, которая сейчас могла оборваться. С силой, на которую была способна, я попыталась оттолкнуть его с того места, где он стоял,

прекрасно понимая, что попадаю между ним и кинжалом. Ужас и паника накрыли меня позже – я билась в рыданиях, хотя знала, что нож не задел ни его, ни меня, но от одной мысли о том, что могло случиться, трясло. Непонятно откуда взявшаяся Баба-яга сбила нож на лету собственным лаптем. Тоже мне, ниндзя-самоучка! Не сумев успокоить сразу, Дмитрий отнес меня на руках к карете. Напавшая даже не пыталась скрыться. Теперь все узнали в ней Василису Прекрасную, только какую-то постаревшую и несчастную.

– На чужом несчастье счастья не построишь, – прошипела она нам вслед. – Локти кусать будешь, да только поздно...

По пути во дворец я постепенно успокоилась на плече Дмитрия. Яга быстро, по-деловому, влила в меня настойку трын-травы. Фрол Авдеевич каялся и просил самого тяжкого наказания за недогляд, а народ начинал массовые гулянья.

И на Базарной, и на Зеленой площади угощали всех желающих, наливали всем проходящим. Перед дворцом, рядом со свадебным шатром, накрыли столы для знатных и приближенных. Убедив Ягу и Митю в своем прекрасном самочувствии, я вышла к гостям с улыбкой счастливой новобрачной.

– Никому не позволю испортить самый чудесный день в моей жизни, – твердо заявила я. – Да и не подобает царице прилюдно впадать в истерики.

– Молодец, девочка, – похвалила Яга. И добавила с хитрой улыбкой: – Как скажете, государыня.

Дальше праздник шел без инцидентов и постороннего вмешательства. Вопреки прогнозам Бабы-яги, на устойчивость шатра, да и на гулянье в целом, никакие катаклизмы, в том числе природные, не подействовали.

Народ гулял, веселился, пил за молодых и скандировал: «Горько!» Я чувствовала себя самым счастливым человеком на свете. Митя крепко сжимал мою руку в своей большой теплой ладони, а у меня кружилась голова от хмельных напитков и близости к любимому.

Все вокруг были такие милые и хорошие, так искренне радовались нашему счастью. Никифор Федорович отплясывал вприсядку вокруг своей не менее дородной супруги, а Фрол Авдеевич в пылу танца прошелся на руках не хуже профессиональных скоморохов. Прихода вечера никто не заметил. Народ гулял, теперь

уже при свете многочисленных фонарей, и обороты снижать не планировал.

Ко мне подошла Наталья и заговорщицки потянула в сторону. Я хотела попросить у нее какие-нибудь заколки – с головы все время сползала корона. Надо будет потом придумать, как ее закалывать, а то еще потеряю.

– Государыня, вас царь Дмитрий ожидает в опочивальне, – прошептала Наталья. – Пойдемте, я провожу.

– А, ну да, опочивальня. Как-то я сразу не подумала. А они? – Я показала на веселящийся народ.

– А они еще три дня гулять будут, – махнула рукой Наталья. – Если кто-нибудь заметит, что вы уходите, потом покоя не дадут. Пойдемте скорее, пока не спохватился никто.

Не доверять Наталье у меня повода не было. Она укрыла меня длинным, до самого пола, плащом с капюшоном и быстро повела задними дворами. Там нас ждала карета. Ехали недолго, но шум праздника стих. Мы подъехали к небольшому терему, и только за воротами Наталья разрешила снять плащ.

– Поднимайтесь на второй этаж, государыня, и ни о чем не беспокойтесь, дом надежно охраняется.

Действительно, во дворе несли караул не меньше двух десятков стрельцов. Дом сильно походил на дом Бабы-яги. Внизу печка, стол, скамейки, видимо, как и во всех местных домах. Наверху, в спальне с плотно задернутыми шторами, меня ждал мой супруг Дмитрий.

– Это традиции у вас такие? – поинтересовалась я. – Так таинственно обставлять первую брачную ночь?

В комнате горело множество свечей, царил романтический полумрак. Огромная кровать, застеленная розовым шелком, занимала большую часть помещения. Митька, уже в простой рубашке, с растрепанными волосами, не отрываясь глядел на меня своими умопомрачительными синими глазами.

– А ты бы предпочла, чтобы брачная ночь прошла под плясовую музыку и возгласы пьяных гостей?

– Нет, пожалуй, предпочитаю без экзотики, просто наедине с тобой.

– А то можем позвать стрельцов в зрители, – подколот он, расстегивая мое платье и целуя в шею. – Что же поделать, если у моей

царицы такие изощренные фантазии?

– В следующий раз – непременно, – ответила я в тон, крепко обнимая любимого.

Глава 33

Проснулась я в неопределенное время суток. Шторы закрывали окна, в комнате царил полумрак. Митя лежал рядом, поддерживая голову согнутой в локте рукой, и не сводил с меня глаз. Мне показалось, что так он лежит уже довольно давно.

– Привет, – тихо прошептала я, подползая ближе. – С добрым утром.

– И тебя с добрым утром. – Митя чмокнул меня в нос. – Ну и горазды же вы поспать, государыня!

– Так разбудил бы, – пожалала я плечами, устраиваясь поудобней у него на плече. – Какое там время суток?

– Без понятия. Есть хочешь?

– Очень, – призналась я, но не пошевелилась.

– И я очень, – согласился Митя, продолжая крепко прижимать меня к себе.

– Так, может, пойдём поедим? – засмеялась я.

– Пойдем. – Митька сгреб меня вместе с одеялом и потащил вниз.

Стол накрыли на двоих. Омлет с грибами, блины с икрой и медом, крынка с молоком и дымящийся самовар. Все было горячее, только что приготовленное, будто кто-то невидимый знал, когда мы спустимся. Очень удобно быть царицей, никаких бытовых забот. Я бы, пожалуй, провела всю оставшуюся жизнь в этом уединенном домике, рядом с любимым.

Позже выяснилось, что день клонится к вечеру, гулянья в городе продолжаются, а мне привезли новое платье, в котором надлежало прибыть на пир. Моих горничных здесь не было, и одеваться мне помогал Митя. Удивившись, как он ловко справляется с крючками и застежками на женском платье, явно не впервой, я вспомнила его репутацию бабника и почувствовала укол ревности.

В памяти всплыли слова Василисы Прекрасной: «Локти кусать будешь. На чужом несчастье счастья не построить». Сквозило в ее взгляде что-то большее, чем боль после неудачного нападения. Тоска и сочувствие. Мне очень захотелось поговорить с ней. Тогда Митька не

пустил меня на допрос, вероятно, и сейчас не разрешит. Но как-то это устроить надо.

– А с Василисой Прекрасной что станет? – спросила я у мужа. Он обворачивал вокруг талии расшитый пояс. – Ее казнят?

– Наверняка, – сказал Митя. – Она совершила покушение на царя, принародно, здесь никаких доказательств не надо, свидетелей полно. Не бери в голову, Дашенька. Думай о нашем будущем, о нашей жизни.

– Она в темнице? – не унималась я.

– Нет. – Митя ухмыльнулся. – Темницу Горыныч разнес к чертовой бабушке, ее пока в старые конюшни посадили. Почему тебя это интересует?

– Так просто, – как можно более безмятежно солгала я. – Меня тоже теперь касаются государственные дела.

– Давай тебя будут касаться только радостные государственные дела, – предложил Митя, притягивая меня к себе. – Не переживай, появится столько дел, что безделье тебе не грозит, еще отдыха просить станешь. – Он нежно поцеловал меня в щеку. – Пойдем, нам пора.

На Базарной площади рядом с шатром изменений произошло мало. Народ пил, гулял, прославлял царя и царицу. Как желудки выдерживали столько угощений, а почки столько выпивки, понять сложно. Я утвердилась в мысли навестить Василису Прекрасную и теперь искала удобного момента, чтобы улизнуть. А еще мне требовалась сообщница, чтобы найти старые конюшни. Поймав какую-то девицу, меняющую грязные тарелки на чистые, велела разыскать Аксиныю. Может, и не очень правильно брать в сообщницы маленькую девочку, но больше мне довериться некому. Да и если поймают, с нее спрос невелик. Аксиныя явилась быстро. Раскрасневшаяся и растрепанная, похоже, она всю ночь плясала.

– Ты знаешь, где раньше конюшни были? – спросила в самое ухо.

– Василису повидать хочешь? – догадалась девочка. Вот и скажи, что ребенок. Да она сообразительней чертенка, не то что взрослых. – Провожу.

– Когда пляски начнутся, я смогу незаметно уйти.

– Я к тебе подойду, – пообещала Аксиныя и убежала.

Праздник продолжался. Распорядитель объявил выступление женского хора. Три десятка девушек ходили по кругу, изящно взмахивая платочками, и заливались, словно соловьи. В девичий

хоровод вклинился пьяный боярин, имени я не помню, поднялись визги и хохот. Музыка заиграла резвее. Желаящих сплясать стало больше. На меня никто не обращал внимания. Я тихонько встала из-за стола. Вдруг кто-то бросил в меня маленький камешек. Проследив его предполагаемую траекторию, я увидела Аксинью, машущую мне рукой из-за угла.

– Извини, государыня. – Девочка почтительно склонила голову. – Но другого способа привлечь внимание я не нашла.

– Ты называй меня Дарьей, как раньше, а государыней только на людях, когда этикет требует, – отмахнулась я.

У девочки с собой была большая корзина с едой и фруктами. Я сначала испугалась – неужели предстоит настолько далекий путь? Меня же хватятся!

– Это для Василисы, а это для охранников. – Аксинья потрясла внушительной бутылкой, явно не с компотом. – Скажешь, что пришла к бывшей подруге своею милостью, принесла праздничный ужин и так далее. Не будут они перечить государыне. А я посторожу. – Девочка вела меня какими-то дворами мимо пустых построек непонятого назначения. Наконец привела к каменному сараю с крошечными окошками под самой крышей. Возле него околачивались четыре скучающих стрельца. Завидев меня, молодцы вытянулись по струнке, а получив бутылку, обрадовались невероятно, даже спросить забыли, чего я пришла. Да, дисциплина хромает. Василису пришлось искать самой. Впрочем, труда это не составило, я нашла ее в крошечном закутке, что раньше служил стойлом, за наспех сколоченным заграждением. Некогда одна из красивейших девушек государства сидела на куче соломы и взглядом, полным печали, смотрела на луну через решетчатое окно под самым потолком.

– А-а, пришла все-таки? – Она на меня даже не взглянула. – Ну проходи. Угощать только мне тебя нечем.

Аксинья шепнула, что посторожит у двери, знак подаст, если кто подойдет, и убежала. В помещении поставили узкую кровать и скамейку, видимо, вместо стола. Почему заключенная предпочла холодный пол с соломой, не знаю, но присаживаться рядом не хотелось. Я поставила корзину на скамейку и присела на краешек кровати.

– Мне очень жаль, что так получилось, – произнесла тихо. В лунном свете Василиса выглядела чуть лучше, чем у церкви, но все равно очень плохо. Резкие морщины изрезали лоб, глубокие лучики разбегались от глаз, во взгляде все те же тоска и безразличие.

– Несчастья не молодят, – сказала она, вскидывая голову. – Ни служанку, ни царицу. Мы всегда платим за свои ошибки двойную цену. Мы их любим, а они нас используют и выбрасывают, как ненужные вещи. Мужчины. Все равно – ключники или цари.

Мне хотелось возразить, но интуитивно я сдержалась. Она начала говорить, и ее не стоило перебивать.

– Ты пришла за ответами? – Василиса пристально поглядела мне в глаза. – Ты их получишь. Мне терять нечего. Я, конечно, не знаю всей истории, но то, что известно, расскажу.

У меня замерло сердце. Она начала рассказ:

– Несколько веков назад далекий прапрадед Дмитрия, царь Данила, теряя власть или тяжело заболев, призвал на помощь Беса из преисподней. Бес уладил все проблемы, но поставил условие – в обмен он попросил чистую, никому не обещанную душу царицы. Данила согласился. Супругу царскую Бес прибрал, но душа оказалась недостаточно чистой. С тех пор на Тринадцатом царстве висит долг и все цари пытаются его вернуть. Каждый царь отдает свою супругу Бесу из преисподней, но ни у кого еще не получилось расплатиться. Теперь вот Дмитрий женился, стало быть, твоя очередь пришла.

Василиса не издевалась, не насмехалась, скорее сочувствовала.

– А если я, простите, особо не желаю? – как бы между прочим осведомилась у нее.

– А тебя особо и не спросят, – пожала плечами Василиса. – Я так понимаю, свою душу бессмертную ты в распоряжение Дмитрия уже отдала во время венчания.

– Ага! – кивнула я, припоминая слова данной клятвы. Даже тогда она показалась мне странной, кроме обоюдных стандартных и понятных в этом случае обещаний я вверяла супругу сердце, разум и бессмертную душу. Чего не получила в ответ от Дмитрия. А еще говорят – юристы изверги. Да ни один юрист такой драконовский брачный контракт не составит! Ну, дом делить, ну, машины, ну, столовое серебро, это еще куда ни шло. Но душу?

– Филя, возлюбленный мой, сволочь окаянная, – продолжила девушка. – Служил ключником и имел доступ к дворцовому тайнику. Он договор с Бесом лично видел. В отместку за свой арест решил последний штрих добавить. Знал он, что Яга придумала что-то хитрое, и впервые за пятьсот лет у царей Тринадцатого государства появился шанс с Бесом рассчитаться. Вот и решил свинью подложить – смотрины организовал. Чтобы Дмитрий вынужден был раньше жениться и Яга не успела ему подходящую невесту сыскать.

– Но Яга успела, – осипшим голосом сказала я, не понимая, вопросом это было или утверждением.

– Похоже на то, – согласилась девушка. – Вон она как тебя сватала!

– Что значит «никому не обещанная душа»? – спросила я, стараясь унять дрожь в голосе.

– Точно не знаю, но говорят, это, когда в роду этой души до двадцать восьмого колена нет ни одного предка, который заключал бы какие-то сделки с Бесом. В нашем мире таких, наверное, нет. Где тебя Яга откопала – не знаю.

– А с чего ты вообще взяла, что я подхожу, может, у меня с душой тоже не все в порядке? – мелькнула слабая надежда. – Это же не проверишь никак... – Я не договорила. В голове всплыл чертенок, порезавший мне палец, и потом другой, на подоконнике, он спрашивал про душу.

– Я не знаю, что у тебя с душой, только Баба-яга зря суетиться не станет. За пятьсот-то лет что-нибудь да придумала. – Василиса взяла из корзинки пирожок и задумчиво принялась его жевать. – Так что, может, и лучше было бы, если бы я твоего Дмитрия прибила. От мужиков никакой пользы, одни расстройства и морщины. В нашем с тобой случае еще и скоропостижная гибель.

Ее цинизм и безразличие меня не успокоили. В голове не укладывалось, что Яга, как овцу, готовила меня в жертву. А Митька? Как он, он-то как мог?! Мне не хватало воздуха, по спине бежали ледяные мурашки. Василиса сочувствующе на меня поглядела и сунула в руку стакан. Я залпом выпила. Какая Аксиныя предусмотрительная, и нам бутылочку настойки положила! Только мне сейчас в пору стакан водки, и вырубиться на фиг.

– Сколько будут твою свадьбу праздновать? – поинтересовалась Василиса.

– Завтра, наверное, успокоятся, – предположила я. В голове вертелись совсем другие мысли. Все верно, Василиса не лжет. Вот о чем спорили бабка с Митей в тронном зале, вот почему у всех царей Тринадцатого царства по две жены. Отдай первую Бесу, женись еще раз и живи спокойно.

– Значит, послезавтра мне голову отрубят, – безразлично заметила моя собеседница.

Для человека, ожидающего смертной казни, она казалась слишком безмятежной. Может, спасения ждала? Может, надеялась, что возлюбленный явится на вороном коне и ускачут они от этого кошмара?

– А где твой Филя?

– А черт его знает, – пожала плечами Василиса. – В бегах. Он как узнал, что дело наше провалилось, остатки моих украшений сгреб и сбежал.

– А ты? У вас же любовь?

– У нас? Это у меня любовь, а у него все проще! Говорю же, использовал и выкинул. Его связь со мной недоказуема, мне одной за все ответ держать.

Стало совсем тоскливо. Хотелось сесть на кучу соломы рядом с пленницей и завывать на луну. Помешала Акси́нья.

– Государыня, время идет, спохватятся!

– Ну, прощай, государыня Дарья. – Василиса Прекрасная даже сделала попытку улыбнуться.

Может, моя судьба сейчас и неизвестно в чьих руках, но уж Василисе я помочь смогу.

– Акси́нья, как там стражники? – шепнула я.

– Как-как, – передразнила девочка. – Перепились все. Моя бутылка, поди, не первая, на благодатную почву легла.

– Вот и славно. – План моментально созрел в голове. Я обернулась к Василисе. – Иди в соседнее стойло. Я закричу, позову всех, притворюсь, что ты меня ударила и сбежала. Как только они сюда явятся, ты уходи, беги отсюда.

– Так ведь завтра протрезвеют и выяснится, что это ты помогла мне сбежать, – уточнила Василиса, но с пола поднялась.

– Завтра не до этого будет. За меня не беспокойся.

Аксинья осуждающе покачала головой, но ничего не сказала и помогла во всем. Спектакль разыграли как по нотам. Захмелевшие стрельцы явились полным составом защищать свою государыню, потом кинулись обыскивать конюшни, но Василисы и след простыл. Напоследок они еще в ногах валялись и «матушкой-заступницей» меня называли – я им пообещала не говорить, что преступница умудрилась меня ударить, на пол повалить, да и убить могла, пока они хлестали вино. А то не сносить им головы. Мы решили вообще не говорить, что я тут была.

Глава 34

На празднике моего отсутствия не заметили. Народ продолжал отмечать эпохальное событие. Митька с Фролом Авдеевичем лихо отплясывали в центре, счастливая Яга хлопала в ладоши, а потом, раздумываясь, как девушка, пошла в пляс. Пока спина у карги старой не заболела, танцевала знатно.

Груз правды, свалившийся на меня сегодня, отделял от всеобщего веселья глухой, непробиваемой стеной. Кое-как натянув на себя улыбку, я стояла в толпе, не понимая, что происходит вокруг. В дом на краю города, где мы провели последнюю ночь, ехать отказалась. Сославшись на усталость, отправилась к себе. Не могла я остаться с Митькой наедине, боялась не сдержаться и оказаться в конюшне, на месте Василисы – как царевубийца. Уж я-то не промахнусь.

Митя настаивать не стал и ничего не заподозрил. Был нежным, любящим, как обычно, только теперь это будило во мне приступы злобы и раздражения. Каков лицемер?! Закрывшись в собственной спальне, разодрала на клочья праздничный царский наряд, и на меня накатила усталость и апатия. Сердце сжалось в маленький комочек и почти не трепыхалось, тупая боль каменной плитой придавила к кровати. Я ощущала ее физически, даже в кончиках пальцев. Так пролежала остаток ночи, не шевелилась, просто ждала, когда за окном взойдет солнце. Наступит новый день.

Со временем музыка смолкла, видимо, даже самые стойкие гости напраздновались и подались по домам. Меня никто не беспокоил. Было бы неплохо, если бы про меня совсем забыли. Но рано или поздно все равно придется выйти и столкнуться с проблемами лицом к лицу. Вот так, даже в сказке не бывает хороших концовок. Впрочем, это тоже еще не конец.

Надев на себя строгое фиолетовое платье, очередной шедевр великого портного, и корону, которую мне не суждено носить долго, я отправилась искать супруга. Один из охранявших меня стрельцов вызвался проводить в государевы покои. Во дворце царили тишина и порядок. Все последствия широкого гулянья уже ликвидировали. Караульные пропустили меня без лишних слов.

Апартаменты Дмитрия почти ничем не отличались от моих. Роспись на стенах немного в других тонах. Ковры, похожая мебель, только комнат побольше. В первой стояло множество стульев и скамеек, она, видимо, предназначалась для собраний. Во второй красивый письменный стол и только пара кресел, зато мягких и удобных. Здесь государь проводил личные приемы.

«Видимо, до спальни я не доберусь», – подумала грустно.

Митька со счастливой улыбкой вышел из-за стола мне навстречу, я холодно поцеловала его в щеку и без приглашения села в одно из кресел. От прикосновения к его коже по телу прокатилась волна тепла. Я хотела к нему в объятия. Вот наплевать на все! Я хочу на ручки! Ну как он так мог со мной поступить? Ну почему?

– Как ты себя чувствуешь? – интересовался Митя. Мне хотелось закричать: «Паршиво!»

– Ты долго спала. – Я хотела сказать: «Жалею, что проснулась!»

Но я легко улыбалась в ответ. На это уходили все силы, но я улыбалась.

– Вели послать за Ягой, разговор есть, – сказала любимому, глядя в глаза, такие синие и волнующие.

– Я думал, ты будешь рада избавиться от ее опеки, – пожал плечами Дмитрий, но отдал приказ. – Ты теперь царица, сама можешь распоряжаться всем в этом дворце и государстве.

– Всем? – Я не сводила с него глаз.

– Всем. – Он встал сзади моего кресла и обнял за плечи. Я чувствовала, как он целует меня в макушку, и понимала, что еще секунда – и я не смогу сдержать слез.

– Тогда я хочу видеть договор твоего прапрадеда Данилы с Бесом из преисподней.

Моя фраза повисла в воздухе, в комнате наступило гробовое молчание. Казалось, даже наши сердца не бьются. Дмитрий сел в кресло напротив, теперь настала его очередь не сводить с меня глаз. Он размышлял.

– Хорошо. – Митя встал, отодвинул штору, нажал какие-то невидимые кнопки на деревянной панели, извлек ветхий свиток из открывшегося небольшого проема в стене.

Я осторожно развернула листок. Казалось, он вот-вот рассыплется у меня в руках.

– Договор составлен на очень редком чернорусском языке, – объяснил он, видя мое недоумение. Разглядывать непонятные иероглифы смысла не имелось, язык был мне незнаком. Я отдала свиток обратно. – На нем никто никогда не говорил, только писали. Я с большим трудом нашел трех старцев, им каждому лет по двести. Они смогли перевести и объяснить все тонкости и мелочи этого соглашения. Давай перевод покажу. Не знаю, кто рассказал тебе, но, скорее всего, все не совсем так, как на первый взгляд кажется.

– Но смысл, я думаю, от этого не меняется. Вскорости я буду подарена Бесу из преисподней. На какой день назначено сие знаменательное событие?

– Первое полнолуние после свадьбы. – Митька отвел глаза. – Ближайшая пятница.

Какие доказательства еще нужны? Что нового откроет мне ценный перевод древнего соглашения?

– Ну надо же, и после свадьбы без меня обойтись не могут! – Сияющая Баба-яга стояла в дверях. Как только увидела наши лица, восторгов сильно поубавилось. – Случилось чего? – вкрадчиво поинтересовалась старушка.

– Да вот, хочу из первых уст узнать, куда подевались первые жены всех предыдущих царей Тринадцатого государства, и выяснить, что в дорогу собирать. Ты, бабуль, поди, знаешь, что в преисподней пригодиться может? – ехидничала я, сверля Ягу недобрый взглядом.

Бабка и глазом не моргнула.

– Ты все-таки рассказал ей, – вздохнула Яга. – Вот олух царя небесного, а ведь все так хорошо начиналось.

– Ну почему сразу он? – удивленно поинтересовалась я. – Нашлись добрые люди.

– Это к делу не относится, – безапелляционно заявила Яга. – Ты, девка, скандал не поднимай, отступать тебе некуда!

– Прекрати! – гаркнул молчавший до этого Дмитрий. – Я сам все расскажу.

– Расскажи, я чего, мешаю тебе, что ли? Только и говорю, что значения это уже не имеет, назад ходу нет. – Яга возмущенно поджала губы.

– Царь Данила – очень дальний мой прадед. Больше пятисот лет назад он долго воевал за царство, наконец победил, но был тяжело

ранен, – начал Дмитрий рассказ. – Умирал и не успевал насладиться долгожданной властью. Тогда Ольга, его жена – она обладала колдовскими способностями – вызвала Беса из преисподней. И Данила заключил с ним договор. В обмен на душу его супруги Бес даровал ему ускользящую жизнь и вечное царствование рода. Царица добровольно согласилась стать жертвой – она очень любила Данилу, но никак не могла родить ему сына и понимала, что царь все равно от нее избавится. Но дела с бесами хорошо не заканчиваются. Бес хитер и коварен, простой обмен его не устроил. Данила так торопился обрести исцеление, что не обратил внимания на некоторые неоднозначные моменты в договоре. В соглашении упоминалась именно «никому не обещанная душа царицы государства», а еще долг падал на весь род, и каждому царю давался один шанс расплатиться. В общем, много там оказалось неоднозначно трактуемых условий. На то он и Бес. Так что жертва Ольги стала одновременно и подарком любимому мужу, и ловушкой. Данила, конечно, женился во второй раз, а так как дань Бесу уплатил Ольгой, тот царя не беспокоил. Но вот его сын, потом внук, правнук и другие потомки по печально сложившейся традиции получали от Беса счет на оплату и одновременно возможность выкупить царство. Каждый царь Тринадцатого государства, восходя на престол, обязан был соблюсти условия договора и подарить душу своей царицы Бесу из преисподней. И так до времени, пока среди цариц не найдется не обещанная душа.

– «Не обещанная душа», это в двадцать восьмом поколении не обремененная сделкой с Бесом? – блеснула я знаниями.

– Ну, в общем, да, – согласился Дмитрий. – Никто из ее предков не должен был заключать никаких сделок с бесом.

– И за пятьсот лет в целом мире не нашлось ни одной девушки, не поучаствовавшей в сделке с Бесом? Что же это у вас творится-то такое? – возмутилась я. – Боже, как пали нравы!

– Не только девушка не должна участвовать в сговоре с Бесом, – спокойно заметил Митя. – Но и ее родители, дедушки, бабушки, вообще все предки.

– Хорошо. Пожалуй, это сокращает шансы, – согласилась с ним.

– Существенно, – ухмыльнулся мой благоверный. – Штук тридцать цариц зазря в преисподнюю свели. Уж на ком только цари

Трисемнадцатого царства не женились! И на блаженных, и на монашках, даже дети несовершеннолетние были.

– Милые у тебя предки! – восхитилась я.

Митька проглотил мое замечание.

– Это еще не все. – Дмитрий нервно теребил листок с договором, который грозил вот-вот рассыпаться в пыль. – Договор заключен на определенное время, и оно истекает. Последняя возможность предъявить «не обещанную душу царицы» выпала мне, иначе царство перейдет к Бесу из преисподней. Так что если что-то делать, то либо сейчас, либо никогда.

– И тогда вы вызвали меня из другого мира? – подвела я итог.

– Ну, это не так просто, как ты думаешь, – возмутилась Яга. – Сложное заклинание, долгое ожидание, никакой уверенности, что ты подойдешь. За много лет появилась первая надежда. Но мы не знали наверняка, обещанная у тебя душа или не обещанная. Кто скажет, что у вас там творится?

– Я до сих пор не понял, как получилось, что там, откуда ты пришла, нашлась хотя бы одна с чистой душой? – удивился Митя.

– Ну, у нас чистота души несколько по-другому определяется, а в Беса вообще мало кто верит. – Я пожала плечами. Мои личные знания в этой области ограничивались продажей души дьяволу, да и то по художественной литературе. – У нас неприятностей и без нечисти хватает.

– Вот это мы заметили, – фыркнула Яга. – Они к тебе так и липнут, как пчелы на мед. Пока мы гадали и искали способ проверить, подойдешь ты нам или нет, на тебя сыпались все напасти, какие только бывают. И Василиса тебя чуть не убила, и в трактире едва не отравили...

– Мы и сейчас достоверно не знаем, – заметил Дмитрий.

Похоже, Яга царю многого недоговаривала.

– Она знает, – тихо поправила я.

– Знаю, – недовольно подтвердила бабка и, прищурившись, уставилась на меня. – В зеркальце глядела? Глядела. Зеркальце непростое, оно душу показывает. У тебя отражение правдивое, стало быть, и душа чистая, незапятнанная.

– Врет твое зеркальце, – ехидно заметила я. – И с заклинанием ты промахнулась. Не такая уж у меня чистая и невинная душа. –

Я старалась вспомнить, какие бывают грехи. – Вру иногда, – начала я. – В Бога не очень верю, родителей не слушаюсь, стало быть, не почитаю, и еще у меня мысли черные, ну некоторые из них.

Яга захохотала:

– Да хоть фиолетовые в крапинку, нужны мне твои мысли, как пугалу лапти! Раз зеркало тебя как настоящую кажет, стало быть, нет в тебе ничего бесовского – ни души, ни сердца, ни обещаний.

– Карга старая! – не удержалась я.

– Какое еще зеркальце? – мрачно спросил Дмитрий, постукивая пальцами по столу. – Чего ты еще мне не сказала?

– К ней чертенок приходил, – улыбнулась бабка. Звериный взгляд царя Дмитрия ее нисколько не волновал. – Зеркальце принес, волшебное. Видать, Бес не на шутку встревожен – царство из рук уплывает. – Бабка искренне радовалась происходящему.

– Ты еще пыталась убедить меня, что это сон, – вот врушка-старушка!

– Ты мне вообще ничего не сказала. – Дмитрий стукнул кулаком по столу.

– Карга старая! – крикнули мы хором.

Карга, кстати, и ухом не повела.

– Да уж не молодая, зато умная, – довольно подтвердила бабка. – Самого Беса из преисподней вокруг пальца обвела. Будет помнить меня. – Она погрозила кулаком кому-то невидимому.

– Царица Ольга – моя сестра. – Яга даже внимания не обратила на мой возглас. – Она так любила Данилу, что отдала за него не только жизнь и душу, она отдала за него колдовское мастерство, силу волшебную, что в ней жила. Бес все прибрал. Ольга хотела, чтобы род Данилы вечно властвовал в Тринадцатом царстве. Ее жертва не должна остаться напрасной.

– Это та, которой памятник поставили на Зеленой площади? – спросила я.

– Да! – насупилась бабка. – Она и Даниле царство помогла получить, и войну он без нее не выиграл бы, и с бесом сама договорилась, а этот олух договор правильно подписать не смог. Сгубил мою сестрицу молодой и красивой, изверг! Ольга за него душу отдала, а могла бы жить и жить! И единоличной правительницей могла

остаться! – В Яге кипела злоба пятисотлетней давности. – Не видать Бесу царства! Он за все мне ответит!

– Рано радуешься, – хмуро заметил Дмитрий. – Я своего согласия не дам. И душу Дарьину не подарю. – Он четко, по слогам, проговорил: – Люблю я ее! И никакому Бесу не отдам. Я откажусь от царства.

– Что?! – заорала Яга. – Сейчас?! И не думай! Пятьсот лет с Бесом соперничаем, а он откажется? Род Данилы будет править в Тринадцатом царстве, и точка!

– Что будет, если ты от царства откажешься? – перекрикивая Ягу, спросила я.

– Не знает никто, что будет, – гавкнула бабка. – Может, ничего не будет: ни людей, ни царства, приберет все Бес и поминай как звали.

– Как приберет? Убьет? – Я обалдела.

– Нет, – громко сказал Дмитрий. – Царь другой будет, с него и взятки гладки.

– Ты этого точно не знаешь! – заорала Баба-яга, и я поняла – этот спор возникает уже не первый раз.

– Я досконально изучил перевод договора. Ничего там не написано о том, что долг переходит на преемника другой крови, – перекричать Бабу-ягу было тяжело, но у Дмитрия это получалось. – Как только на трон взойдет не потомок Данилы, договор потеряет силу!

– Не знаешь ты этого наверняка!

Ор поднялся невозможный. Голова раскалывалась. Яга с Дмитрием не унимались, орали и орали друг на друга. От их крика люстра на потолке тряслась и жалобно позвякивала. Не желая составлять компанию этой парочке и ждать, когда хрустальное чудо рухнет им на голову, я поднялась и пошла.

– Ты куда?! – отвлеклись на секунду спорщики.

– К себе. – Я пожала плечами и в полном молчании покинула комнату.

Да, супружеская жизнь как-то не заладилась. И моя персональная сказка получилась так себе. Царица на неделю, вот тебе и вся история. Самое печальное из всего этого, что уже ничего нельзя изменить. Яга права, назад действительно дороги нет. Бежать некуда, домой не вернуться. «И в преисподней люди живут», – философски подумала я.

Глава 35

У себя в спальне я еще раз внимательно всмотрелась в зеркало. На вид действительно ничего особенного, изображение было в точности такое же, как и во всех остальных зеркалах, в которые я когда-либо смотрела. С тихим стуком вошла горничная Вера.

– Вам что-нибудь нужно, государыня?

Мне в голову пришла одна идея.

– Да, подойди сюда.

Чтобы не пугать девушку, попросила ее закрыть глаза и ни в коем случае ни открывать без моего разрешения. Верочка послушно сомкнула веки. Я поднесла к ее лицу зеркало и заглянула в него из-за ее спины. Картинка не для слабонервных... Прелестный медовый оттенок Верочкиной кожи в зеркале стал сизо-зеленым, изящный подбородок украшали отвратительные бородавки, на которые и намек не было в обычной жизни. Я отошла, смотреть в это зеркало больше не хотелось.

– Верочка, это тебе, – найдя в шкатулке пару заколок, украшенных драгоценными камнями, одну протянула горничной. – А вторую Татьяне передай. На память о моей свадьбе.

Девушка рассыпалась в благодарностях и отправилась с подарками к подруге, а я сунула зеркало в карман. На столике стояла крынка с настойкой трын-травы. Я сняла салфетку, заглянула внутрь. Чуть больше половины. По глоточку, по глоточку, а как подседа, а? Нервная у меня сказка получилась. Я залпом, в пару глотков, допила всю мутноватую на вид и противную на вкус жидкость и залезла на подоконник. Ожидая приступа эйфории от слоновьей дозы успокоительного, тупо уставилась на свои коленки. Да уж, все складывается хуже некуда. Пальцы холодели, по спине побежали мурашки, но даже страх и паника не заглушали боль от предательства. Ну как он мог? Ну почему не рассказал все давно? Господи, ну почему так больно? Мне казалось, я упала в какую-то глубокую яму и не могу из нее выбраться, задыхаюсь, захлебываюсь, и никто не в силах мне помочь. Сначала кончились слезы, и лицо, обдуваемое легким ночным ветерком, высохло, потом иссякли слова и мысли. Осталась только

тупая боль, которая – я знала – точно никогда не пройдет. Еще пара часов, и я с радостью побегу к Бесу в преисподнюю, лишь бы эта мука прекратилась. Лишь бы душа покинула тело и мучилась отдельно от него, не причиняя мне неудобств.

Солнце взошло, и во дворце началась своя жизнь, а я так и не нашла сил слезть с подоконника. Внизу, как всегда, били фонтаны, ходили люди. Меня никто не беспокоил. А действительно, зачем? Через три дня царицы не станет, так чего уж. Яга с Дмитрием расскажут сказку о тяжелой болезни и скоропостижной кончине. Украсят дворец черными лентами на недельку-другую, поплачут для соблюдения этикета, отслужат заупокойную по случаю важного момента, и, собственно, все. Новая царица не заставит себя долго ждать. В дверь робко постучали, вошел стрелец.

– Государь приглашает вас прибыть в одно секретное место. Мне не велено говорить куда. Извольте?

– Изволю, – легко согласилась я. – А не велено говорить, так и не говори. – Терять мне все равно нечего, да и бояться – тоже. – Пошли.

Соскочив с подоконника, я проследовала за стрельцом. Со всем почтением и уважением меня усадили в карету с плотно задернутыми шторками и куда-то повезли. На улицу я не выглядывала, любопытства не проявляла, куда везут, было неинтересно. К экзекуции под названием «поездка в карете» я уже почти привыкла. Впрочем, место оказалось не таким уж и секретным – дом Бабы-яги. Стрелец дождался, когда я войду в ворота, и плотно их за мной прикрыл.

Огляделась по сторонам – ни во дворе, ни в огороде никого не было. Соседний огород тоже пустовал. Даже Аксиньина коза, и та куда-то ушла. Я вошла в дом. За столом, мрачный и печальный, сидел Митька. Я постаралась посмотреть на него самым безразличным взглядом, на который оказалась способна. Он внимательно меня рассматривал, молчание затягивалось.

– Ты выглядишь очень спокойной, – рассеянно заметил он.

– Целый кувшин настойки трын-травы выдула. – Я пожалала плечами. – Мне теперь до нового года спокойно будет.

– Не знаю, с чего начать, – наконец сказал он, глубоко вздохнув. – Мне жаль, что так получилось. Я не собирался тебя Бесу отдавать. Хотел увезти, спрятать... – Он пожал плечами.

– Но не увез и не спрятал, – заметила я. Его волнение трогало, но ничего не меняло.

– Пойми, я царь, на мне ответственность за целое государство! Да и от Яги прятаться бесполезно.

– Я понимаю, – спокойно заверила его. – Одна-единственная жизнь в обмен на тысячи людей и трон в придачу. Выбор понятен и очевиден.

Он смотрел на меня в упор, не мигая. Будто хотел что-то разглядеть внутри, чего не видно снаружи.

– Правда, все очень хорошо понимаю, – еще раз повторила я и отвернулась.

– Дело не в троне... От трона я откажусь, пусть прервется династия... Лишь бы людей не погубить. Я действительно собирался после свадьбы отказаться от престола. Назначить преемником боярина Климова. Он согласен, я с ним уже разговаривал. В договоре подобный случай не оговорен, это непредвиденное обстоятельство, стороны должны договариваться снова. Как только решился бы этот вопрос, мы с тобой уехали бы в Подберезовку и зажили простой счастливой жизнью.

Митя описывал удачный исход дела, радужные перспективы семейной жизни, но я ему уже не верила. Что мешает передумать в последний момент? А если у сторон не получится договориться?

Я видела: все, что я думаю, Дмитрий читал по моему лицу. Он понимал – я не верю.

– Конечно, после произошедшего тебе тяжело мне верить. Надо было раньше все рассказать. Теперь уже поздно... Я привык принимать решения в одиночку и нести за них ответственность. Теперь и расплачиваюсь за свою самонадеянность.

В комнате опять повисло молчание. Что я могла сказать?

– В общем, я здесь из-за другого... – Митя глубоко вздохнул, собираясь с силами. – Проблемы Тринадцатого царства – это моя головная боль, мне с ней и разбираться. А ты здесь ни при чем. – Он говорил медленно, тщательно подбирая слова. – Вход в твой мир открыт, ты можешь попасть домой через ту же дверь, через которую пришла.

– Через эту дверь сто раз проходила, шишку на лбу набила, а толку никакого. – ухмыльнулась я. Опять Яга ему сбрехнула чего-то.

Да, повезло Митеньке с бабушкой.

– Яга сама призналась, почти добровольно... – Он встал и подошел к дверце в чулан. – Когда ты прошла сюда, проход некоторое время «отдыхал», поэтому ты не смогла попасть обратно. Потом Яга на тебя украшения надела заколдованные, они-то тебя и не выпускали. Проход будет открыт целый год... или пока ты не уйдешь обратно. – Митя взял меня за руку, нежно погладил по запястью. Блеснул браслет из синих цветов. – Вот и сейчас они на тебе, – тихо произнес он. – Снимешь браслет и пройдешь. Яги не будет до вечера, и Тимофея, и этого ее домового, так что удержать тебя никто не сможет, не беспокойся. – Он убрал руки в карманы, будто боролся с желанием меня коснуться.

Мне хотелось спросить: «А ты? Ты не хочешь меня удержать?» – но слова застряли в горле, и я промолчала, даже не пошевелилась. Чувствовала, что ему так же тяжело, как мне, но не смогла пошевелиться.

– Вот это, пожалуй, все. Прости меня, если сможешь, и... прощай, Даша.

Я ждала, что он хотя бы обнимет меня на прощанье, но услышала только скрип двери и удаляющиеся шаги. Митя ушел. Стало еще хуже и тоскливее. Как-то очень быстро и просто все закончилось.

Мне почему-то не сделалось легче от осознания, что теперь я свободна и могу вернуться в Москву. Давно уже туда не рвалась, и цветочки эти драгоценные Яга зря заколдовывала, я ведь ни разу больше в дверь не заходила. Как Митьку тогда увидела в первый раз, так и забыла, откуда явилась. По-дурацки все получилось. Вернуться домой! Это еще неизвестно, где у меня теперь дом?

– Я, между прочим, замужем! – сказала я в сторону двери. – Нас с тобой в церкви венчали, – продолжила обиженно. И все равно, что никто не слышит.

Можно подумать, что религиозные ритуалы играют для меня важную роль. Я и в церкви-то ни разу не была, только в пять лет, когда меня бабушка крестила. Если Митька думает, что мое возвращение в другой мир – это официальный развод, он глубоко заблуждается. А может, действительно вернуться в Москву? К работе, к подругам, к коктейлю «Пина колада». Похожу с годик к психоаналитику, напыюсь пару раз до бесчувствия да и поверю, что все это мне приснилось.

«Главное, не принимать поспешных решений на горячую голову», – всплыли в памяти слова умудренной жизненным опытом Маринки, любительницы поспешных браков и еще более скоропалительных разводов. А как тут еще решения принимать? Можно подумать, у меня есть время или выбор! Или обратно в Москву, или к Бесу в преисподнюю. Нервно измеряя шагами бабкину светелку, я то хваталась за ручку двери в чулан, то отходила подальше. Ну не могу я уйти, не попрощавшись с Аксиньей, с девчонками, с мерзопакостной Ягой! Уйти и больше никогда не увидеть Дмитрия и его умопомрачительных синих глаз!

Решение пришло неожиданно. Впрочем, сомневаясь в его правильности, я приступила к быстрой реализации, дабы не передумать.

Глава 36

Живо поднялась наверх, надела свой синий сарафан, в нем я больше всего походила на простую местную девушку. Сгрэбла в сумку свой городской брючный костюм, он висел здесь же, на стуле, зеркальце волшебное тоже с собой прихватила. Главное, замести следы и оставить нужные улики. Сняла браслетик и аккуратно положила на стол, чтобы сразу в глаза бросался. Так, что еще? Надо взять еды. Не впроголодь же путешествовать. Вот и корзиночки для рукоделья пригодятся. Выбрав самую большую – вряд ли Яга обнаружит пропажу, – я положила в нее хлеб, пирог, запеченную в печи курицу, бутылку молока, а овощей надергаю в огороде. Яга бабка запасливая, недостачу провианта не обнаружит. А потом, за последнее время в ее избе столько народа побывало, мало ли кто что упер. Ну, пожалуй, все. Опасливо озираясь по сторонам, стараясь слиться с природой и остаться незамеченной, я проскользнула через огород, затем через сад, не забыв прихватить капустки, морковки и всяких там яблочек, вышла к ручью. Корзина сделалась неподъемной, прохлада, струящаяся от ручья, освежала, здравый смысл подал первые признаки жизни и предложил вернуться. Не поддавшись на его уговоры, я, оглядываясь и озираясь, двинулась по тропинке к лесу. По моему великому замыслу побег должен был остаться в тайне. Дмитрий на пару с Бабой-ягой посчитают, что я благополучно ушла в свой мир. Поживу в другом месте пару денечков, в соседней деревне, например, обдумаю все хорошенько, а там видно будет. Может, добровольно к Бесу уйду в пароксизме патриотических чувств и заботе о спасении душ своих подданных. В конце концов, я же царица! Может, в Москву вернусь, портал еще год открытым провисит, никуда от меня не денется. Подкараулю, когда бабка отлучится, и проскочу. А может, и вообще ничего решать не придется. Все само рассосется неким мистическим образом. Примерно с такими наивными мыслями я зашагала по лесу. Очень скоро на моем пути встал камень с выгравированными на нем стрелками. Штук десять, направленных в разные стороны и даже в небо.

Естественно, меня посетила вполне логическая, на мой взгляд, мысль: если камень стоит здесь, следовательно, тут некие пути-дороги пролегают. Вопреки обычным сказочным обещаниям и подробному описанию угрожающих последствий, распределенных на три стороны, надпись гласила: «Куда ни пойдешь – все одно». Учитывая, что ни трех, ни вообще хоть какого-то числа обозначенных стрелками дорог не наблюдалось, по-своему это было правдой. Я пожалала плечами и зашагала прямо. Тропинка так и не появилась, но шла я спокойно. Не слишком частые деревья, не очень высокая трава, светлый солнечный перелесок. Чем дальше я удалялась вглубь леса, тем он становился темнее и гуще. Надежда на тропинку таяла. Здравый смысл встрепенулся еще раз, подкидывая мысль о змеях, волках и медведях. И на этот раз проигнорировав его намеки, я упорно топала вперед. Если достаточно долго идти только прямо, то непременно выйдешь к какой-нибудь деревне, ну или дороге, ну или хотя бы к тропинке, уговаривала я саму себя, тоскливо наблюдая, как день близится к завершению, а лес уверенно превращается в непроходимую чащу. И вот, когда здравый смысл уже орал благим матом: «Куда ты поперлась на ночь глядя без карты местности?» – корзина оттянула руки до земли, а в душу закрался страх, я услышала жалобное хныканье. Не то чтобы во мне проснулся дух спасателя, но перспектива встретиться хоть с какой-то живой душой очень радовала. Это я сначала так подумала.

Потом пробежала сотню метров на звук, несколько раз обошла вокруг внезапно возникшего на пути огромного камня и, убедившись, что звук идет сверху, подумала, что там, на вершине этого самого камня, кто-то плачет. Залезть наверх не было никакой возможности. Ну попрыгала. Потом на пеньке попрыгала, не на дерево же лезть? Я со злости пнула камень.

– Господи, ну почему у меня все не так, как у нормальных людей?

– Потому што нолмальные люди не пинаютша! – ответили мне сверху.

Кажется, я даже увидела мистические всполохи света на вечернем небе.

Так, приплыли. Если ты разговариваешь с Богом, то это молитва, если он с тобой, то это шизофрения. Хотя при чем здесь Бог?

Местоположение всхлипов и шепелявого голоса сошлось в одну точку на вершине камня.

– Ты чего там засел? Слезай, а? Я летать не умею.

– Не могу я! – ответили мне сверху. – Жацепилша! – и более жалостливо добавили: – Отцепи, а?

Так, придется мне по дереву лезть. Может, для кого-то это и не проблема, многие девочки в детстве лазают по деревьям, заборам и прочим препятствиям охотно и даже с удовольствием. И потом до старости восторгаются своими подвигами, желая их повторить. Только не я! С детства была очень послушным и воспитанным ребенком, никуда не лазала, старательно обходила лужи, читала умные книжки, даже на велосипеде кататься не умею.

Почти убедив себя, что главное не смотреть вниз, я представила, как тяжело маленькому мальчику наверху. Это замотивировало. Почему я решила, что там маленький мальчик? Собрав все свое мужество в кулак, я полезла на ближайшее дерево. С деревом мне повезло. Большое, надежное, с дуплом и обилием сучков. Дойдя до первой прочной и безопасной на вид ветки, решила немного передохнуть и оценить обстановку. Может быть, этой высоты уже достаточно?

Хорошо, что я крепко держалась за дерево, потому что только мертвая хватка спасла меня от полета вниз. Обернувшись к камню и желая подбодрить застрявшего ребенка, дескать, помощь спешит, я наткнулась на огромную морду песочного цвета, выдувающую дымные струи из пасти с глубокой надеждой в доверчивых глазах. Выражаясь фигурально, столкнувшись нос к носу со Змеем Горынычем, поскольку не были соблюдены пропорции – у него нос такого же размера, как у меня вся голова, – я оторопела. Как-то смутно вспомнилось – в сказках подобные встречи никого до добра не доводили. Очень захотелось испариться, исчезнуть или в крайнем случае куда-нибудь быстро переместиться без ущерба для здоровья.

– Ты не бойша, я тебя не обижу, – счел своей обязанностью пообещать Змей, окутывая меня сизым облаком дыма.

– А-ага, – пролепетала я, стараясь не упасть в обморок в прямом смысле этого слова. Падать, кстати, было не близко. – Ты как же это так умудрился застрять? – Поза, в которой застыло между деревьев

несчастное существо, оказалась настолько странной, что страх сменился искренним удивлением.

Одна голова рассекла дерево и застряла между половинок, вторая носом кверху прочно засела между тремя стволами массивного вяза, при этом умудрившись переплестись с третьей головой, которая теперь не могла пошевелиться, а соответственно и выбраться из дупла, в которое угодила. Хвост? Хвост, собственно, был под телом.

– Ты когда-нибудь с Лихом одноглазым летала? Вот-вот! И не шоветую плобовать.

Я тонко заскулила и принялась за дело.

– Шпашибо, – шипел Змей, разминая застывшие головы и затекшее тело, отчего во все стороны летели ветки, листья и щепки. – Клашота-а!

Освобождение столь массивного животного мне далось нелегко, хотя, стоит заметить, Змей вел себя достойно. Терпеливо вынес мои хождения по спине, не забыл подставить шею, чтобы я не упала, когда повисла на половинке расщепленного дерева и болталась в воздухе, давая ему возможность освободиться. Долго не поддавалось тройное дерево, и я пару раз наступила Змею на морду, но и это он выдержал с честью и без ворчания.

Как-то запоздало меня посетила мысль, что, вырвавшись на свободу и не нуждаясь больше в моих услугах, Горыныч вполне может счесть меня неплохой закуской.

– Это Лихо окаянное на побег меня подбило. И шего я полетел? Шидел себе, шидел. Вше холошо было. К шиноптикам опледелить обещали, – пожаловался Горыныч. И философски добавил: – Длужбой жаманило. Обещал Лихо на длугих наплавить, а как за голод вылетели и я один ошталша, так на меня напашти и пошыпалишь. Шначала в меня воздушный жмей влетел, мальшишки мештные жапушкали. Он у них ш велевки отолвалша, ждоловенная такая конштлукция. Тли жуба мне вышиб. Два у меня и еще один у пелвой, – в качестве подтверждения он продемонстрировал беззубую пасть. Молчавшая до этого первая голова заметила:

– Всю дихцию нам исполтил, мы и до этого лэ не очень холошо выховаливали.

– Ага, потом штая гусей плолетала, – продолжила вторая.

– Лебедей, – поправила первая.

– Вшо одно, чего они так вышоко летают?

– А третья голова совсем не разговаривает? – скромно поинтересовалась я.

– Пошему не лазговаливает? Холошо лазговаливает, даже лэ вшегда выговаливает!

– Это у него шох! – Первая голова сочувственно лизнула третью в щеку. – Состояние аффехта!

Третья голова в состоянии аффекта имела сильно выпученные глаза и глупую улыбку.

– Когда пешаная буля на наш напала, тлетья уж больно ишпугалась. А потом мы еще вниж падали, – объяснила вторая голова Змея Горыныча. – Нишего, отойдет.

– Песчаная буря? – переспросила я. Может, чего не так поняла. – В этих широтах?

– То-то и оно, штланно, плавда? – Змей пожал плечами. – С Лихом еще не такое вштлетится. Жбежало оно, шудо плилодное, молда бештыжая. Как мы только жапутались, так оно и жбежало, – закончил свой рассказ Змей с печальным вздохом.

– А ты-то тут ках охазалась? – Первая голова уставилась на меня любопытными глазами.

– Нет, ты не подумай, мы ошень лады, беж тебя мы бы жгинули в этих джунглях, но действительно, ты шего тут?

– Ну, в деревню я иду, к родственникам, – ответила уклончиво. – Заблудилась немного.

Горыныч задумался.

– Так ешли в Малиновку, то это в длугую столону...

– А в Подбелезовху, тах это откуда ж ты идешь?

– И вше лавно не в ту штолону!

– Значит, до ближайшего жилья далековато? – спросила я, решив не возвращаться к теме пункта отправления. – Сегодня уже не дойти?

– Ну, до жилья – да, а вот домик тут недалеко есть, там пеленошевать можно, – посоветовал Змей. – Я бы тоже пошпал, а то утомилша больно на делевьях висеть.

На этом и порешили. Змей Горыныч пошел вперед, указывая дорогу и прокладывая путь через лесной массив.

Глава 37

– Меня, кштати, Юша жовут, маменька в детстве Жмеюшей называла, – представился мой новый знакомый. – А тебя как кличут?

– Дарьей, – следовать за Юшей было очень удобно. Он так тщательно приминал траву и мелкие кустики, что за ним тянулась безопасная и ровная тропинка, которая пришлась очень кстати, поскольку в лесу совсем стемнело, а лунный свет плохо просачивался сквозь густую крону деревьев.

– Мне твое лицо хажется очень знахомым, – подметила первая голова. – Может, мы встлечались?

– Это вряд ли, – усомнилась я. – Я бы наверняка запомнила.

Тот инцидент на Дворцовой площади едва ли можно назвать встречей. В любом случае я предпочла бы сохранить инкогнито и не искать общих знакомых.

– Вот и плишли.

Небольшой домик, зажатый между двух массивных деревьев, выглядел очень мило. Бревенчатый сруб с низкой дверкой и парой окошек под крышей, крытой еловыми ветками. Юша расчистил себе небольшую площадку перед лесным строением, улегся и просунул две разговорчивые головы внутрь дома. Третья предпочла остаться перед крыльцом и моментально заснула.

– Плоходи, шево ждешь, будь как дома, – пригласил Змей.

Я потопталась в единственной комнате с печкой посередине. Стол, скамейка, пустая бочка, кое-какая посуда, хлипкая лестница, ведущая на чердак. Не густо, но главное, крыша над головой есть.

– Ждешь лешниший жил ланьше, но потом пелеблался ближе к голоду, – прокомментировал Юша. – Так што дом пуштует, живи – не хошу.

– Хочу – не хочу, а пока поживу, – согласилась я. – Поздно уже, сейчас надо поужинать и спать. Ты, кстати, чем питаешься? – робко поинтересовалась, взгромождая на стол тяжеленную, не брошенную в трудную минуту корзинку и панически боясь услышать ответ.

– Всем, – философски заметила первая голова.

– Ага, – подтвердила вторая. – Можно птишкой, можно лыбкой, звельем тоже можно, ну, людей я не очень жалую, для пешени вредно. Овощи люблю, полезные они. Главку в клайнем шлучае могу пожевать.

– Ну, тогда присоединяйся, – пригласила я с некоторым облегчением, но не удержалась и подумала, что моя тяжеленная корзина с провиантом этому громиле на один зубок.

– Не-эт, – замотал головами Юша так, что затряслись стены. – Мне на ночь ешт вледно.

– Если потолстею – не взлечу, – уточнила первая голова.

– Может, тогда яблочко? – уплетая за обе щеки хлеб с курицей, предложила я.

– Ну, можно, – великодушно согласился Горыныч, вынимая пару яблок из корзины. – И шпать!

Спалось мне плохо. После волшебного-мягкого перина царской опочивальни жесткая скамейка с подушкой из брючного костюма – сомнительное удовольствие. Трижды я падала с неудобного ложа и дважды просыпалась от собственного крика. Мне снились кошмары. Баба-яга на метле на фоне диска полной луны, перепуганные жители столицы, из которых вытягивает души рогатое чудовище с красно-черной мордой, Митька с позеленевшим лицом и безжизненными глазами. Безмятежному сну подобные видения не способствуют. Храп трех голов Змея Горыныча тоже. Завершением неудачной ночи стал огромный паук, приземлившийся мне точно на лоб. Омерзение и ужас полностью развеяли дрему. Не рассчитывая больше заснуть, я села на скамейке. Юша уже не спал и внимательно разглядывал меня всеми тремя парами глаз.

– Я тебя вшпомнил. – Средняя морда изобразила подобие улыбки.

– И тебе доброе утро, – раздраженно поприветствовала я Горыныча. Процедура опознания могла стать последней каплей моего далеко не ангельского терпения.

– Ты цалица, я тебя во дволце видел.

– Хорошее у тебя зрение, – безразлично заметила я. Да, сегодняшней день еще неделю назад не заладился.

– Не жалуюсь. – Юша широко улыбался тремя пастями, видимо, очень радовался своему открытию. – В бегах, што ли?

– Ну да! – Я пожала плечами. Тело ломило, без синяков тоже не обошлось.

– Ты не бойсь, мы тебя не выдадим! – заверила первая голова.

– Ни жа што! – подтвердила вторая.

– Спасибо. – Дружеское отношение Змея Горыныча умиляло. Если бы ему вдруг вздумалось слетать к Митьке и доложить о моем местонахождении, вряд ли я смогла бы помешать.

За завтраком, от которого Юша великодушно отказался, сославшись на уже состоявшуюся раннюю трапезу, мы уточнили, что ни к каким родственникам я не собираюсь, а временно хочу пожить здесь. Змей решил составить мне компанию, к тому же летать он по причине стресса пока не мог, а идти пешком до его родной матушки дело далекое и небезопасное.

Даже если я планировала провести здесь только пару дней, хотя все еще слабо представляла, что делать дальше, дом надлежало привести в жилой вид. Еще одна ночь на скамейке меня не прельщала. Тщательно облазив и осмотрев весь дом, я нашла больше полезных вещей, чем показалось сначала, особенно на чердаке. Коромысло и ведра, косу, грабли, тук с тряпками, часть из них вполне могла сойти за постельное белье, метлу, мыло и таз. Оценив количество предполагаемых дел и свои скромные способности, решила не терять напрасно времени.

Ну, скажу я вам, в Древней Руси, даже в сказочной, если ты женского пола и предполагается, что будешь заниматься хозяйством, тогда лучше всего быть царицей и не в бегах, а во дворце. Тяжелая штука быт, особенно без домашней техники. А лесничему стиральная машинка и пылесос, как вы понимаете, не полагались. Это мне еще Змей Горыныч активно помогал. Ручей недалеко нашел, пока я с коромыслом боролась, две бочки воды принес.

– Этот лучей я во влемея завтлака заплиметил, как знал, что тебе водица понадобится.

В некоторых местах лесного массива встречались подпалины и обгорелые ветки. Юша проследил за моим взглядом и смущенно пояснил:

– Охотилша я тут. Жавтлакал. Тут вот белошку поймал, а тут птишку какую-то. – Хочешь и тебе плинесу к обеду? – вежливо осведомился Змей.

Я выразила охотнику свою благодарность и заверила, что пока в этом нет необходимости, продукты имеются. Каким образом приготовить тушки белочек и птичек для поедания, я не представляла, а есть сырыми вряд ли получится. О топке печи старалась даже не думать. Впрочем, вопрос с температурной обработкой был решен тоже с помощью Юши. Воду он нагрел одним выдохом. Тяжело вздыхал и причитал, наблюдая за моей ожесточенной борьбой с тазиком и куском хозяйственного мыла.

– Не плишпошобленная ты к хожайштву, скажу я тебе!

– Цалица, что уж тут ховолить!

Разъяснить трехглавому чуду природы, что там, откуда я родом, вопрос со стиркой решается нажатием пары кнопок, мне представлялось невозможным. Устройство стиральной машины по местным понятиям можно толковать только наличием волшебства. Да и сама я с некоторой оторопью мимоходом вспоминала процесс стирки, который частенько проходил за бокальчиком вина, болтовней с подружкой и не слишком пристальным наблюдением за круговертью белья в люке стиральной машины. С большим трудом осилив стирку двух мешковатых пододеяльников и наволочки, стараясь не думать о нормативах и качестве чистоты, я развесила все на ближайшем дереве.

– Высохнет, набью травой, – поделилась планами с Юшей.

– Ага, так тебе помягше шпать будет, – одобрил Змей.

Уборка в доме заняла все время до вечера. Я разогнала пауков, протерла стены, почистила печку, вымыла полы, окна и мебель, благо ее оказалось немного. Невольно вспомнилась мудрость бабушки, которая вопреки тогдашней моде предпочитала интерьеры в минималистском стиле: «Чем меньше рюшечек и статуэточек, рамок и вазочек, тем меньше пыли и короче уборка». Увлечшись этим одиозным занятием и не очень рассчитывая на скорое его завершение, я даже пропустила обед. Борьбу за чистоту прервал Змей Горыныч. Сладко облизываясь, видимо, после обеда, а то и после ужина, он заботливо посоветовал:

– Ты б главу покошила, што ли?

– А то вечелеет уже. Глава отсылеет, хах спать будешь?

Юша, конечно, прав. Опасливо покосившись на косу, я благоразумно обошла инструмент вниманием, решив, что для меня же безопасней будет, если я воспользуюсь простым ножом. Змей

Горыныч старался мне помочь. Как мог. Изю всех сил. Так активно прошелся по деревьям, что оборванных листьев с заготовленных им веток вполне могло хватить на двуспальную кровать. Перина и подушечка получились славные. Примеряя их на печку, поняла, что смертельно устала. Не уснуть мгновенно помог голод.

Змей Горыныч сообщил об улучшении здоровья. Крылья уже вполне дееспособны, вот только боязнь высоты не прошла.

– Поплобовал я давеша с делева слететь.

– Можно схазать, спланиловать, – рассказывали головы наперебой. – Нет, пока боюшь.

С ужасом представив себе прыжок этой махины с дерева и последствия случившегося в результате прыжка землетрясения, я заснула, недослушав. Последней мыслью сверкнуло: «Послезавтра полнолуние». С этой же мыслью я и проснулась, правда, теперь уже в ознобе и холодном поту.

Когда покидала Светлый, мне казалось, решение найдется само. Чем я думала? Откуда оно должно взяться? Я ведь даже не узнаю, что в городе происходит. Может, как-то переодеться и попробовать выяснить, что там творится? Может, Митька и Яга что-то придумали? Ну бывает же так, утешала я себя: пятьсот лет думали – ничего не придумали, а в последний миг – раз – и выход нашелся. Надо было все-таки почитать доскональный перевод этого договора, может, я и углядела бы свежим взглядом какую-то лазейку. Все-то я не так сделала! В обостренном приступе самоедства я слезла с печи, оделась и вышла прогуляться. На улице оказалось по-утреннему свежо. Змей Горыныч Юша умиротворенно посапывал, разложив головы вокруг крыльца. Стараясь на него не наступить и вообще не задеть – а то проснется еще и зажарит с перепугу, – я села на пенек. Может, он потом и пожалеет и даже извинится, только мне от этого не легче, так что я лучше здесь, на пенечке, подальше посижу. Может, Змея попросить слетать в город, незаметно разведать обстановку? Мысль не самая удачная. «Змей Горыныч» и «незаметно» – два несовместимых параметра.

Рядом с пеньком валялись десяток камешков и несколько шишек. Видать, белки порезвились. Сейчас они старались подальше обходить дом лесничего, дабы не попасть к Горынычу на обед. Я, погруженная в свои мысли, принялась складывать камешки в горку. С детства это

занятие меня успокаивало и позволяло сосредоточиться. Помнится, периодически появлявшиеся у меня бойфренды сильно удивлялись, обнаружив под кроватью коробку с кубиками. В их представлении великовозрастные девицы в кубики не играют.

Горстка камешков выросла в покосившуюся пирамидку, мою голову так и не посетила ни одна из умных мыслей, Змей Горыныч сонно заворочался и открыл глаза.

– Крас-с-иво, – прошипела молчавшая до этого третья голова. По всей видимости, первый шок прошел, да и выглядела она уже не так глупо. – С добрым утром!

– Привет! – отозвалась я. – Рада, что ты поправляешься после общения с Лихом одноглазым.

– Жавтлакала уже? – поинтересовалась вторая голова.

– Appetita нет.

– Что-то ты сегодня не в настроении, – заметил Юша. – А мы пойдем пожавтлакаем, – бодро предложила вторая голова. – Вшла в пылу уболки ты выглядела жиж-жигне-жигнеладош... тьфу! – Так и не выговорив «жизнерадостнее», Змей отправился на охоту.

Умывалась я, не дождавшись Змея, ледяной водой. Бодрит! Без аппетита пожевала яблочко и морковку. Хорошо, что так основательно собирала корзину с едой. А еще сокрушалась, что тяжелая. Запасов должно хватить до завтра, а вот дальше придется перейти на подножный корм. Если оно, конечно, вообще будет, это завтра. Вернулся Змей Горыныч. Сытый и урчащий, как большой котенок, лег на прежнее место.

– Шкушно, да?

– Да, не особо весело, – согласилась я. – Ты, когда летать снова сможешь, что делать будешь?

– К маменьке полешу, в лодное гнездо, – тяжело вздохнул Юша. – Ох, и лугать она меня буде-э-эт!

– За что? – В моем понимании матери должны несказанно радоваться визитам детей, особенно вырвавшихся из заключения. Моя, к слову, реагировала подобным образом. Правда, встречи наши случались не чаще пары раз в год и продолжались не дольше пары часов. Этого времени вполне хватало, чтобы повторить, что, в отличие от ее нового бойфренда, мой отец испортил ей лучшие годы жизни, сообщить, что погода на том курорте, куда она отправляется, чудесная,

и убедиться, что я правильно питаюсь. Впрочем, претензий к матушке я никогда не имела, все равно это бесполезно.

– Жа то, што шбежал. – Змей еще тяжелей вздохнул. – Шидел шебе, шидел, на гошудалштвенном довольштвии. Лаботой обещали шнабдить. Пледшказатели погоды пошти уговолити шаря-батюшку, штоб он им меня в помощники отдал. Летал бы вышоко в небешах, атмош-атмошфел...

– Атмосферные, – догадалась я.

– Ага... пробы снимал – польжу плиношил.

– А по наивности плилодной поддался на уговолы этого лохматого, – договорила первая голова.

– Да, это мы с-сгупили, – поддержала разговор третья. – В первый раз выпал шанс делом полезным заняться, с-свой путь в жизни найти.

– Мы, жмеи-голыноши, не очень положительные шушештва, – призналась вторая голова. – Вше мои пледки отличались жлостью, вледноштью и плештупными навыками. А я, я не улодился...

– Матушка ховолит – блахованный я.

Юша поведал мне свою печальную историю. Как с детства не имел склонности пакостить, вредить и гадости делать. Как за доброту душевную и наивность природную подвергали его оскорблениям, гонениям и насмешкам свои же сородичи. Как не ужился он на службе ни у Коцея Бессмертного, ни у Беса из преисподней, ни у прочих злодеев этого мира. Как каждый раз с позором возвращался домой, добавляя седин и переживаний любимой матушке.

– Наша шемья на холошем шщету. Мне лекомендации отличные давали. А я, я нешпошобный, – закончил свой рассказ Юша.

– Очень печально – не оправдать доверия с-самых близких, – подвела итог третья голова.

С этим трудно поспорить.

Глава 38

Лес окутали сиреневые сумерки. Солнце блеснуло последним розовым лучом и скрылось за деревьями. Еще чуть-чуть, и на скучающий небосклон выпрыгнет луна. Большая, белая и совершенно круглая, вот гадина! Хотя при чем здесь луна? Просто пришло время. А я все никак не могла решиться. Никаких других выходов не нашлось, видимо, вот-вот начнется переход Тринадцатого царства в лапы Беса из преисподней. А я трусливо отсиживаюсь в лесу. Другая бы на моем месте добровольно и даже радостно принесла себя в жертву. Вон как Ольга, супруга Данилы, например. О доброй и отважной царице сложили бы песни и сказания, воспевали бы ее отвагу и самоотречение. А что можно сказать обо мне? Царица на один день? И не вспомнит никто!

Горыныч меня, конечно, не осуждал. Логика Змея с плохой дикцией была проста и незатейлива.

– Не ты эту кашу завалила, не тебе и хлебать! Мне у беша тоже не понлавилось.

– Люди взлослые, сами лазбелутся, – старательно поддерживал меня Юша.

– Яге вон пятшот лет, хлычовке шталой. Думать головой надо было. Ее шештлица вшо это заклутила. Хоть и цалица, вше одно – ведьма, это она беша пожвала.

– Вс-ся их с-семейка одним миром мазана. Вот летательные с-спос-способности вос-становлю, отнес-су тебя в Тридевятое царс-ство.

– Аха, у меня там знахомый есть, хупец. У нехо тли дочки ластут, без мамхи. Возмет тебя хувел-хувелнантх-хувелнантхой. Ты ж облазованная? Ховолишь плавильно.

Аргументы, конечно, убедительные. Только на душе все равно было беспокойно. Моя совесть походила на гиперактивного хомячка – грызет без перерыва на сон и обед. Со вчерашнего дня Змей Горыныч развлекал историями из своей жизни. Потом очень внимательно слушал меня. Вечер мы коротали, сидя у костра. Костры у Горыныча отличные получались. Огонь он научился пускать строго целенаправленно и в необходимом количестве. Это говорило о полном

психическом здоровье, правда, заставить его полетать мне так и не удалось.

– Штреш у меня. Не могу я, – отнекивался Змей и, задрав хвост, драпал от меня по лесу. Можно подумать, боялся физической расправы с моей стороны.

– Хорошо, хорошо! – успокаивала я, боясь, что он вытопчет весь лес.

Свалив пару молодых деревьев, Юша утомился.

– Ты штлашные истолии любишь? – поинтересовался Змей вкрадчиво, когда истории из личной жизни иссякли.

– Ну, все забавлялись в детстве, – туманно заметила, вспоминая бесшабашные ночи в пионерском лагере.

– Вот я шейчаш тебе такую штлашилку ласскажу, неделю шпать не будешь, – загадочно пообещал змей.

С прочным вхождением в нашу жизнь фильмов ужасов страшилки пионерских лагерей несколько отошли в прошлое. «Желтые глаза», «Гроб на колесиках» и прочие доморощенные прелести никого больше не пугали. Лучшие режиссеры бились о неприступную скалу киноиндустрии, желая поразить циничного и пресыщенного зрителя. Змей Горыныч стал бы новым прочтением, открытием года или по меньшей мере новым течением, особенно если бы скооперировался с котом Тимофеем.

То, что сказки, на которых меня вырастили бабушка и книжная промышленность, звучали здесь несколько иначе, я уже заметила на закрытом сеансе у бабкиного кота. Юша превзошел мои ожидания.

– Шлушай тогда, – начал Змей, многозначительно закатив глаза. – Мне эту иштолию матушка в детштве лашкаживала.

– Жил-был на с-свете маленький трехглавый Змей Горыныч. И до того он был хорошенький и с-симпатичный, что с-разу его родителям с-стало очевидно – ничего приличного из него не вырас-стет.

– Аха! Ни звеля лютохо, ни злодея лихохо, ни вообще какого-либо плиличнохо чудища, – вмешалась первая голова, за что была награждена выразительными испепеляющими взглядами подруг.

– Ошобенно его бабушка пележивала, она даже машки ему подалила ношаштые, жубаштые и классные, ну цвета классного, как помидолы – на вше тли головы! – уточнила вторая.

Третья голова шикнула на них обеих и продолжила рассказ:

– Маленький Змей Горыныч нос-сил эти мас-ски регулярно, можно с-сказать, пос-стоянно. Это он бабушке так пообещал и чес-тно это обещание выполнял. Его даже прозвали «Крас-сная мас-сочка». Уменьшительно так, лас-скательно. Родителей это очень огорчало. И решили они с-спрятать малыша у бабушки в лес-су от пос-сторонних глаз, а заодно подвергнуть его вос-спитанию с-строгому, ис-тинно змеегорынычевс-скому. У бабушки большой опыт был по вос-спитанию трехглавых огнедышащих злодейчиков. Но Крас-сная масс-сочка добровольно к бабушке не пошел бы, он был добрым, нежным, лас-сковым с-сущес-ством и ничему плохому учить-ся не желал, – таинственным, полным серьезности голосом вещала третья голова. Две другие внимательно слушали и поддакивали. Я с трудом сдерживала улыбку.

– Бешовешные лодители обманули маленького Голыныша. Шкажали ему, што бабушка жаболела, снабдили вкусными пиложками и велели отнешти в дом бабушки, – опять вмешалась вторая голова.

– Аха! Обман тоже был частью воспитательной лаботы. – Юша нравоучительно поднял вверх указательный палец. – Если детей обманывать, то это подлывает их довелие к оклужающим и к жизни в целом.

– Крас-сная масс-сочка очень огорчилс-ся, узнав про бабушкину болезнь, и немедленно отправилс-ся ее проведать. Путь предс-стоял неблизкий, через темный и дремучий лес-с, но Горынчик бес-страшно зас-спешил на помощь бабушке. В столь дальнее и опас-ное путешес-ствие родители его отправили ночью.

– Тоже в вошпитательных целях, – добавила вторая голова.

– Вот шел он, шел, через лес-с, с-спешил, торопилс-ся и заблудилс-ся.

– Аха! Хласная масочка ему весь обзол захолаживала, вот и заблудился! – пояснила первая голова.

– Вс-сю ночь плутал он по лес-су и так и не нашел правильной дороги. – Третья голова уже потеряла надежду унять перебивающих и предпочла не обращать на них внимания. – К утру с-стали прос-сыпаться звери, живущие в этом лес-су. Крас-сная масс-сочка хотел с-спросить у кого-нибудь из них дорогу, но, завидев его ужас-сающую

мас-ску, лес-сные обитатели шарахалис-сь в разные с-стороны и ни в какую не желали разговаривать.

Я представила себе Змея Горыныча, да еще в красной маске кровожадного вида. Прекрасно понимаю обитателей леса, тоже предпочла бы обойти это природное чудо стороной.

– Вот так, день ото дня, блуждал Крас-сная мас-сочка по лесу, по доброте душевной рас-считывая на помощь окружающих, но отпугивая их с-своим ус-страшающим видом. По чес-стнос-сти природной не нарушая с-слова, данного бабушке, и не с-снимая крас-сную мас-ску, пока окончательно не заблудился, не сошел с ума от горя и не с-сгинул в дремучем и темном лес-су.

Юша таинственно замолчал, потом прищурился и изрек:

– И с тех пор к тем жмеям голынышам, котолые не слушаются лодителей, не выполняют их заветов, и не плоявляют жлодейских наклонностей, по ношам является Клашная машочка и, напугав до полушмелти, утаскивает жа шобой в длемуший, темный и бешклайний лес!

Видимо, это был конец страшной и поучительной истории, потому что Юша застыл, назидательно сложив лапы на груди, и с педагогическим огнем в глазах ожидал моей реакции. Рукоплескать я не решилась, только понимающе покачала головой.

– Мне эту ишторию маменька в детштве рашшказала, когда я начал плохие шлова употлеблять, – объяснил Горыныч.

– Аха! – подтвердила первая голова. – Ну, «спасибо» там всяхие, «пожалуйста», «доблый день».

– Это потом уже она на меня лукой махнула, как на не-пе-лева-шпитуемого. Но Клашной машочки я до сих пол опашаюсь. – Горыныч тяжело вздохнул.

Что ж, у местных злодеев тоже бывает тяжелое детство, а в семье не без урота. Лично мне так очень даже повезло, что я нарвалась именно на бракованного и неперевоспитуемого Змея Горыныча, по мнению его глубокоуважаемой матушки. Поскольку, повстречай я другого, уже переварилась бы в необъятном желудке до полного исчезновения.

Мне в копилку баек у костра кинуть было нечего. Сказок страшных я так сразу не вспомнила, а пересказ фильма ужасов без

визуализации не впечатляющ. В моей жизни сейчас и без фантазий происходили события, достойные пера сценариста.

Юша моих угрызений совести и изысканий правильного выхода из сложившейся ситуации не разделял.

– Очень удачно ты оттуда с-сбежала! Нечего тебе у Бес-са делать, – уговаривал он меня и смотрел сочувствующе и печально, как на больную.

Змей вообще оказался нежным и заботливым. Камушков натаскал для моей пирамиды. Где только взял? За пару дней вокруг главной пирамидки я выстроила еще четыре башенки и соединила их забором, получился почти замок. В центре хотелось водрузить флаг. Какие глупости мне в голову лезут? Листик на веточке, что ли, прилепить? Горыныч мое архитектурное творение уважал. Тщательно обходил его, отправляясь на охоту. Как-то пытался перепрыгнуть, но земля содрогнулась с такой силой, что чудом устояла не только постройка из камешков, но и дом лесничего. Представьте себе слона в полете. Это еще куда ни шло. А теперь его аварийное приземление. Впечатляет?

О питании моем, опять-таки, беспокоился.

– Худеешь и бледнеешь ты день ото дня, – вздыхал Горыныч, будто я с ним в лесу уже пару месяцев провела. – Так и с голоду помелеть недолго! На одних яблоках лазве проживешь? Птишку тебе плинесу, поishiшь, пожалишь – вкусно-о!

Юша прав, провиант закончился, но даже если я научусь потрошить и щипать дичь, ситуацию это не изменит. Пора что-то решать. Змей удалился на вечернюю охоту. К его возвращению я уже убедила себя, что самое правильное – отправиться к Бесу добровольно. Нельзя, чтобы целое царство погибло из-за меня. Ни один справедливый правитель не пожертвует толпой ради одного человека. А я, какая-никакая, а все же царица. Я клятву давала перед Богом и людьми – народ Трисемнадцатого царства беречь, радеть, печься о его спокойствии, благополучии и счастье. Как же я жить дальше буду, если из-за моей трусости и малодушия сгинет целое царство?

Вот только решила я поздно вато, самой мне до города никак не добраться. Эх, надо было у бабки подробнее о процедуре передачи не обещанной царской души Бесу узнать. Интересно, если я отсюда призову беса, он явится? Маловероятно. Даже если услышит, на кой я ему, ему нужно царство. Да и как-то слабо я представляла, каким

образом происходит призывание Беса. Нас в школе вступать в контакт с нечистой силой не учили.

Глава 39

– Юша, я решилась! – сообщила вернувшемуся Горынычу.

– Птишку пощипать? Холошее дело! Щаш плинешу!

– Нет, я в Светлый возвращаюсь. Нельзя Бесу все государство отдавать. Неправильно это! Нечестно.

– Ш ума шошла? Ты хоть пледставляешь, кто такой беш? – запричитал Горыныч.

– У нехо в подземельях налodu уйма сидит! – округлила и без того немаленькие глаза первая голова. – Он и сам не знает, схолько.

– Там тебе ни с-солнышка, ни цветочков, тос-ска, темнота! – поддержала третья.

– Жгинешь ты там, как пить дать, жгинешь!

– А лучше будет, если все государство сгинет? Ни в чем не повинные люди? – возмущалась я, заодно убеждая себя в правильности своих намерений.

– Ой, да шево твоему гошудалству штанетша? – всплеснул лапами Юша.

– Ну, угонит Бес-с пару дес-сятков людишек к с-себе, ну царя нового назначит из своих чертенят. А так, как жили, так и будут жить, – равнодушно изложил картину будущего Горыныч.

– Вон, Тлипятнадцатое шарство уже лет дешать Бесу плинадлежит, и нишаво. Многие даже и не в кулше.

Я обалдела. Неужели это правда? Целое царство?

– А ты откуда знаешь?

– Ай... – Юша махнул лапой. – Плишутштвовал, когда царь Леонид хотел беша надуть. Думал, шамый умный. Только этого илода на мякине не пловедешь.

– Расскажи. Ну, пожалуйста, – попросила я. – Как все происходило?

– Да нечего там рас-сказывать, – Горыныч покачал головой. – Вечно у этих царей одно и то же. Хотят вечной жизни и благополучного царс-ствования.

– И?

– Ну, договорились. Вше как положено, договор, знашит, жаклюшили. Живет Леонид вечно и плавит швоим шалством-гошудалством до тех пол, пока шам шмерти не поплосит. А ежли умелеть жахочет, то беш его к себе плибелет, ну, душу, стало быть, и, шоответштвенно, шарство в плидачу.

– Так кто же сам о смерти просит? – удивилась я. – Тут если только хитрость какая, а так живи себе вечно да радуйся!

– У вас там все тахие наивные или только ты в детстве с кловати упала? – Змей уставился на меня как на полную дуру и повертел когтем у виска третьей головы.

– Во-пелвых, это беш! У него беж хитлости не бывает! – сказала вторая.

– А во-вторых, человечес-ский организм на с-сто лет рас-считан. Это макс-симум! При с-строгой диете и регулярной физзарядке! – пояснила третья голова.

– Аха! Он с Бесом молодым человеком доховаливался, – объяснила первая голова, видя, что я не понимаю. – Лет челез тлидцать посталел, а челез пятьдесят совсем одляхлел.

– А еще через пятьдес-сят жизнь ему с-стала не только не в радос-сть, но как кос-сть в горле, – подвела итог третья.

– Ешть не может – жубов нет, пить не может – пешень болит, танцы не веселят – ладикулит жамучал, в бане – давление, на охоте – головоклужение. А девки? Девки вообще за ненадобноштью.

– Так что ему и с-ста пятидес-сяти не было, а он уже на тот с-свет возжелал.

– А с царством что стало? – не унималась я. Леонид по заслугам получил, здесь сказать нечего. Но что у них за дурацкая традиция такая? Один человек, пусть и царь, решает судьбу всего государства.

– Ничего ос-собенного, – заверил змей. – Угнал дес-сяток человек к с-себе в преис-споднюю. У него же хозяйс-ство-то большое, народу полно, а дельных людей не хватает. Ну, таких, чтобы руки из нужного месс-ста рос-сли. С-строителей, портных, поваров.

– Аха! – подтвердила первая голова. – С повалами ему особенно не везет. Не был бы бессмелтный, давно бы помел от пищевохо отлавления.

– И все? А остальные люди живут, как жили? – Как-то, на мой взгляд, все очень просто получается.

– В общем, да, – согласился Юша. – Ну шменился у них цаль, ну и што? Никто же не жнает, что он на деле челтом оболашивается и к бешу на доклад бегаает.

– Так что в ос-сновном живет Трипятнадцатое гос-сударс-ство – в ус-с не дует. И с Трис-семнадцатым ничего не с-случитс-ся.

Юша показательно стал укладываться спать. Разговор он считал законченным. Меня его рассказы не убедили. Пока страх и эгоизм не взяли верх над самоотверженностью и благородством, мне необходимо попасть во дворец. А то действительно могу передумать. Единственный способ быстро добраться до города – уговорить Змея Горыныча туда полететь. Но Юша полета не планировал, он уютно устроился возле домика, томно запрокинул головы к небу, собираясь перед сном некоторое время полюбоваться на звезды и ясную полную луну.

Напрямую договориться не получилось, я решила взять хитростью, зайти с другой стороны. Сделав вид, что сдалась, вняла его доводам и никуда больше не собираюсь, я села на пенек, переложила пару камушков в своем замке.

– Наверное, ты прав, – печально согласилась я. – Хотя жалко, конечно, что я больше не буду царицей.

Делая вид, что полностью поглощена постройкой, я достала из кармана сарафана тот камушек, что в избушке на курьих ножках нашла – красный в золотую звездочку, – и водрузила на вершину центральной башни. Не флаг, конечно, но золотистые звездочки очень красиво мерцали.

– Я могла бы столько дел полезных сделать... – продолжила, не глядя на Змея Горыныча, дабы произвести большой эффект. – Кстати, могла бы тебя к предсказателям погоды устроить. – Вопреки моим ожиданиям реакции не последовало. Я продолжила: – Могла бы повелеть тебе полное содержание определить за счет государства.

Змей молчал, я настойчиво перекладывала камушки.

– Терем тебе отдельный распорядилась бы построить из камня, для пожарной безопасности.

Насколько я узнала Юшу за эти дни, он уже должен был на голове ходить от обещанных перспектив, но вопреки моим ожиданиям повисло гробовое молчание. Прикидывая, что бы еще такого пообещать, я подняла на Горыныча глаза. На фоне всполохов только

что зажженного костра три головы Змея зависли с одинаковым выражением лиц, то есть морд. Юша выглядел по меньшей мере странно. Полное недоумение, глаза собрались в кучку и челюсть отвисла.

Я решила, что несколько переборщила, что это у него от восторга и переизбытка прочих эмоций. Змея надо приводить в чувство. Я аккуратно помахала руками перед Юшиными головами. Никакой реакции. В ступоре он, точно, на полет не способен.

– Э... ну... – мялась я. Ничего приличного в голову не приходило. Я предприняла попытку «отмотать» процесс в обратную сторону. – Это же только теоретически. Ну могло бы быть – теоретически. Я же в полночь царицей быть перестану, у царства руководство сменится, и на этом, собственно, все. Так что особо не из-за чего в шок впадать.

Змей продолжал пребывать в культурном шоке. Изменений не наблюдалось.

– Короче, с тобой полечу. Раз решили, полечу. В Тридевятое так в Тридевятое.

Заметных улучшений в состоянии Змея не происходило. Что же, настало время для радикальных мер. Схватив ведро воды, я плеснула ему в морду и предусмотрительно спряталась за дерево. На все три головы жидкости, конечно, не хватило, зато пара намокших зашевелились, отплевываясь и чихая.

– Тьфу! Кхе! Фу! Ты где это вжала? – наконец произнес Горыныч.

– Ведро на крыльце стояло, вода в бочке, – оправдывалась я, выглядывая из-за дерева.

– Какая бочка? Какое ведро? – заорала третья голова. Очень непривычное зрелище, обычно она была тиха, мила и дружелюбна. – Камень этот где взяла?

– Какой? Красный? – Произведенный мной эффект несколько отличался от того, на который я рассчитывала. – Нашла. Давно еще, у Бабы-яги в избушке на курьих ножках.

– У Яги стащила?

– Ну почему стащила? Говорю же – нашла, – обиделась я. Хорошо, конечно, что он мой вкус и дизайн оценил, красивый камушек, понимаю. Только время идет, надо лететь – или сейчас, или никогда.

– Нишего шебе находошка! – взвизгнула вторая голова.

– Ты хоть знаешь, что это? – Округлить глаза еще больше третья голова уже не могла, они у нее и так за пределы морды вылезли.

– Камушек. Красивый. – Я подыскивала подходящие эпитеты, совершенно не понимая, чего головы от меня хотят. Только время тянут.

– Ха! Хамушек! – Первая голова закатила глаза.

– Это чашть бешовшкой души, а не камушек, – фыркнула вторая. – Балда ты, хоть и цалица.

– Какая еще душа? Разве у Беса может быть душа? – удивилась я. Вот только еще бесовских душевных сложностей мне не хватало!

– В том-то и дело, что у бес-са нет души, – объяснила третья голова.

– Но когда-то она была, – заверила вторая.

– Аха, тах ховолят! – подтвердила первая.

– Но потом раз-збилас-сь на маленьки кус-сочки, – добавила третья.

– А подробно и по порядку никто рассказать не может? – крикнула я, поскольку все три головы говорили одновременно и разобрать можно было только обрывки фраз.

– Может! – согласились головы хором, и третья голова, как самая членораздельно говорящая, поведала мне следующую историю:

– Много с-столетий назад Бес-с был прос-стым человеком, но томимым жаждой власти и богатства.

– Он и шейчаш плавить милом хошет! – вмешалась вторая голова.

– Цыц! Не перебивай! – шикнула на нее третья и продолжила рассказ: – Во имя достижения с-своих целей он с-совершал немислимые пресс-ступления, жуткие злодеяния. Ничего с-святого в нем не ос-сталось. Ничто его ос-становить не могло, и не было от него с-спасения ни людям, ни зверям, ни птицам. Ни на земле, ни в воде, ни в воздухе, – таинственным голосом вещал Юша. – Разозлилс-ся на него Гос-сподь и превратил его душу в камень. Разбил тот камень на множество мелких ос-сколков и разброс-сал по всему свету. И с-с тех пор мучает Бес-са из преис-сподней жажда чего-то невиданного, бес-спокойство вечное, тревога непреодолимая. И не прекратитс-ся это мучение, пока не с-соберет он эти камушки в один-единс-твенный камень с-своей души.

– Но гадить направо и налево это ему ни капельки не мешает! – подытожила я рассказ Змея Горыныча.

– Еще как мешает, – возразил Юша. – Ты с-себе и представить не можешь, на что был бы похож наш мир, если бы Бес-с не отвлекался на с-собрание осколков с-своей души.

– Плеишподняя была бы ждешь, у наш! – заверил он меня.

– Дос-стоверно известно, что камушки эти для него важнее всего на с-свете. С-собрать их в один-единс-ственный камень – его перво-оче-редная задача, – объяснил Змей.

– Он пошему шарства-гошударштва захватывает? Штобы потом спокойно вше обышкать, обрышкать и камешек найти.

– Ага! Ешли камешек там ешть.

– Он жа один такой камешек любое желание ишполнит!

– Все-все, что тольхо захочешь!

– А целое государство освободит от долга? – поинтересовалась я.

– Не жнаю, – пожал плечами Юша, – одного, может, и мало. А вот жа два-а... – Змей хитро прищурился.

Не успела я ничего спросить у Горыныча, как он развернул меня к себе спиной и велел не оборачиваться.

– И не подглядывай! Это место тайное, его ни одна живая душа жнать не должна, – бормотал Юша. – Даже маменька такие под-люб-нос-ности пло меня не знает.

Ни в одной из прочитанных мною в детстве сказок про потайные места на теле Змея Горыныча я информации не встречала. Змей Горыныч – это все-таки сказочный персонаж, ну пусть разновидность дракона – не кенгуру же! Да и карманов у него быть не может за неимением одежды. А что за интимные места он скрывает даже от маменьки, я и предположить не рискнула. После недолгой возни Юша дозволил-таки мне повернуться и с нескрываемым торжеством во всех трех парах глаз выдал камушек, очень похожий на мой.

– Вот, это тебе! – смущаясь и слегка краснея, выдавил Змей.

– Ну, там жа шпашение и плочие блага, – лопотал Юша, конфузливо шаркая лапкой.

– Ну там и в будущем... – высказала надежду третья голова.

Намек Горыныча на будущее я очень хорошо поняла. Если такую великую ценность он отдает мне в пользование, то явно небезвозмездно. Да и не собиралась я оставаться в долгу. Стало быть,

мои обещания не пролетели мимо ушей и Юша рассчитывает на дотации от Тринадцатого государства. Об этом мы поговорим позже. Но откуда у него взялся кусочек бесовской души?

– Шташил я его, – признался Горыныч. – Когда служил у него ежовым животным.

– Вредный он и противный, – вставила третья голова.

– Аха! Я тохда еще плохим учился быть, – подтвердила первая. – Вот и свистнул в качестве дохазательства, что во мне тоже есть отличательные челты халахтела.

– Так он же, наверное, заметил? – забеспокоилась я за Горыныча. Не думаю, что Бес так легко простит кражу самого ценного своего сокровища.

– Конешно, жаметил, – нагло признался Юша. – Буянил! Вша преишподня тряшлась! Только мало ли кто шего у него шпелеть мог. Налоду ходит много, все беж доклада и плопушков. Шам нагнал, так пушть тепель не жалится.

Я держала в руках два красных в золотую звездочку камня. Все грани разные, углы острые, в общем, ничего особенного на вид. На какие уступки пойдет Бес из преисподней за такое сокровище? Вдруг камушки засветились и притянулись к друг другу, словно магниты.

– Ух ты! – восхищенно вздохнул Змей.

Я слегка потянула камни в разные стороны, и они снова распались.

– Ух ты! – опять провозгласил Горыныч.

– И что это значит? – поинтересовалась я, еще несколько раз сведя камни вместе и разведя в разные стороны. И каждый раз камни склеивались, озаряясь легким сиянием, и свободно распадалась.

– Они друг к другу подходят! – Горыныч заворожено смотрел на камушки, глаза восторженно округлились, грозя выкатиться из орбит.

– И? Так и должно быть?

– Должно! – кивнул Юша. – Они вс-се должны подойти друг к другу. Только у него еще таких нет! Таких, которые подходят друг к другу.

– Точно-точно, – закивала первая голова. – Мы все хамушки видели, они у него в отдельной хомнате хланятся, с особым почетом лежат.

– И ни один дуг к дугу не подходит, – хихикнула вторая голова. – Беш этим ошень опешален.

– Аха! Потому что даже не пледставляет лазмелы камня, котолый собилает!

– Что ж. – Я подмигнула Юше. – Настало время порадовать Беса из преисподней. Будем считать, что у него сегодня праздник. Вот у нас и подарочек есть.

– Ладно, – великодушно согласился Горныч, пригибаясь к земле. – Залазь на с-с-пину, полетим, а то на торжес-ство не пос-спеем.

– Да, и ты там делжишь поклепше! – уточнила вторая голова. Как выяснилось чуть позже – не зря.

Глава 40

Задам риторический вопрос – летали ли вы когда-нибудь на Змее Горыныче? А вот мне довелось! Удовольствие еще то! Утешить могу сразу – жива я осталась только благодаря удачному стечению обстоятельств и активной борьбе за собственную жизнь. Хотя психике моей были нанесены существенное потрясение и ощутимый урон.

Взлетало милое животное вертикально, поэтому, пока мы добрались до нужной высоты, я сползла к хвосту, хотя и карабкалась вверх по хребту без усталости и остановок, невзирая на страх, тошноту и головокружение. Затем грузное тело выровнялось параллельно земле и заходило подо мной ходуном – вверх-вниз. С технической стороны полет Юши выглядел следующим образом: головы и крылья оставались на месте, а туловище поднималось и опускалось. Поэтому я то зависала в воздухе, отчаянно цепляясь за хребет Горыныча, то подпрыгивала вверх, подталкиваемая массивным туловищем, рискуя свалиться и еще сильнее хватаясь за хребет. Перемежая малознакомые мне молитвы с хорошо известными широкому кругу обывателей нецензурными выражениями, я искренне надеялась, что полет кончится раньше, чем я умру от страха. И уж если неминуемое должно случиться, то смерть принять хотелось бы в более достойной позе, а не вверх тормашками.

Внизу проплывала не подозревающая о моих муках земля. Впрочем, она казалась далекой, туманной и недостижимой, поэтому туда не просто очень тянуло, а страстно хотелось там оказаться, и желательно – после удачной посадки, без жертв.

Помнится, в самолете, отправившись в Турцию, мы с Маринкой наперебой капризно сетовали на тошноту, заложенные уши, сухость в воздухе и слабый вестибулярный аппарат. Томно попивали минералку и брызгали друг друга термальной водой из баллончика, дабы сохранить кожу свежей и увлажненной. Сейчас главной моей заботой было не дать ветру сдуть себя со спины Змея Горыныча, и даже слабый вестибулярный аппарат замер от страха. Приложив невероятные усилия, я переползла поближе к средней голове, чтобы хотя бы не так трясло. Заметив мои действия, Юша возжелал общения:

– Думаешь, двух камушков хватит, чтобы целое царство оттяпать?

– На царство, может, и не хватит, – прокричала я. – А вот на одну мою душу, думаю, вполне достаточно.

– Аха! Понял! – кивнул Змей, и на какой-то момент я зависла вниз головой на расстоянии метров двухсот над землей. – За царство – тебя, за тебя – камушек!

– Точно! – подтвердила я его догадку, борясь с тошнотой.

– Тогда шлазу два не отдавай, – задумчиво посоветовал Змей. – Много будет!

Сидя на шее у существа, размеры тела которого настолько не соответствовали размерам крыльев, что полет осуществлялся благодаря каким-то мистическим силам и вопреки гравитации, спорить о том, что он довольно низко оценил мою стоимость, было как-то несподручно.

– А ты плавада меня к пледшказателям погоды плиштлоишь?

– Правда! – подтвердила я, уже догадываясь, что началась процедура торга. И как-то сразу я поняла, что продемонстрирую абсолютное согласие со своей стороны на любые предложения Горыныча.

– Только без пелелаботки! – пригрозила первая голова. – Знаю я этих синоптихов. Они на мне днем и ночью летать будут! Эхсплуататолы!

– Кошьшти лади, ишпольжуя швое шлужебное положение! – добавила возмущенно вторая.

– Вся работа – согласно трудовому законодательству Трисемнадцатого государства, – пообещала я. – Пять рабочих дней, два выходных.

– Аха! И отпуск, отпуск обязательно! Мне х маменьке летать надобно. Инохда!

– А жить? Где я жить буду? – требовательно осведомился Юша. – Мне где попало нельзя, я же огне-ды-ша-шаций.

– И дом тебе построим из камня, – со вздохом пообещала я. – Большой! Просторный!

Горыныч восторженно взмахнул крыльями, от чего сбился ритм полета, и я глухо охнула, ощутив замирание сердца где-то в коленках.

– И двол, двол мне нужен шилокий! Для плогулок, швежим вождухом дышать.

Я, как обычно, согласилась без лишних вопросов, хотя можно было и поинтересоваться – что же ему, в небе воздуха мало? Но в этот самый момент я сама захлебывалась от переизбытка воздуха и мне было не до вопросов. Я вообще старалась открывать рот поменьше.

– Питание за с-счет гос-сударства! – продолжал Горыныч, теряя остатки совести. – Мне с-строгая диета необходима.

Пока он перечислял список любимых и полезных ему продуктов, который скорее походил на рацион небольшого города, чем на строгую диету, я подумала: возможно, Тринадцатому государству окажется экономически выгоднее сдать на милость Бесу, нежели содержать это прожорливое и наглое существо.

– Ну и подалки, конечно, когда к маменьке буду выезжать, – подытожил Юша.

– А не лопнешь, деточка? – не выдержала я.

– Это да, – согласился обжора. – Вдлуг раштолштею? – и добавил: – Штоб штлашого не шлушилось и ждоловье мое бешценное не пошатнулось, во дволе надо будет шпециальные механижмы поштавить, – предложила выход вторая голова.

– Ага! Для бега с-с препятс-ствиями и нагрузки вс-сех групп мышц, – оборзела третья.

На этом мое терпение закончилось. Я решила прикинуться дурочкой и громко прокричала:

– Не поняла ничего! Не слышу!

– Да! – как ни в чем не бывало продолжил Горыныч. – Еще бешплатные ушлуги влача. Жубы мне вштавить надобно.

– Вообще вс-сех врачей, – добавила третья голова. – Я еще животом час-сто мучаюс-сь.

Ну, немудрено! Животом он мучается! Жрать чего ни попадя меньше надо! Но вслух высказаться не решилась. Опасное это и бесполезное дело – урезонивать размечтавшегося Змея Горыныча. К тому же Юша начал снижаться. Мне предстояла посадка. Мысли о том, что я сажаю на баланс Тринадцатого царства пожизненную статью расходов в виде ненасытного сотрудника гидрометеоцентра, стала волновать меня меньше, чем возможность собственного безаварийного приземления. Сначала я даже хотела перевернуться лицом к хвосту, чтоб оказаться хотя бы головой вверх, когда змей начнет пикировать вниз, но потом решила воздержаться. Вдруг внизу

массовое скопление народа? Негоже царице бессильно сползать с хвоста. Плотно зажмурив глаза, борясь с тошнотой, паникой и усталостью, я ожидала конца. Какого? Уж как получится...

Горыныч мелко задрожал телом и громогласно провозгласил:

– Куда приземлятьс-ся будем?

– На з-землю, – с трудом выдавила я, цепляясь за шею до судорог в пальцах.

– На Дворцовую площадь? Али еще куда? – уточнил Юша.

– Ага, туда! – прокричала я что есть силы.

Горыныч вздрогнул:

– Что ж ты олеш-то так? – потом ворчливо добавил: – Я в темноте вижу плохо! Навелное, фонтаны жадену!

– Ну и черт с ними! Садись быстрее! – Мои нервы сдали еще в небе, а сейчас уже и силы были на исходе.

Пара чувствительных толчков, скрежет, грохот, всплески – и я робко открыла глаза, чувствуя, что полет закончен.

Глубокая бархатная ночь. Полная ясная луна в компании мелких светлых звезд. Легкое шуршание разгромленных фонтанов. Десяток скучающих фонарей, скудно освещающих Дворцовую площадь. Негромкое ворчание Змея Горыныча:

– Понастроят тут, пройти негде!

Все.

Явление мое свидетелей не имело. Никто меня с трепетом не ждал. Рукоплесканиями не встречал. Похоже, приземление вообще осталось незамеченным. Даже стрельцы не спешили задержать нарушителей покоя и разрушителей частной царской собственности. Вымерли все, что ли? Первая мысль, которая возникла: «Самое страшное уже случилось. Я опоздала». Впрочем, скоро до меня донеслись звуки гармонии и смех. Жизнь в городе шла своим чередом. Парни с девками прогуливались по улицам, наслаждаясь прохладой ночи, отдыхали после трудового дня.

Двери дворца встретили меня как непроходимое препятствие – оказались наглухо закрыты, но на втором этаже, в тронном зале, горел свет. Во времена бытности царицей мне как-то не пришло в голову занять ключ от дворца. Он всегда был открыт нараспашку, можно сказать, рад моему приходу. Сейчас мне предстояло стучать в

закрытые двери. Когда еще соизволят их открыть? Каждое мгновение на счету.

– Мне туда, наверх надо, – показала я Горынычу на светящиеся окна.

– Ладно, подкину, – согласился он. – Только чур за лажбитые стекла плитензий не пледъявлять!

Юша с размаху долбанул тремя лбами три дворцовых окна, и, страшивая с себя осколки, я вылезла на пол тронного зала. С непривычки к полетам на Змеях Горынычах и после нервного напряжения ноги подкашивались, коленки дрожали, мышцы сводило. Опираясь на голову Юши, чтобы не растянуться на полу, оглядела присутствующих.

Тут, кстати, я столкнулась как раз с тем приемом, который ожидала с самого начала. Картина «Не ждали!» и немая сцена из «Ревизора» одновременно. Обалдевший от неожиданности Митька, пардон, царь Тринадцатого царства-государства Дмитрий. Опечаленная Баба-яга с отпавшей челюстью. Изумленный и восхищенный одновременно посторонний мужчина нестандартной наружности и прочая изумленная публика. Фрол Авдеевич, бояре Климов и Ломов, десяток стрельцов и еще кое-кто по мелочи, в общем, все свои.

Глава 41

– Приветствую вас, друзья мои! – Поскольку пауза неприлично затянулась, я решила заговорить первой и помахала рукой присутствующим. – Прошу прощения, что не по регламенту, но у вас там двери заперты, так что пришлось воспользоваться варварскими методами... – бормотала я что-то невнятное, наивно ожидая, что кто-нибудь придет в себя. Потопталась на месте, коленки все еще дрожали. Я опять облокотилась на Горыныча, тот возмущенно прошипел:

– Ты еще на морду мне сядь!

Но стерпел, не дернулся.

Первым очухался незнакомец. Я так полагаю, Бес из преисподней собственной персоной. Примерно таким я его видела во сне. Выше среднего роста, широкоплечий, в длинном черно-красном плаще, лаковых сапогах и перчатках. Гламурненький такой оказался. Черные пятна вокруг глаз и на скулах делали багряную морду – назвать это лицом язык не поворачивался – похожей на кровавый череп. Сквозь нечесаную черную копну волос прорезались бордовые рога. Симпатичным это чудище назвать было трудно, но до обморока оно не доводило. Бес пытался казаться миролюбивым, на губах заиграло подобие дружелюбного оскала.

– Я так понимаю, это царица царства Тринадцатого? – Он любезно мне поклонился. – С опозданием, но очень кстати.

– Нет! – заорал Митька. – Брак расторгнут. Супругой моей эта женщина не является. Он приблизился ко мне и, толкнув Горыныча в бок, прошипел: – Вези ее отсюда подальше... Потом разберемся...

– Не полухитя, – прошептал Змей в ответ. – Я облатно вылейти не могу.

Юша действительно пытался пролезть обратно в оконный проем, хотя бы теми двумя головами, которые меня не поддерживали, но безнадежно застрял.

– Ш твоей женой летать – так же, как с Лихом одноглазым! – ворчал Змей. – Шам выпутывайша. – Мой летательный транспорт шевельнул головой, стряхивая меня с себя в объятия Митьки.

– И я тебя рада видеть, любимый! – пролепетала громко. – Как это не жена? Еще как жена! Не было развода! Согласия своего я не давала, подписи царственной не ставила.

Убедившись, что уже вполне могу ходить без посторонней помощи, я пошла к Бесу, поприветствовала его легким поклоном.

– Бес, я полагаю? Из преисподней? Приятно познакомиться! Дарья.

– Рад! Несказанно рад! – разводил церемонии гость.

– Ты никак долги Тринадцатого царства пришла заплатить? – тихо поинтересовалась Баба-яга.

– Да вот, хочу...

– Не хочет она! – рявкнул Митька на Ягу. – Предложение было выдвинуто, мы уже все решили! – и сквозь сжатые зубы прорычал на бабу: – Сгною в подземелье, ведьма старая, несмотря на заслуги пред отечеством и радикулит!

Я легонько чмокнула благоверного в носик.

– Что-то ты, милый, разнервничался, тебе бы настоечка из трын-травы не помешала, – и, обращаясь к Яге, поинтересовалась: – Бабуль, у тебя с собой нет?

Яга смотрела на меня настороженно, с некоторым любопытством, будто прикидывала в уме дальнейшее развитие событий. Во взгляде Дмитрия читались тоска и безнадежность. Поняв, что я отступить не собираюсь, он отпустил мою руку и одними губами прошептал:

– Не делай этого.

– Предлагаю не тянуть время и вернуться к переговорам, – сказал Бес. – Эмоции мне ни к чему, после разберетесь, – и, причмокнув, добавил. – Если возможность представится.

– Отличная идея, – поддержала я. – На чем вы тут остановились?

– Я преемника назначил, – объяснил Дмитрий. – Вот, знакомьтесь, Никифор Климов, нынешний царь царства-государства Тринадцатого. Род его в договоре не участвовал, долгов перед Бесом не имеет...

– Ну, царем его еще не нарекали... – начал канючить Бес. – Я на уступки пошел... Сквозь пальцы на ваше беззаконие посмотрел...

– Ты согласился уже! – гаркнул Дмитрий.

– Это потому, что царица ваша исчезла в неизвестном направлении, – ответил Бес. И, закатив глаза, передразнил бабулю: –

Яга вон клялась, что царица ушла в недостижимые нашему сознанию области. А она вон, на Горыныче полетала и возвратилась, будто в лес за грибами сходила.

– Ты согласился! – еще раз прорычал Митя.

– Договор не подписывали? Не подписывали! – кривлялся Бес. – На крови обещания заверяли? Не заверяли. А слова что? Суета пустая, тщета, тлен, дым, мишура... – Видимо, на этом словарный запас властителя преисподней закончился.

– Изверг! – фыркнул Дмитрий.

Бес безразлично пожал плечами и уставился на меня с наивным умилением на черно-красной морде.

– Итак, к чему мы пришли? – поинтересовалась я.

– Есть царство – небезызвестное Тринадцатое. Вот, права я на него предъявляю. Срок договора на исходе, все честь по чести, – услужливо проинформировал Бес.

– Но если найдется чистая, не обещанная тебе душа, добровольно повенчанная с царем Тринадцатого государства... – процитировала пункт пересказанного мне договора, пристально глядя гостю в глаза. – Чистая душа по-прежнему в цене? – хитро прищурившись, я ждала ответа.

– О, разумеется, – проворковал Бес.

– Штоб этот ижверг швое упустил? Как же, дожدهшься! – ворчал Горыныч, оставив попытки вырваться из оконных тисков и с любопытством наблюдая за происходящим.

– Ну и как проверять будем? – поинтересовалась я. – Мне местные обычаи неведомы, может, кто ознакомит?

Я говорила громко, отчетливо проговаривая каждое слово. Наверное, со стороны казалось, что я необыкновенно храбра и самоотверженна. На самом деле у меня тряслись от страха не только колени, но и поджилки, даже те, о существовании которых я не подозревала.

– Чаша жадеитовая, поди, с тобой? – подала голос Баба-яга – Та самая, которую ты у Кощея Бессмертного еще лет сто назад спер?

– Ну вот, опять – спер? Почему сразу спер? Честно приобрел! Обменом, – фальшиво возмутился Бес.

– ОбмАном, а не обмЕном! – фыркнула Яга.

Бес не удостоил старуху взглядом. Жестом фокусника извлек из-под плаща небольшой, вырезанный из мерцающего желтого камня сосуд. Поставил на возникший из ниоткуда кованый столик.

– Прощу! – Сама любезность и обходительность с рогами. – Душу свою выставляешь?

– Свою!

– Условия знаешь? – ехидно выспрашивал Бес.

– Знаю!

– Если душа чистая, не обещанная – царство свободно, если нет – царство мое. Но ты, царица, в любом случае идешь со мной.

– Хорошо, – согласилась я. Возникший рядом Дмитрий стиснул мою руку и прошептал в самое ухо:

– Еще не поздно, одумайся! Ты не представляешь, что такое преисподняя! Там, откуда ты пришла, нет ничего даже отдаленно похожего!

Мне хотелось сказать ему: «Милый, там, откуда я пришла, я пережила эпидемию коровьего бешенства, пару кризисов, птичий грипп, пандемию ковида и убойную инфляцию – не надо пугать меня преисподней, ты не стоял в московских пробках!» Но я только легонько погладила его по щеке.

– Капля твоей крови в этой чаше истину нам и покажет, – продолжил Бес. – Ляжет на дно – душа у тебя чистая, мне не обещанная – царство свободно. А забурлит и исчезнет – не судьба. Царство мое, и ты моя.

– Договорились, – подтвердила я.

Бес протянул мне иголку. Длинную, золотую, с резным ушком. Баба-яга схватила ее первая. Обнюхала, даже облизала и презрительно заключила:

– Все мухлюешь!

Бес безразлично пожал плечами.

– А как же? Такова моя бесовская натура.

Яга отколола булавку от своего платка и протянула мне. Я сразу подумала о заражении крови, отсутствии антибиотиков, сепсисе и прочих прелестях. На этом фоне страх перед Бесом померк. Впрочем, требовать дезинфекции не стала. Уколов палец, поднесла руку к чаше. Пока капелька крови собиралась в ранке и летела на дно чаши, в зале царил звенящая тишина. Присутствующие, кажется, не дышали. Даже

Бес, казавшийся до этого безразличным, беспокойно вглядывался в жадеитовый сосуд. Капля плюхнулась на дно, чаша слегка озарилась белым светом, и все – больше ничего не произошло. Красное пятнышко застыло на желтом камне и исчезать не собиралось.

– Ну, скажите же што-нибудь, – заворчал Горыныч. – Мне ж отсюда нишего не видно!

По залу прокатилась волна облегчения, только Митькиного вздоха я не услышала.

– Ваша взяла! Царство за вами остается, – признал Бес, вновь напуская на себя безразличие. – Прощайся быстрее и пойдём, царица. Нам еще дорога дальняя предстоит.

Я повернулась к Митьке. Такой паники в глазах мужчины, который обычно был беззаботным, циничным и неунывающим, я даже представить не могла. Крепко стиснув меня в объятиях, он шептал что-то бессвязное мне на ухо, я понимала только обрывки фраз:

– Я вытащу тебя оттуда... обязательно... силой... обманом... чем угодно... очень скоро.

Мое сердце сжалось. Он действительно готов был пожертвовать целым царством ради меня одной. Я уже хотела рассказать, намекнуть, дать понять, что еще не конец и есть вторая часть плана. Даже не ожидала, что мужика затрясет от гнева и безысходности. Но времени на это не оставалось, к тому же нас окружали люди. Я обернулась к присутствующим.

Дальше началась трогательная сцена прощания, во время которой Яга каялась в грехах и просила прощения, бояре обещали увековечить в былинах и памятниках, Фрол Авдеевич молча тискал руку, поцеловать так и не решился, слов тоже не подобрал, но во взгляде горели уважение и благодарность, которые он испытывал в данный момент.

Отвесив собравшимся низкий поклон – ничего более подходящего знание этикета мне не подсказало, – я выдохнула, приготовившись ко второй части Мерлезонского балета.

– Ну, пойдём, – буднично предложила я Бесу. И тут же добавила: – А нет, погоди! Забыла подарки раздать!

Я вынула из кармана зеркальце и передала его Яге. Бес скрипнул зубами, но промолчал. Понимаю – жалко, вещичка ценная, но раз на

моем подоконнике оставлена, стало быть, моя. Следующим из кармана я достала яблоко, кинула Горынычу, тот ловко поймал и прочавкал:

– Шпашибо!

Я на секунду сжала в руке заветный камень, глядя в глаза Беса. А потом развернула ладонь с камнем прямо перед его носом.

– Красивый камушек, сразу мне понравился. Это тебе, любимый, на память обо мне. – Я картинно закатила глаза, протягивая подарок супругу.

Своды дворцового зала огласил раскатистый хохот. Зазвенела люстра, заколыхались портьеры. Бес смеялся. Бес гоготал.

– Ловко придумала! Молодец! Подготовилась! – Хохот сотрясал потолок, даже зеркала дрожали.

– Ну надо же! Отколь только узнала? – всплеснула руками Яга.

– А ты говорила, не местная! – Бес ткнул старушку локтем в бок. – Обычаев наших не ведает. В сказания наши не верит!

– Поживешь тут у вас и не в такое поверишь! – фыркнула я. И заносчиво уставилась на Ягу с Бесом. – Пару недель назад я и в вас не очень верила, однако вы прекрасно существуете, сыты и довольны жизнью.

– И ты думаешь, что за один-единственный камень ты вернешь себе свободу? – Он перестал смеяться. – За один камень я отдам единственную чистую душу во всех Тридесятих государствах? Какая наивность! Не тни время, пойдем!

– Тьфу, изверг! – Яга вернула Бесу тычок под ребра, как мне показалось, с утроенной силой. Тот даже охнул.

– Вот жмот! – фыркнул Змей Горыныч. – А Маньку из Тридесятого отпустил, еще козу в придачу дал.

– Так то Манька, купеческая дочка, даже не боярская! У меня таких девок хоть пруд пруди. А коза вообще тьфу! С ней проблем больше, чем без нее, – рассуждал гость из преисподней. – А здесь царица с чистой душой. Да я с такой душой таких дел наворочу, может, и не один камень добуду. Но-но! – зашипел Бес на разъяренного, полезшего на него с кулаками Митьку. Фрол Авдеевич Дмитрия удержал, Яга успокаивающе похлопала по плечу, бросая злобные взгляды на паясничавшего Беса.

– За один – нет, не отдашь! – согласилась я – А за два? – вытащив еще один камушек, развернула его на второй ладошке.

Бес судорожно сглотнул, даже чуточку побледнел, впрочем, по его красно-черной физиономии тяжело судить. Я приблизила ладони друг к другу, демонстрируя слияние камней. У Беса выступила испарина на лбу. Отвисла челюсть. Даже когти сквозь лаковые перчатки прорезались от вождления. Я отошла на пару шагов назад, для безопасности.

– Согласен! – прошипел Бес, не глядя на меня и протягивая трясущиеся загибающиеся руки.

Я еще отодвинулась:

– Ты забираешь эти два камня, и моя душа остается при мне? – спросила уперто.

– Да! – безропотно согласился Бес.

– И в Тринадцатом царстве тебе вообще никто ничего не должен? – уточнила дотошно.

– Ну не совсем, – возразил Бес. – Мне еще боярин Зи... а, черт с вами, ладно! Никто и ничего.

– На крови обещаешь! И договор верни, – потребовала Баба-яга, наконец придя в себя после моих фокусов.

Бес обернулся вокруг себя, тряхнул рукой, на пол брызнула кровь, упал свиток. Яга проворно развернула бумагу, убедившись в достоверности, плюнула на нее, и свиток рассыпался в прах. Бабка деловито мне кивнула.

Бес не сводил глаз с камней.

– Козу возьмешь? – поинтересовался он осипшим голосом.

– Давай, – согласилась я. Чего не взять-то, раз дают.

– Договорились! – подытожил Бес, сгребая камни.

– Договорились! – подтвердила я.

В ту же секунду гость из преисподней исчез вместе с жадеитовой чашей и столиком, а через мгновение в зале появилась испуганно мекающая серая коза.

Задумчиво вглядываясь в ее черные глубокие глаза и еще не до конца осознавая, что битва с Бесом выиграна, я тихо произнесла:

– Аксинье подарю.

Глава 42

Сказка есть сказка! Конец всегда хороший.

За заслуги перед отечеством и народом бояре решили увековечить меня в виде памятника из золота, кстати, за свой счет, что немаловажно. И для пущей значимости запечатлеть мой образ в былинах и песнях. Никифор Климов, ничуть не опечаленный несостоявшимся царствованием, буйствовал в обещаниях пуще всех. К счастью, данные обещания раздавались в пылу обильного застолья, которое, по традиции, длилось три дня. Надеюсь, как придут в себя и протрезвеют, многое забудется и покажется лишним.

На Бабу-ягу навалились чувство вины и угрызения совести. Она то каялась в содеянном, то оправдывала свои поступки радением и заботой о государстве. Бабуля запила эмоциональный взрыв настойкой трын-травы и решила отойти от государственных дел и заняться овощеводством и воспитанием избушат. Эти бесенята совсем от рук отбились, шныряли по городу, сбивали добропорядочных жителей с ног, портили городскую собственность.

Змей Горыныч сразу же после извлечения из оконного проема поступил на баланс Тринадцатого государства – трудиться на новом поприще. Предсказатели погоды счастливы невероятно. Исполняют любые Змиевы просьбы, терпят все его капризы. Прицепили к нему корзинку с пробирками и агрегатами, летают в небе, предсказывают количество осадков и температуру воздуха. Точнее прогнозы не стали, но все довольны, кроме строителей. Возвести каменную берлогу, да еще оборудовать площадку для упражнений, и все это в кратчайшие сроки – оказалось непомерно трудной задачей. Перед Горынычем они помалкивали, но ко мне жаловаться приходили с завидной регулярностью.

Аксинья продолжала обучение у звездочета. Не скажу, что он сильно радовался внезапно появившейся ученице, но с достоинством воспринял царский указ. Я уверена, со временем он оценит рвение к учебе, способности и обаяние девочки.

Кикимора, недавно обретшая счастье в семейной жизни, цвела как кувшинка. Позеленела, помолодела, даже покрылась юношескими

прыщиками от счастья. Необдуманых подарков своему благоверному Лешему больше не делала. Никаких золотых рыбок. Тритончика подарила, хорошенького, синенького. Вчера у него вылезли две подозрительные ножки. Супруг в восторге! Кики уже почувствовала что-то неладное, но пока не может отчетливо сформулировать.

Весело и широко отгуляли свадьбу Емели и Несмеяны. Моим подарком стало подвенечное платье от царского портного. В итоге буйная фантазия Андрея Парамоныча и Несмеяны сошлись на пышном белом платье, обильно украшенном рюшками и воланами. Подол и декольте обвивали гирлянды из розовых розочек. Голову украсила короткая ажурная фата, приколотая к волосам букетиком из роз в кружевах. В свадебном наряде Несмеяна походила на аппетитное пирожное со взбитыми сливками. Емеля не сводил с невесты ненасытного взгляда обжоры. Иногда мне казалось, что он вот-вот попробует ее на зуб. Но в целом пара получилась – загляденье, розовощекая и упитанная.

Митькин подарок тоже пришелся очень кстати. С легкой царской руки молодая семья Емели и Несмеяны стала первой в освоении тарелковидения.

По планам правительства новая игрушка не только станет активно и регулярно использоваться народонаселением, но будет выгодно продаваться в другие царства-государства.

Печка тоже не осталась внакладе. Баба-яга сплела ей дивный коврик красивого синего цвета с витиеватой вышивкой. Довольный самоходный отопительный агрегат украсили ленточками и колокольчиками. Именно печке доверили транспортировку молодых в дом Емели, где уже ожидали приглашенные гости и были накрыты праздничные столы.

Многие, конечно, сетовали на пасмурное и чересчур молчаливое для торжества настроение невесты, но главное, что это ни капельки не смущало жениха. К тому же мнение гостей изменилось благодаря забавному происшествию. Соседка Анна Прялкина, приглашенная на свадьбу и разряженная по этому случаю в красочное платье со множеством цветочков, случайно поскользнулась и чуть не растянулась на грядке. Упасть юной красавице не позволила свеженаписанная табличка, воткнутая в грядку. Естественно, непросохшая надпись отпечаталась на платье, больше напоминающем

клумбу, нежели девичий наряд. Как только Прялкина вручила молодоженам подарок и повернулась спиной, дабы удалиться и не мешать остальным гостям, Несмеяна прочитала на ее спине надпись, гласившую: «По грядке не ходить!» – и все присутствующие смогли насладиться залившимся, заразительным смехом невесты.

В общем, у всех дела сложились хорошо, по крайней мере, на конкретный текущий момент. Благополучие Трисемнадцатого царства-государства больше не требовало моего присутствия. Пылкие прощания в мои планы не входили.

Сидя в своей спальне на широком подоконнике, я собиралась с силами и с мыслями для последних решающих действий. Оглядывала то шуршащие внизу фонтанчики и цветастые клумбы (все очень быстро привели в порядок после нашего с Горынычем приземления), то комнату. Наталья старательно обеспечивала мне уют. В моих апартаментах появились ваза с фруктами, самовар, регулярно меняющийся на только что закипевший, и кувшин с любимейшей настойкой трын-травы. Яга лично готовила.

Все это к вечеру я хотела покинуть. Нет, не хотела – собиралась.

Немногочисленные вещи собраны. Каюсь, стырила у Бабы-яги волшебную тарелочку с наливным яблочком. Наивно рассчитываю подглядывать в этот мир из своей московской квартиры. Не с учеными приготовилась общаться, не открытия делать – не могу навсегда покинуть место, где останется мое сердце. Только бы тарелка не подвела и хотя бы изредка давала взглянуть на Аксиныны успехи в учебе, на цветущий бабкин огород, на клыкастую старушку и наглого кота, на умопомрачительные синие глаза Мити.

Глава 43

Уходя – уходи. Он сам мне проход показал, сам меня в мой мир отправлял, стало быть, туда мне и дорога. С Митькой мы, кстати, с момента прощания с Бесом так и не разговаривали.

В дверь постучали и, не дождавшись приглашения, на пороге появился мой супруг собственной персоной. Действительно, зачем ему приглашение? Он царь, входить может, куда захочет – без спроса и доклада.

– Привет.

Я кивнула в ответ. Слова не произносились.

Он изменился за последнее время. Стал серьезнее и печальнее. Больше не слышно от него циничных замечаний и острых шуточек. Впрочем, возможно, в облике царя он всегда был таким. С этой стороной его жизни мне так и не довелось познакомиться. Я знала только бесшабашного и неунывающего Митьку. А ведь совсем забыла, что он ведет двойную жизнь. Растрепанный, в простой рубашке, сияющей белизной на загорелом мускулистом теле, с руками в карманах, сжатыми в кулаки, Митя разглядывал меня так же, как я его. Я старалась запомнить все мельчайшие детали его внешности, чтобы потом видеть во сне. Его тревожный синий взгляд внимательно следил за мной, потом скользнул по комнате, остановился на сумке, из которой торчал край тарелки. Я не сомневалась, он все понял.

– Бояре хотят тебе часы специальные определить, – сказал Дмитрий. – Для приема населения с личными и прочими проблемами. Немного. Пару раз в неделю...

– Хорошо... – выдавила я.

– Это не обязательно, если ты не хочешь...

– Я подумаю. Хорошо?

– И все дела разрешать тоже не обязательно. Только какие считаешь нужными. Остальные отложить можно. На неопределенное время.

Я кивнула.

– И еще желают, чтобы на совете ты присутствовала, – продолжил царь. – Уповают на твою мудрость и рассудительность.

Я не стала выпрашивать, за что такая честь – не важно уже. Опять кивнула в ответ.

– Это тоже не обязательно. И не на каждом совете можешь... Если не хочешь...

Я понимала, Дмитрий пришел не за этим. Но разговор не заладился. Я тоже засунула руки в карманы. На мне был мой первый васильковый сарафан. Уже изрядно потрепанный. Да и постирать не мешало бы. Домового бабкиного здесь не было. А горничные этот наряд королевским не считали и чисткой обошли. Видимо, особого распоряжения ждали. Тот самый сарафан, в котором я у Яги ходила, на Горыныче летала, с Бесом общалась. Жалко, что последнее воспоминание обо мне сохранится в не слишком живописном виде. Карманы пустовали. Все сокровища розданы. Я нервно теребила пустоту и какие-то крошки-пылинки, выудила тонкую пластину, похожую на... Точно, чешуйка русалки Сюзанны.

– Даже в этом простом сарафане у тебя горделивый и царственный вид, – с задумчивым видом Дмитрий сделал мне комплимент.

– Забава говорила – красна изба пирогами, а царица делами, – ответила я.

– Дел твоих тоже на династию цариц хватит. – Он улыбнулся. – Тринадцатому царству вовек лучшей царицы не сыскать.

– Так только кажется, – тихо возразила я, нервно теребя чешуйку.

– Не уходи, – просто сказал Митя.

«Ну что ты тискаешь меня? И тискаешь, и мнешь», – раздался незнакомый голос.

– Что? – переспросила я.

– Не уходи, – повторил Митя громче.

– Нет, я не это... Ты слышишь? – переспросила у мужа. Только этого не хватало. Сначала отравительницы, потом Бес, теперь еще и голоса слышу.

«Ну разумеется, он не слышит! – недовольно проворчал голос. – Ты же меня в руках держишь? Ты и слышишь. И вообще, в ухо меня вложи, а то до тебя пока доорешься – охрипнешь».

– Ты... ты кто? – запинаясь, выговорила я.

– Даш? С тобой все хорошо? – осторожно поинтересовался Дмитрий, внимательно оглядывая меня как полоумную.

«Ой, ну вот, ненормальная, – заворчал голос. – Чего ты вслух-то лопочешь, я и так твои мысли слышу, как свои собственные».

«Правда?» – подумала я с усилием, чтобы не проговориться.

«Правда-правда! – подтвердил голос. И раздраженно добавил: – Чешуйка я русалочья. Правду ото лжи отличаю. Припоминаешь? Вот и хорошо. Вот и ладненько. Вот и молодец. Теперь челюсть с пола подбери. Вслух со мной не разговаривай, а в ухо положить не забудь. Вопросы будут – обращайся».

Я оторопело кивнула, еще не очень понимая, что происходит, и осознавая, что Митька вот-вот кинется за доктором.

«Вот времена пошли, – брюзжала чешуйка. – Все этой молодежи объяснять надо. Раньше из-за меня войны шли, русалок косяками истребляли, а теперь, чего со мной делать – учить надо».

Если она сейчас не замолкнет, у меня не только ее услугами воспользоваться не получится, но и собственную адекватность доказывать придется.

«Все-все – молчу! Ишь, чувствительная какая!»

Дмитрий все еще ждал ответа.

– Да, хорошо. Голова болит немного. – Я провела рукой по лбу, по волосам, украдкой засовывая радужную чешуйку в ухо. – Погода меняется. К дождю, наверное. Или бури магнитные, – назвала я извечную причину алкоголиков, не желавших признавать собственную слабость.

– Послать за доктором? – Митя заботливо помог спуститься с подоконника, усадил на диван.

– Нет, нормально уже все, – отмахнулась я. – Так что ты говорил? Митя отошел от меня, облокотился на комод.

– Когда я рассказал тебе, что проход не закрыт... Почему ты не вернулась в свой мир?

Я пожала плечами.

– Хотела посмотреть, чем все закончится.

«Врешь», – отозвалась чешуйка.

«Кажется, ты должна идентифицировать правдивость моего собеседника, а не мою. И вообще, рекомендовала бы помалкивать», – раздраженно подумала я.

«Молчу-молчу! Как скажешь!» – пообещала болтушка.

– А сейчас хочешь уйти? – Митя кивнул в сторону собранной сумки.

Я посмотрела прямо в его глаза.

– Развязка наступила, во всех основных действиях я участие приняла, здесь больше никому и ни за чем не нужна.

– Верно. Никому не нужна. Только мне, – добавил Дмитрий.

Я покачала головой.

– Для чего была нужна, все выполнила. Царство у тебя осталось. Ну а я? Я свободна. – Впервые я произнесла вслух то, что терзало меня уже долгое время. От этого стало еще тоскливее.

Сразу же для Беса приготовили, и к Яге он шастал, видел, что я, как дурочка, влюбляюсь по уши – перестраховывались, вдруг скандал подниму и замуж добровольно не пойду! А я пошла – радостно и вприпрыжку. Если бы не Василиса, я бы до самого полнолуния ничего не ведала. Заснула бы на брачном ложе – а проснулась у Беса в преисподней.

– Я знаю, я совершил много ошибок... – с нажимом произнес Митя. – Но все не так, как ты думаешь.

– Не так? – Я вскинула брови. – То есть это не ты лгал и обманывал меня все время, не ты предал и собирался отправить в преисподнюю?

– Нет! – гаркнул Дмитрий. – Не собирался! Я собирался назначить преемника, отказаться от царства и уехать с тобой подальше отсюда! А не сказал ничего – волновать не хотел. Ты вспомни! Я сам тебе проход показал. И возможность выбора предоставил. Между прочим, отпустить тебя и знать, что никогда больше не увижу, мне было – как половину сердца оторвать! Это не считая мелких неприятностей: исцарапанных Тимофеем стрельцов и разнесенной Бабой-ягой в щепки конюшни. Не желали они тогда дом свой покидать.

Я, насупившись, молчала, хотя в душе искренне веселилась, представив кошачью атаку на стрельцов и радость мимоходом освобожденных заключенных. Тринадцатое царство совсем без мест предварительного заключения осталось. Сначала Горыныч порезвился, затем Яга постаралась.

Митя продолжал:

– Я свою вину признаю. Надо было сразу тебе все сказать. – Он нервно провел рукой по волосам. – Но не до того было. На тебя и так

неприятности, как из хлопушки конфетти, сыпались. У меня ватага невест дворец разносила. Бояре дочек своих всеми средствами пропихивали и власть делили. Яга мухлевала. Бес на горизонте маячил. А я за тобой, как хвост, ходил, как охранник личный. Из вида старался не упускать, чтобы ты опять куда-нибудь не вляпалась. В очередную ловушку не попала. Царь в телохранителях у девчонки.

Я невольно хихикнула.

Дмитрий тяжело вздохнул и спокойно добавил:

– А потом, не мог я тогда тебе рассказать. – Он мялся, подбирая слова. – Боялся, узнаешь про Беса, испугаешься – сбежишь. Выведаешь, что домой вернуться можно, – уйдешь. Не уверен был, что ты меня любишь. Не за царя замуж выходила. Не под натиском Яги сдалась. Не мог я позволить, чтобы ты ушла. И сейчас не могу.

– Но ведь позволил, – сказала я. – Почти выгнал. – У меня до сих пор в памяти звенело его: «Уходи!» – Знал, что люблю. Знал, что умираю от боли, и прогнал.

– Поэтому и отправил. Верил, для тебя так лучше будет. Думал, что простить не сможешь никогда, что уйдешь и забудешь про все. Про Ягу, про царство Тринадцатое, про меня. Про этот злополучный проход рассказывал, а сам жалел. Каждую секунду об этом жалел. Даже тогда, когда рассказывал, уже жалел.

– А сейчас уверен? Что люблю? Что прощу? – поинтересовалась я.

– А сейчас все равно! – Дмитрий сделал несколько быстрых шагов ко мне, рывком поднял, сжал в объятиях. – А сейчас мне все равно! Только не уходи. Не прощай. Не люби. Только не уходи!

Митя так сильно сжал меня, что мне стало больно и душно. Но шевелиться я не хотела. Мне тоже стало все равно. Что обманывал, что причинил боль. Я не хотела ни о чем думать, только бы вот так застыть в его руках навсегда. Только бы его сумасшедшие глаза загоразивали от меня весь мир, только бы он всегда был рядом. Из-за этого я злилась еще больше. На себя и на него. Из-за того, что, несмотря на все, что он со мной сделал и что еще мог сделать, я все простила и заранее знала, что буду прощать дальше.

Он шептал:

– Все пройдет. Все забудется. Мы начнем сначала. Я люблю тебя. Моя жизнь без тебя не имеет смысла! Хочешь, я откажусь от царства?

Хочешь, уедем? В Тридевятое, в Тричетырнадцатое – куда скажешь.

«Хочу! – подумала я. – С тобой я все хочу». – но, не произнеся ни звука, упрямо покачала головой.

В то же мгновение Митя меня отпустил. Взгляд его стал холодным и пустым.

– Нет, – твердо и уверенно проговорила я. – Я не хочу. Я не могу. Оставшись с тобой, я каждую минуту буду помнить о том, что ты меня предал, лгал мне и плел интриги за моей спиной. И каждую минуту буду ожидать подвоха. Всегда буду ожидать. Вы с Ягой как по нотам разыграли мою жизнь. С самого начала. Без спроса затащили сюда. Ты играл со мной, как кошка с мышкой, знал, что я привязываюсь к тебе и, как овца, пойду туда, куда скажешь, сделаю все, что захочешь. Надеюсь, Яга не приложила к этому свою волшебную ручку и не наколдовала мне беззаветную любовь и всепоглощающую страсть.

Господи, куда меня понесло? Я же так не думала. Но как остановить словесный поток, льющийся из меня? От каждого произнесенного мной слова, от каждой брошенной в адрес Мити обидной фразы его глаза темнели и холодели, а между нами по кирпичику вырастала стена.

– Я не игрушка! Меня нельзя перекладывать с места на место и убирать в шкаф за ненадобностью. Я больше не позволю вертеть собой как тебе захочется. Я сама способна решать, что мне делать с собственной жизнью.

– Хорошо! Как скажешь. Ты сама решай и делай, как знаешь. Только не забудь, что в желании быть независимой и самостоятельной ты наказываешь не только меня. – Он вышел, громко хлопнув дверью.

Конечно, я наказываю себя! Кто же спорит? И почему я не могу вовремя заткнуться? Уйду, а как без него жить дальше буду, не знаю. Только и с ним не знаю как жить. С человеком, которому не верю. Я опять села на диванчик, поджала под себя ноги. Стало пусто и холодно.

Умные люди говорят «понять – значит простить», только это вовсе не так. Я очень хорошо понимала и Ягу, и Дмитрия, на месте любого из них, наверное, поступила бы так же, а может, еще и не так. Вот только на своем месте мне было очень горько и обидно. Но – простить? Ложь, предательство. Да и дело не в прощении и вере. Не место мне в этой сказке, не приживусь я в Тринадцатом

государстве. Бес, Горыныч, Лихо и прочая нечисть... одна Баба-яга чего стоит! Сколько бы времени ни прошло, я останусь здесь чужой. Никогда не пойму их обычаев, нравов и сложно сплетенных заговоров. Все время буду ждать, что кто-нибудь свинью подложит.

Зачем он пришел? Я уже все решила. Уже собралась. Уже убедила себя, что не отступлю, что назад дороги нет. А теперь опять все заново. Сижу и рыдаю над разбитым сердцем, разрушенными надеждами и угасающими мечтами.

Господи, ну если ты хотел меня убить – почему бы мне банально не погибнуть в автокатастрофе на улице большого города? Почему это должно произойти столь изощренным способом? Так долго, мучительно и в полном непонимании происходящего...

«Мне уже можно разговаривать или так и сидеть молча в ухе? – раздался голос рыбьей чешуйки, про которую я совсем забыла. – Если уж не желаешь общаться, то я бы предпочла не какое-то сухое и теплое ухо, а красивую и дорогую шкатулку для очень ценных вещей с влажной шелковой подушечкой», – бормотала ворчунья.

– Не до тебя мне, – сказала я вслух. В комнате все равно больше никого не было, а разговаривая мысленно, я чувствовала себя сумасшедшей.

«Никакого уважения! – фыркнула чешуйка. – Вот молодежь пошла! Бьешься изо всех сил, помогая им. Можно сказать, горишь на службе, трудишься не покладая рук... ног... краев. Все тайны земные открываешь, и никакой благодарности!»

– Никакие тайны земные меня не интересуют, – заверила я собеседницу. – У меня своих хватает.

«Тоже мне, тайны! – возмутилась чешуйка. – Тут и распознавать нечего. Ни разу он не соврал».

– Что ты сказала? – переспросила я.

«Митька, говорю, ни разу не соврал, – заорала рябая вредина в самое ухо. Так что у меня в голове зазвенело. – Все, что он тут нес, – чистая правда! Даже неинтересно!»

– Ты уверена? – Я уже готова была поверить в сговор русалочьей чешуйки и царя Тринадцатого царства. Только ее мне Кикимора дала очень давно. Не мог Дмитрий так все предвидеть, даже с помощью Яги.

«Ну ладно, ты глухая и слепая, бездарная, в общем. Ничего не слышишь. Но во мне сомневаться? – обиженно взвизгнула чешуйка. – Это уже слишком!»

Действительно, сомневаться в ее профпригодности причин не имелось. О таком детекторе лжи и на Петровке не мечтали.

– А что ж ты сразу не сказала? – Я негодовала – вот вредина, знает и молчит!

«Сама велела молчать! – обиделась болтушка. – Мне молчание, между прочим, нелегко дается. А теперь еще и недовольна».

Все верно. Опять я во всем виновата. Меня окружают сплошные ангелы во плоти – милы, дружелюбны, чисты в помыслах. А я, неадекватная идиотка, вечно всем недовольна!

Повесив сумку на плечо, я вышла из комнаты.

Глава 44

Дворец удалялся, становился маленьким. Разноцветное заднее стекло кареты раскрашивало его во все цвета радуги, придавая совершенно волшебный вид. В таких дворцах живут сказочные царевны, а не креативные директора.

Я отвернулась, уставившись в противоположную стенку экипажа. Так больно щемило сердце, но и назад я повернуть не могла. Столько гадостей Дмитрию наговорила. Теперь уже поздно.

Перед домом Яги я вышла, отослала карету и охрану назад. Зашла к Аксинье. Девочка сидела за столом под большим деревом. Перед ней лежала огромная куча книг. Внимательно пролистывая каждую, Аксинья раскладывала книжки в три стопки.

– Привет! – поздоровалась я.

Аксинья раздраженно отмахнулась. Потом подняла глаза, увидев меня, радостно заулыбалась.

– А-а, ты? Привет! Я думала, опять Васька лезет. Не дает мне спокойно учиться, все время отвлекает! – Девочка опять углубилась в книги.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась я.

– Мне Зар Астрон, учитель мой, учебную литературу выдал и книги для домашнего чтения, а тут еще мои. В общем, полка не выдержала и упала. Все перепуталось. Вот сортирую. Что учить, что читать, а что уже прочитала.

Все стопки были довольно высокими и угрожающе пошатывались. Того и гляди свалятся и засыпят девочку с головой. Я поправила несколько книг.

Очевидно, Аксинья занята и болтать ей недосуг. Я ее отвлекаю. Но я все равно спросила:

– Звездочета зовут Зар Астрон?

– Ага! – кивнула девочка. – Сам имя придумал. По метрике он Иван Петрович Светозаров. Но говорит, это недостаточно таинственно и диковинно для ученого. Вот он и придумал Зар – это от СвятоЗАРова, а Астрон – от ас-тро-ном, так ученый называется,

который звезды и небо изучает. – Аксинья поясняла без отрыва от сортировки книг.

Можно было еще задать много вопросов: «Как поживаешь?», «Как продвигается учеба?», «Что читаешь?». Но у девочки был очень сосредоточенный вид, отвечала она рассеянно, и только вежливость и мой статус не позволяли послать меня подальше.

– Не знаешь, Яга дома? – спросила я.

– Не-а! – Аксинья покачала головой. – С утра еще к Кикиморе ушла. На тритончика глядеть. Кики что-то неладное подозревает. И Тимофея с собой взяла, прогуляться.

Ну, как говорится, и карты в руки. Иди куда хочешь. Некому меня здесь удерживать. Да Баба-яга и не стала бы. Зачем ей это? Царство в порядке, а ты, девица, иди, отколь пришла. Нечего тянуть. Решила, так уходи. Я попрощалась с Аксиньей.

В бабкином доме было, как всегда, чисто прибрано, на столе под вышитой салфеткой стояли тарелка с пирожками, кувшин молока. А ведь я буду скучать по этому уюту и ее ворчанию. А может, плюнуть на все и остаться? Я присела на край лавочки напротив двери в чулан. Поселюсь опять у бабули. Буду по хозяйству помогать. Уж, наверное, не прогонит. Хотя бы из благодарности за пользу, принесенную государству.

«Ты со мной пойдешь или здесь остаться хочешь?» – спросила я мысленно у чешуйки.

«Все равно мне, – проворчала та. – Кстати, если тебе интересно, ты врешь, что уйти хочешь».

«Это не так, – стала упрямо убеждать ее. – А ты и у меня в мире правду ото лжи отличать будешь?»

«Ой, ну ес-тес-ственно, – закривлялась чешуйка. – Все, что слышу, все отличаю. Я даже мысли слышу. Почти всегда. Твои вот сейчас. Ну и бардак у тебя в голове!»

«Не твое дело», – отшила я.

«Да, не мое, конечно, сама только не запутайся. А то знаю я таких. Ходят потом, сами с собой разговаривают. На людей кидаются, мерещится им всякое».

Чешуйка намекала на специализированное учреждение для буйнопомешанных. Сама я про него еще после попадания сюда подумывала, так что даже предъявить болтушке было нечего.

– И долго ты сидеть тут собралась? – раздался скрипучий голос Бабы-яги. – Как бедная родственница. Угощайся. Пирожки вон еще не остыли. Молочко свеженькое. Да и Тимоше сметанки положи.

Я обернулась. Невозмутимая бабуля поставила на скамейку корзину с какой-то травой.

– Собралась, что ль, куда? – Яга окинула меня безразличным взглядом. На секунду задержалась на сумке и крае волшебной тарелки.

– Домой, – коротко ответила я.

– Так за стрельцами послать надо, – прикинулась дурочкой бабуля. – В городе тебя не тронет никто, но царице негоже без охраны.

– Мр, – произнес Тимофей, прошелся туда-сюда рядом с дверью в чулан и запрыгнул ко мне на скамейку.

– А, ты вон чего? – пожала плечами Баба-яга. – Так опоздала. Я проход закрыла.

Тимофей подозрительно ко мне принюхивался.

«Убери этого изверга хвостатого! – заголосила чешуйка, я даже вздрогнула. – А бабка брешет!»

– Как закрыла? – спросила я.

– Как-как? Вот так! Заклинаньице одно прочитала, он и закрылся. – Яга развела руками. – Кто ж знал, что ты возвращаться надумаешь. Царство спасено, с Митькой у вас вроде любовь. А мне что теперь, в чулан не ходить? У меня там вещей много, для хозяйства надобных. И так месяц целый не пользуюсь. Я же не знала. Прости, милая. Съешь вон пирожок. Тесто пышное, удалось.

Тимофей уже нашел источник заинтересовавшего его запаха, вскочил на скамейку и, встав мягкими лапками мне на плечо, тыкался в ухо мокрым носом.

«А-а-а! – заголосила чешуйка, от чего у меня раскалывалась голова и не впитывалась информация. – Убери его! Убери немедленно! Я котов боюсь до смерти. Я хоть и русалочья, а все же к рыбе близко. Он же хищник! Он же меня сожрет! Ты представляешь мою ценность для человечества?»

Я сгребла Тимофея в охапку, почесала за ушком.

– Мур, – недовольно мявкнул кот и свернулся калачиком у меня на руках, всем видом показывая, что чуть позже он все равно доберется до интересующего его предмета.

«Фуф! – вздохнула чешуйка. – Вот чудище мохнатое! Да, как я уже говорила, бабка врет».

«Точно?» – спросила я у рыбьего детектора лжи.

«Абсолютно! – твякнула та. – Ты почему все время во мне сомневаешься?»

– А открыть нельзя? – спросила я у Бабы-яги.

– Ну, в общем-то, можно, – уклончиво сказала бабка и, подумав, добавила: – Надо заклинание специальное опять прочитать, ритуал провести и подождать. Десять лет. Да и гарантии я не даю, что в то же место попадешь, откуда пришла. У вас там вообще-то пространства большие?

– Немаленькие, – автоматически произнесла я, представив себя через десять лет в каком-нибудь Зимбабве без документов и знания языка. Кажется, на нашей планете еще не перевелись людоеды.

«Врет она! Врет! Врет! Врет! – орала неугомонная чешуйка. – Пошли давай! Куда ты там собиралась? Только от этой твари мохнатой подальше!»

«Заткнись, – мысленно приказала я и постаралась изобразить на лице удрученность, обдумывая открывшиеся перспективы. Яга преспокойно занималась своей травой. Аккуратно сортировала по мешочкам и баночкам.

– Так что, открывать проход-то тебе? – поинтересовалась она как бы между делом.

– Не стоит беспокоиться, – отрезала я. И вышла из дома.

Все сложилось как нельзя лучше. Вроде как не я передумала, опомнилась, признала свою неправоту, а прохода нет и идти, собственно, некуда. Бабка, кстати, опять врала и прикидывалась. Аферистка старая!

«Есть! Есть проход! Пошли!» – орала чешуйка. Не знаю, каким, пятым или десятым чувством, она чуяла Тимофея, шедшего за нами следом. По всей видимости, кот плохо на нее влиял. Нервная она стала, неадекватная.

Душа ликовала. Я даже не подозревала, что испытаю такой прилив счастья, найдя крошечную причину не покидать Тринадцатое царство. Теперь с печальным и угнетенным видом вернусь во дворец, пожалуюсь Митьке на неуправляемую и бесстыжую старушку, как всегда смешавшую мне все карты. А там...

Далеко идти не пришлось. Митька сидел на завалинке. Я села рядом. Тимофей тут же запрыгнул мне на руки. Что-то я раньше не замечала за ним такой ласковости.

«Если ты сейчас же не избавишь меня от этого хвостатого, я не буду с тобой разговаривать», – поставила ультиматум чешуйка.

«Угомонись! Он тебя не тронет! Я тебе шкатулку выдам, инкрустированную драгоценными камнями, только успокойся и не ори, как блажная, мне в ухо», – огрызнулась я.

«Мои нервы будут на твоей совести», – обиделась чешуйка.

Я незаметно вынула ее из уха и положила в карман. Не желаю я всю свою жизнь детектором лжи оценивать. Все как у людей хочу – сомнения, волнения, надежды. А эту для государственных дел использовать буду.

Глава 45

– Что помешало тебе покинуть этот мир? Часовые у двери? Огнедышащий дракон внутри? – вскинув одну бровь, зло поинтересовался мой благоверный.

Да, настроение у него было не очень располагающее к заключению перемирия.

– Если бы! Бабуля твоя золотая ликвидировала проход! – в тон ему ответила я. – Предлагает открыть через десять лет, в неопределенном месте!

Митька захохотал:

– Мы предполагаем, Господь располагает! – К нему вернулись его обычный цинизм и самоуверенность. В глазах плясали бесенята. Он откровенно надо мной посмеивался.

– Не высоко возносишь? Не припомню, чтобы Бабу-ягу в лик святых возводили!

Он ничего не ответил, только еще громче засмеялся.

– Хочешь сказать, ты не знал? И не по твоей просьбе? – спросила я, прищурившись. Не сомневалась, что чешуйка подскажет ответ, но хотелось видеть его глаза.

– Нет! – Митька мотал головой. – Больно надо! Собралась уходить? Иди!

– Не переживай! Уйду! – надулась я. Вот мирись с ним. Хам! Сухарь! Законченный циник! Да ему никто не нужен. – Разведусь и уйду!

Я соскочила с места, забыв, что на мне уютно устроился Тимофей. Кот брякнулся на землю, недовольно мяукнул и непонимающе на меня уставился. Я, не глядя на него и на Дмитрия, быстрыми шагами пошла в сад. Меня душили злость и негодование. Господи, чем я думала? Помириться! Жить долго и счастливо! С кем? С ним? Да с ним ангел не уживется! Никакого терпения не хватит!

Дремавшее чучело встрепенулось и отвесило мне глубокий поклон. Я даже не глянула на него. Пронеслась мимо. Во фруктовом саду остановилась у беседки. Стукнула со злости кулаком о решетку, от нее отлетела щепка.

– Ненавижу! Ненавижу! – шептала я в порыве бешенства.

– Да на здоровье! Ненавидь! Только зачем имущество портить? Яга тебя за это по головке не погладит! – Митькин голос, как обычно, был безразличен и насмешлив. Он развернул меня к себе и поймал в свой крепкий кулак мою прицелившуюся в физиономию ладонь. – У нас разводы только после смерти выдаются. Могу предложить монастырь.

Я все еще делала слабые попытки побить его или, в крайнем случае, вырваться, когда он закрыл мне рот поцелуем.

Он чудовище. Он постоянно меня мучает, издевается надо мной и насмехается. Я его ненавижу. Готова убить и совершенно точно – умру без него.

Фруктовый сад Бабы-яги, ставший невольным свидетелем этой сцены, распустился белыми благоухающими цветами, невзирая на позднее лето и присутствие плодов на ветках. Ветер подхватил нежный цвет и осыпал нас лепестковым дождем с головы до ног. Дмитрий, крепко держа меня за талию, потянул из сада. Захлебываясь от красоты и восторга, я пошла за ним. Дыхание сбивалось, ноги подкашивались, я все время запинаясь, только его сильные объятия не давали упасть. У ручья он подхватил меня на руки.

– Нас искать не будут? – вяло запротестовала я.

– Обязательно будут, – подтвердил Митя, опуская меня в стог сена. – Ты, кстати, порочишь государя, занимаясь черт-те чем со стрельцом Митькой.

– Мне грозит костер? – засмеялась я, запуская пальцы в его пушистые кудри.

– Хуже, много хуже. Пожизненное заключение во дворце, – шептал он в самое ушко.

Позже мы возвращались к Яге, стряхивая друг с друга соломинки и лепестки. Терпеливые стрельцы дремали возле кареты, ожидая, когда нужно будет отвезти государыню во дворец. Довольная и улыбающаяся Яга выдала на дорогу узелок с пирожками, будто меня во дворце не кормили, и важно велела стрельцу и племянничку Мите проводить государыню до дому. Сама обещала на неделе прибыть с визитом.

Спрятавшись за плотными шторками от любопытных глаз и пожеывая пирожок, Митя спросил:

– Если бы Яга не закрыла проход, ты бы ушла?

– А он не закрыт, – просто ответила я.

– То есть? – Дмитрий чуть не подавился.

– Яга только сказала, что закрыла, но я знаю – она врет. Я захотела остаться.

Я достала чешуйку Сюзанны. Раз уж требую правду от него, то и сама расскажу.

– Знаешь, что это такое?

Митька только кинул быстрый взгляд и, усмехнувшись, кивнул:

– А вы полны сюрпризов, государыня!

– Ага! – согласилась я. – Зато теперь от вас с Ягой сюрпризов для меня станет меньше.

– Ты мне не доверяешь? – хитро спросил Дмитрий.

– Тут у вас себе-то доверять не стоит, – возмутилась я и поправила: – У нас...

– Значит, навсегда? – спросил Митя серьезно.

– Навсегда!

Он поцеловал меня в висок и, как всегда, безразличным и насмешливым тоном спросил:

– На совет боярский чешуйку одолжишь?

– Договорились.

Последний луч вечернего заходящего солнца сквозь разноцветное заднее стекло кареты упал Дмитрию на лицо, раскрасив любимые черты во все цвета радуги.

С такими волшебными мужчинами живут и царицы, и креативные директора.